

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Пустовалов Олег Викторович

**РУССКИЙ ЯЗЫК В ВОСТОЧНОМ ЗАРУБЕЖЬЕ
(на материале русской речи в Трехречье, Китай)**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Оглезнева Елена Александровна

Улан-Удэ – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1 Китайское Трехречье как одно из мест русского рассеяния в восточном зарубежье: особенности языковой ситуации	16
1.1 Исследования русского языка зарубежья в XX -XXI вв.	16
1.1.1 Русский язык зарубежья как объект лингвистического изучения	16
1.1.2 Волны и ветви русского зарубежья, аспекты их языковых исследований	21
1.1.3 Русский язык в восточном зарубежье: опыт исследования	24
1.2 Русский язык в китайском Трехречье как факт бытования русского языка в восточном зарубежье в XX-XXI вв.	26
1.2.1 История возникновения русскоязычного населения в Трехречье	26
1.2.2 Особенности языковой ситуации в китайском Трехречье	41
1.2.2.1 Языковая ситуация Трехречья в динамике	43
1.2.2.2 Анализ языковой ситуации в Трехречье с учетом ее типологических признаков в первой половине XX в.	49
Выводы по главе 1	58
Глава 2. Русский язык в речи потомков русских в китайском Трехречье	59
2.1. Лингвоперсонология как наука. Аспекты исследования языковой личности	59
2.2. Речевое портретирование как метод лингвоперсонологии, опыт его применения	67
2.3 Общая характеристика говорящих на русском языке в современном Трехречье	70
2.4 Типология носителей русского языка – потомков русских, проживающих в Трехречье	74
2.4.1. Тип А (второе поколение переселенцев)	77

2.4.1.1 Подтип А1 <i>Говорят по-русски (на диалекте) и по-китайски</i>	77
Речевой портрет Александра М.	77
2.4.1.2 Подтип А2 <i>Говорят по-русски (на диалекте) и плохо говорят по-китайски</i>	86
2.4.2 Тип Б (третье поколение переселенцев)	86
2.4.2.1 Подтип Б1 <i>Говорят по-русски (на диалекте) и по-китайски</i>	87
Речевой портрет Лидии Д.	87
2.4.2.2 Подтип Б2 (неординарный) <i>Говорят по-русски и по-китайски, владеют литературной формой русского языка</i>	100
Речевой портрет Ирины Г.	101
2.4.2.3 Подтип Б3 <i>Говорят по-китайски и по-русски (русский язык учили в семье и в учебных заведениях)</i>	112
Речевой портрет Анны Ф.	114
2.4.2.4 Подтип Б4 <i>Говорят по-китайски, плохо говорят по-русски</i>	122
2.4.3 Тип В (четвертое поколение переселенцев)	122
2.4.3.1 Подтип В1 <i>Говорят по-русски (на диалекте) и по-китайски</i>	123
2.4.3.2 Подтип В2 <i>Пассивное владение русским языком (понимают, но не говорят), говорят по-китайски</i>	123
2.4.3.3 Подтип В3 <i>Говорят по-русски (в связи с переездом в Россию) и по-китайски</i>	125
2.4.4 Тип Г (пятое поколение переселенцев)	125
2.4.4.1 Подтип Г1 <i>Говорят по-китайски и по-русски (русский язык учили в семье и в учебных заведениях)</i>	126
2.4.4.2 Подтип Г2 <i>Говорят по-русски (в связи с переездом в Россию) и по-китайски</i>	126
2.4.4.3 Подтип Г3 <i>Говорят только по-китайски</i>	127
2.4.4.4 Подтип Г4 <i>Пассивное владение русским языком (понимают, но не говорят), говорят по-китайски</i>	127
2.4.5. Тип Д (шестое поколение переселенцев). <i>Говорят только</i>	

<i>по-китайски</i>	128
2.5. Языковые компетенции потомков русских переселенцев в китайское Трехречье и динамика их билингвизма	128
2.6. Языковые особенности в русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье	133
2.6.1 Диалектное своеобразие русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье. Идентификация типа русского говора	134
2.6.1.1 Фонетические особенности	135
2.6.1.2 Морфологические особенности	141
2.6.1.3 Синтаксические особенности	144
2.6.1.4 Лексические особенности	145
2.6.2 Явление интерференции под влиянием китайского языка в русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье	151
2.6.2.1 Фонетическая интерференция	152
2.6.2.2 Морфологическая интерференция	156
2.6.2.3 Синтаксическая интерференция	159
2.6.2.4 Лексическая интерференция	160
Выводы по главе 2	164
Заключение	168
Список литературы	174
Приложение I. Родословные русских переселенцев в Трехречье	209
Приложение II. Русская речь в Трехречье (фрагмент беседы с Лидией Д. и Зоей Б.)	216
Приложение III. Фоноархив «Русские в китайском Трехречье»	230

Введение

Диссертационное исследование посвящено одному из вариантов русского национального языка – русскому языку восточного зарубежья, представленному в настоящее время в речи потомков переселенцев из России на восток, главным образом, в Китай.

Одним из мест массового переселения из России в Китай после революции 1917 г. стало так называемое Трехречье, или Саньхэ (кит. 三河区, Sānhéqū, Саньхэцзюй) [Энциклопедия Байду, 2021]. В настоящее время это территории городского уезда Аргунь, расположенного на северо-западе городского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия КНР.

В 20-30-х гг. XX в. на данной территории сформировался крупный русскоязычный анклав [Аргудяева, 2015; Забияко А.П., Забияко А.А., 2017; Тимофеев, 2003; Шахматов, 2016]. Здесь, на границе с Россией, в начале XX в. русские переселенцы проживали более чем в 20 селах. Сейчас, по прошествии века, трехреченцы, потомки переселенцев из России в Китай, являются представителями одного из национальных меньшинств КНР – русские (俄罗斯族 «элосьцзу»). Все они – потомки от русско-китайских смешанных браков, однако в компетенции многих из них до сих пор сохраняется русский язык.

В настоящем диссертационном исследовании изучается вариант русского языка, функционирующий в начале XXI в. в китайском Трехречье – русский язык потомков переселенцев из России.

Работа выполнена в соответствии с лингвистическим и социолингвистическим подходами, на основе тезиса о том, что «условия функционирования языка выступают как фактор, который формирует систему языка» [Земская, 2004, с. 237].

Актуальность работы связана с необходимостью изучения различных форм бытования современного русского национального языка. К одной из таких форм относится и русский язык эмиграции, выявленный как

самостоятельный идиом на рубеже XX-XXI вв. и относящийся в настоящее время к недостаточно изученным. Исследование сохранившейся на протяжении всего XX в. русской речи в китайском Трехречье позволяет воссоздать целостную картину функционирования русского языка в восточном зарубежье, в частности, и в русском зарубежье в целом.

Возможность использования в практике преподавания лингвистических дисциплин новых научных фактов, полученных в ходе исследования, также определяет актуальность данной работы.

Актуальность работы связана и с тем что в современной лингвистике большое внимание уделяется зонам взаимодействия различных языков, поэтому рассмотренное в работе взаимодействие типологически различных русского и китайского языков в особых исторических и социокультурных обстоятельствах представляет значительный научный интерес.

Актуальность и значимость работы усиливает обращение к уникальному лингвистическому материалу, собранному на территории китайского Трехречья, в полевых условиях, в процессе бесед с представителями потомков русских переселенцев, сохранивших русский язык во вторых-пятых поколениях. Материал систематизирован автором диссертационного исследования в фонотеке «Русская речь в китайском Трехречье», который может выступать как фрагмент Национального корпуса русского языка, представляя одну из форм его современного бытования за рубежом.

Степень изученности темы.

Русский язык восточного зарубежья исследован недостаточно, хотя в последнее время интерес к данной теме возрастает. Функционируя в XX в. на разных территориях и до сих пор сохраняясь в речи потомков переселенцев, русский язык восточного зарубежья обладает собственной спецификой, обусловленной, в частности, социальным составом переселенцев из России, являвшихся носителями определенных форм существования русского языка, а

также условиями своего функционирования и, несомненно, заслуживает детального изучения.

Масштабное исследование русского языка восточного зарубежья впервые было предпринято Е.А. Оглезневой. В фокусе работ исследователя и ее учеников находился русский язык, функционировавший в Харбине [Оглезнева 2009; Косицына, 2017; Оглезнева, Потапова, 2019], а также русский язык приграничных территорий Китая: сел правобережья Амура, Трехречья (Автономный район Внутренняя Монголия), Синьцзяна (Синьцзян-Уйгурский автономный район). Так, русскому языку приграничных сел правобережья Амура посвящены работы С.В. Гордеевой [Гордеева, 2015, 2017]. Тема русского языка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР разрабатывается С.В. Гордеевым [Гордеев, 2019; Гордеев, Оглезнева, 2020]. Изучение русского языка Трехречья положено в основу исследования автора настоящей работы [Пустовалов, 2018, 2019, 2020а, 2020б, 2020в, 2020г, 2021].

Следует отметить, что история появления русского языка в китайском Трехречье и его функционирование на протяжении всего XX в. и в начале XXI в. практически не изучались как с собственно лингвистической, так и с социолингвистической точек зрения. Социолингвистический аспект был затронут в работах Д.Б. Сундуевой [Сундуева, 2013] и А.Г. Янкова [Янков, 2012]. Тема русского Трехречья в основном разрабатывалась в рамках историко-географического, этнокультурного, лингвокультурологического, этносоциологического подходов. Среди работ, посвященных русским в Трехречье, следует отметить работы таких исследователей, как Ю.В. Аргудяева [Аргудяева, 2016], А.М. Кайгородов [Кайгородов, 1970, 1993], А.П. Тарасов [Тарасов, 2014а, Тарасов, 2014б, 2007, 2012, 2013], А.А. Забияко и А.П. Забияко [Забияко, Забияко, 2012, 2016], А.Г. Янков [Янков, 2018], В.Л. Кляус [Кляус, 2015], Л.П. Махова и А.А. Острогская [Кляус, Острогская, 2014; Кляус, Махова, Острогская, 2020], М.И. Гомбоева, Н.Н. Замошникова, Г.Б. Сундуева [Гомбоева, Замошникова, Сундуева, 2014]. Они изучали историю образования

Трёхречья, русские населенные пункты на этой территории, численность и состав населения Трёхречья в разные годы, особенности быта, занятия русских переселенцев, их культуру и фольклор.

Исследование языка русских переселенцев в китайское Трёхречье позволит создать более полную языковую картину русской восточной эмиграции и русской эмиграции в целом, дополнить научную лингвистическую базу новым речевым материалом.

Объект исследования – русская речь потомков переселенцев из России в китайское Трёхречье в XX – XXI вв.

В работе исследуется речь русских переселенцев и их потомков в китайское Трёхречье, большинство из которых в настоящее время проживает в деревне Сучин Эньхэ-Русской национальной волости и в г. Лабудалинь.

Предмет исследования – особенности функционирования русского языка в Трёхречье с момента его появления на данной территории до настоящего времени.

Цель работы – изучить состояние русского языка и степень его сохранности у потомков русских переселенцев, проживающих в Трёхречье, и определить специфику существования русского языка в условиях языкового взаимодействия с типологически неродственным китайским языком под влиянием собственно лингвистических и экстралингвистических факторов.

Цель исследования определила необходимость решения следующих **задач**:

1. Сформулировать теоретико-методологические основания исследования на базе работ, посвящённых русскому языку эмиграции в западном и восточном зарубежье;

2. Исследовать условия возникновения русского языка на одной из территорий восточного зарубежья – в китайском Трёхречье и дать характеристику волнам и причинам миграционного движения русских на данной территории в XIX-XX вв.;

3. Рассмотреть языковую ситуацию в китайском Трехречье, выявить в ней типичное и специфичное на фоне других языковых ситуаций в Китае с участием русского языка;

4. Создать типологию потомков русских переселенцев в китайское Трехречье на основе принципа «поколение»;

5. Изучить языковые личности потомков русских переселенцев в китайское Трехречье с использованием метода речевого портретирования, проанализировать особенности их речи;

6. Проанализировать билингвизм потомков русских переселенцев в китайское Трехречье в динамике на протяжении всех поколений;

7. Выявить и описать особенности русского языка Трехречья по сравнению с русским языком, сохранявшимся в речи переселенцев из России в других регионах Китая, в частности в Харбине и в приграничных селах Китая, на правом берегу реки Амур.

8. Определить степень сохранности русского языка у потомков русских переселенцев разных поколений в китайском Трехречье и основные факторы, обуславливающие ее.

Поставленные задачи определили выбор **методов исследования:**

1) методы эмпирического познания во время сбора материала: метод включенного наблюдения и интервьюирования;

2) общенаучные методы при обработке материала: наблюдение, сопоставление, фиксация языковых явлений, анализ исследуемых явлений, синтез, обобщение, классификация и типологизация эмпирического материала;

3) социолингвистический метод, предполагающий учет влияния языковых и социальных процессов друг на друга и взаимообусловленности языковых и социальных явлений;

4) метод речевого портретирования при создании портретов языковых личностей;

5) сравнительно-описательный метод для формирования типологии языковых личностей и выявления общих черт, свойственных тому или иному типу.

Гипотеза. Русский язык в китайском Трехречье сохранился в речи потомков русских переселенцев второго, третьего, четвертого и пятого поколений вследствие воздействия комплекса собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, среди которых:

- 1) языковой фактор – существование в среде типологически неродственного языка, что затрудняло его изучение;
- 2) этнический фактор – стремление к сохранению себя как русских;
- 3) культурный фактор – стремление к сохранению русской культуры, православных традиций.

Степень сохранности родного языка у разных поколений потомков русских переселенцев в китайское Трехречье является различной и имеет как субъективную, так и объективную обусловленность.

Источниками для изучения русского языка в китайском Трехречье выступили как устные, так и письменные материалы, доказывающие факт существования данного языкового варианта на данной территории. Автор был участником экспедиций в китайское Трехречье в 2017 и 2018 гг., в ходе которых были проведены беседы с потомками русских переселенцев, сделаны записи их речи и впоследствии произведены их расшифровка и анализ. Общая продолжительность записей составила более 30 часов звучащей речи и более 210 страниц расшифрованного текста.

Научная новизна проведенного исследования состоит в следующем:

- 1) Описана и проанализирована не изученная ранее языковая ситуация с участием русского языка, существовавшая в китайском Трехречье в XIX–XX вв.;
- 2) Разработана типология языковых личностей потомков переселенцев на основе принципа «поколение»;

3) Создана галерея речевых портретов потомков переселенцев в китайское Трехречье, демонстрирующая особенности существования русского языка в этом регионе Китая;

4) Определены собственно лингвистические и экстралингвистические факторы длительного сохранения русского языка (до пятого поколения) в среде типологически неродственного языка;

5) Изучен один из вариантов существования русского языка в зарубежье, а именно в восточном зарубежье – в китайском Трехречье, специфика которого проявляется в сохранении в нем русской диалектной основы и интерференции под влиянием китайского языка, что представляет собой мало изученный факт русской языковой действительности в эмиграции;

6) Выявлена динамика билингвизма у потомков русских переселенцев в китайское трехречье на протяжении шести поколений;

7) В научный оборот введен новый, уникальный языковой материал, отражающий специфику русского языка в восточном зарубежье в XX – начале XXI вв.;

8) На основе собранных материалов создан фоноархив «Русский язык в Трехречье», демонстрирующий один из способов бытования русского национального языка вне метрополии в XX – начале XXI вв.

Теоретическая значимость исследования.

1. Исследование речи значительного числа представителей потомков русских переселенцев в китайское Трехречье позволило выявить типичное и специфичное в ней на всех уровнях языковой системы в сравнении с речью русских переселенцев и их потомков в другие регионы Китая и речью представителей западной ветви русской эмиграции, что обогащает новыми сведениями лингвистическую эмигрантологию.

2. Анализ особого типа языковой личности, сформированной в среде двух языков – русского и китайского, вносит вклад в современную лингвоперсонологию.

3. В работе представлен научный анализ уникальной языковой ситуации с участием русского языка в восточном зарубежье, в Китае, а именно – в китайском Трехречье в первой половине XX в., что является вкладом в современную социолингвистику.

4. В исследовании получили дальнейшую разработку принципы изучения русского языка вне метрополии, что позволило уточнить специфику существования русского языка в восточном зарубежье и его место в системе русского национального языка.

5. Работа вносит вклад в разработку проблемы специфики речевого взаимодействия двух типологически разных языков: китайского и русского, что является значимым для теории языковых контактов.

6. Исследование также имеет значение для теории межъязыковой интерференции, демонстрируя при анализе речи потомков переселенцев универсально слабые, подверженные интерференции под влиянием китайского языка участки русской языковой системы.

7. Обширный корпус записанных в естественных условиях общения текстов, отражающих речь носителей диалекта вне метрополии, имеет самостоятельную научную ценность для всестороннего анализа диалектной речи, которая испытывает влияние китайского языка.

Практическая значимость настоящего диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы:

1) в дальнейших исследованиях, посвященных взаимодействию китайского и русского языков;

2) в вузовской практике преподавания различных дисциплин лингвистического профиля: социолингвистики, теории межкультурной коммуникации, лингвистической контактологии, общего языкознания;

3) при разработке спецкурсов и проведении семинаров, посвященных актуальным проблемам социолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии и др., а также курсов, связанных с изучением билингвизма;

4) в практике обучения русскому языку иностранных студентов и детей эмигрантов с целью недопущения ошибок на тех участках русской языковой системы, где билингвами, в нашем случае – потомками русских переселенцев в Китае, допускается наибольшее количество ошибок;

5) в лексикографической практике при составлении «Словаря потомков русских переселенцев в Трехречье»;

6) при написании студенческих курсовых и выпускных работ на темы, связанные с изучением русского языка в зарубежье, лингвоперсонологией, речевым портретированием и др.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Исследование русского языка потомков русских переселенцев в китайском Трехречье показывает, что данный языковой вариант является особой разновидностью русского языка, представляющий собой вариант бытования русского языка в зарубежье.

2. Особенности существования русских переселенцев в китайском Трехречье (история заселения, социально-политическая обстановка, культурные традиции, бытовые особенности, исконная русская диалектная форма речи, влияние китайской культуры и китайского языка) сформировали особый тип диалектной языковой личности, в речи которой проявилась интерференция под влиянием китайского языка;

3. Наличие общих языковых черт у потомков русских переселенцев в китайское Трехречье позволяет создать типологию языковых личностей потомков русских переселенцев в китайское Трехречье.

4. Сохранению русского языка в речи потомков русских переселенцев второго-пятого поколений способствовали как собственно лингвистические, так и социолингвистические факторы. Мощным фактором сохранения русского языка было то, что в Трехречье в начале XX в. сформировался русский анклав, внутри которого длительное время поддерживался русский уклад жизни и сохранялась родная языковая среда.

5. В русском языке потомков переселенцев в Трехречье проявляются как типичные для языка русского зарубежья в целом явления, так и специфичные. Русский язык в Трехречье отличается от других вариантов русского языка в восточном зарубежье по ряду свойств: большей степенью сохранности по сравнению с русским языком русских переселенцев на правом берегу Амура; преимущественно диалектной, устной формой бытования по сравнению с русским языком русской эмиграции в Харбине.

6. Для русского языка в китайском Трехречье характерен ряд особенностей, обусловленных интерференцией под влиянием китайского языка на фоне типологических отличий контактирующих языков – изолирующего китайского и флективного русского.

7. Русский язык в Трехречье выступает в настоящее время как территориальный бренд. Особенностью данной территории является трансформация русской культуры и языка как атрибута этой культуры в своеобразный территориальный бренд, выделяющий Трехречье на фоне других регионов Китая и способствующий развитию туризма. Это, с одной стороны, способствует сохранению русских традиций и русского языка, с другой – определяет специфичность русского языка Трехречья как варианта бытования русского языка в зарубежье.

Основные положения диссертации отражены в 12 публикациях автора, в том числе 3 статьи опубликованы в ведущих журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для опубликования результатов диссертационных исследований, 1 статья опубликована в журнале, входящем в международные базы данных (Scopus).

Материалы исследования обсуждались на аспирантском семинаре Отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета, на 7 научных и научно-практических конференциях всероссийского и международного уровня (2017-2021 гг.).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и 3 приложений. Основное содержание работы изложено на 210 страницах, иллюстративный материал включает семь таблиц. Список использованной литературы составляет 319 наименований.

Глава 1. Китайское Трехречье как одно из мест русского рассеяния в восточном зарубежье: особенности языковой ситуации

1.1 Исследования русского языка зарубежья в XX – XXI вв.

1.1.1 Русский язык зарубежья как объект лингвистического изучения

Русский язык зарубежья как особый феномен начал исследоваться в конце XX в., когда эмиграция из России стала открытой темой для отечественной науки и к ее изучению приступили историки, философы, литературоведы, лингвисты. Одним из первых российских языковедов, обративших внимание на феномен существования русского языка в зарубежье, стал Юрий Николаевич Караулов [Караулов, 1991, 1992]. Еще в 1991 г., отвечая на вопрос «Что такое русский язык?», он назвал восемь его разновидностей, которые можно считать формами существования русского языка, или сферами его бытования. Среди них как традиционно выделяемые, так и новые формы существования русского языка, в том числе – язык русской эмиграции. «Конечно, язык наших эмигрантов эпохи перестройки как будто ничем не отличается от современного языка метрополии, и все же здесь намечаются некоторые особенности, связанные прежде всего с новыми условиями актуализации русской речи за рубежом. Я уже не говорю о языке первой и второй (послевоенной) эмиграции, который архивировал и консервировал своеобразные черты того и другого периода в его эволюции, черты, многие из которых на исконной русской почве ушли в небытие» [Караулов, 1991, с.7–8]. Это было по сути революционное заявление, послужившее основанием для рефлексии как по поводу состава форм существования современного русского языка, так и их качественных характеристик.

Позднее появились исследования, касающиеся изучения русского языка в зарубежье, сначала – на материале западного зарубежья [Красильникова, 2001; Земская, 2001а], затем – на материале восточного [Старыгина, 2001, Оглезнева, 2009а; Гордеева, 2014]. Исследования русского языка в зарубежье объединяло то, что в центре внимания оказывалась языковая личность, обобщенная или персонифицированная, условия формирования и языковые компетенции которой были обусловлены социальными и лингвистическими факторами и зависели от волны и поколения эмиграции и, вместе с тем, обладали собственной спецификой по причине существования вне метрополии. Идея о русском языке зарубежья как особой форме существования русского национального языка нашла свое воплощение при изучении русского языка восточной ветви русского зарубежья, на материале которого оказалось возможным доказать правомочность идеи Ю. Н. Караулова [Оглезнева, 2009а, с. 10-14; 2014, с. 14-18].

Русское зарубежье исследуют ученые разных областей знания: социологи, культурологи, психологи, лингвисты, историки. Это связано с большим количеством русских колоний в различных странах на разных континентах: в Европе, в Азии, в Австралии, в Америке, в Африке. Русская эмиграция характеризуется обширностью распространения, неоднородностью социального состава, различным отношением к России, уровнем сохранности русского языка.

Самой массовой была эмиграция из России в начале XX в. после такого исторического события, как Октябрьская революция 1917 г., после которой часть русских была вынуждена переселиться в другие страны. Многие эмигранты, покинувшие Россию после 1917 г., считали, что эмиграция будет носить временный характер, но для большинства из них и их потомков она продолжается до настоящего времени. В связи с этим изменяется степень сохранности русского языка, что, несомненно, влияет на его качество и делает необходимой фиксацию языковых изменений в условиях межъязыкового взаимодействия вне метрополии.

Долгие годы тема эмиграции и, соответственно, языка эмигрантов, была закрытой для отечественных исследователей, но в конце XX в. ученые получили доступ к архивам и возможность непосредственного изучения истории и культуры эмиграции, что повлекло за собой рост интереса к данной теме, который сохранился вплоть до настоящего времени и, более того, значительно возрос.

Первые труды, посвященные русскому языку эмигрантов, были опубликованы в 20-е гг. XX в. и написаны самими эмигрантами: братьями Волконскими Сергеем Михайловичем и Александром Михайловичем [Волконский А.М., 1928, Волконский С.М., 1928], Сергеем Иосифовичем Карцевским [Карцевский, 1923], Надеждой Александровной Тэффи [Тэффи, 1988]. Основной темой исследований этих авторов являлась сохранность русского языка за рубежом.

Конец XX в. характеризуется возросшим интересом к языку русского зарубежья. С 1980-90-х гг. русский язык зарубежья активно исследуются в различных аспектах. Так, в 1991 г. Ю.Н. Караулов называет язык русского зарубежья самостоятельным способом бытования русского языка [Караулов, 1991, 1992].

Л.М. Грановская выделяет группу особых признаков русского языка зарубежья и на основании этого относит русский язык зарубежья к особой подсистеме русского литературного языка [Грановская, 1995].

Е.А. Оглезнева отмечает, что «отнесение языка русского зарубежья к подсистеме литературного языка справедливо по отношению к письменной русской речи в зарубежье. Язык западного и восточного зарубежья существовал и в устной разговорной форме, поэтому понятию «язык русского зарубежья» тесно в рамках термина «подсистема литературного языка» и его можно выделить в самостоятельную систему в рамках системы национального языка» [Оглезнева, 2014, с.11–12].

Вопрос о статусе русского языка зарубежья поднимает в своих трудах Э.А. Григорян. Так, говоря о трех полях функционирования русского языка, он упоминает «русский язык, функционирующий за рубежом в исконной этнической среде (язык русской эмиграции)» [Григорян, 1994, с.63].

В исследованиях отечественных и зарубежных ученых изучается русский язык зарубежья в разных странах: в Латвии – И.В. Диманте [Диманте, 2016]; в Литве – В.В. Ксенофонтов [Ксенофонтов, 2018]; во Франции и Канаде – Н.И. Голубева-Монаткина [Голубева-Монаткина, 1993, 1994а, 1994б, 1995, 1997, 2001а, 2001б, 2004а, 2004б]; в Италии, США, Германии, Франции, Финляндии – Е.А. Земская [Земская, 1995, 2000а, 2000б, 2001а, 2001б, 2001в, 2004, 2008]; в Финляндии в США – Е.Ю. Васянина [Васянина, 1998, 2001], Л.Л. Касаткин [Касаткин, 2000], Р.Ф. Касаткина [Касаткина, 2000], С.Е. Никитина [Никитина, 2000, 2001], М.А. Осипова [Осипова, 2002], Д. Эндрюс [Эндрюс, 1997]; в Германии и Финляндии – Е.Ю. Протасова [Протасова, 1994, 1996, 2000, 2016]; в Германии – А.В. Павлова [Павлова, 1999], А.В. Иценко [Иценко, 2017]; в Австрии – Х. Пфандль [Пфандль, 1994а, 1994б, 1997]; в Чехии и Словакии – Е.В. Евпак [Евпак, 2019], в Австралии – В. Побье [Pobie, 1972], А.Н. Анцыпова [Анцыпова, 2003, 2004, 2005а, 2005б, 2008], Н.В. Райан [2004; 2005], Е.А. Оглезнева, А.С. Потапова (Лаврина) [Оглезнева, Потапова, 2019, Лаврина, 2021]; в Китае – Е.А. Оглезнева [Оглезнева, 2000, 2001а, 2001б, 2002, 2003а, 2003б, 2004, 2005, 2007а, 2007б, 2008а, 2008б, 20008в, 2008г, 2009д, 2008е, 20008ж, 2009а, 2009б, 2010а, 2021], Н.В. Райан [2004; 2005], С.В. Гордеева [Гордеева, 2014, 2019], С.В. Гордеев [Гордеев, 2019], И.К. Косицына [Косицына, 2017], О.В. Пустовалов [2018, 2019а, 2019б, 2020а, 2021], Цзян Сюехуа [Цзян Сюехуа, 2018].

Ученые представили целостное осмысление феномена русского языка зарубежья путем использования различных подходов, рассматривая данное явление в разных аспектах.

Х. Пфандль изучает отношение эмигрантов к родному и чужому языкам [Пфандль, 1994а, 1994б, 1997].

Д. Эндрюс предлагает различные подходы к изучению русского языка за рубежом: лексикологический, фонологический, интонационный, когнитивный, социолингвистический [Эндрюс, 1997].

Е.А. Земская указывает на связь специфики речи, степени сохранности русского языка эмигрантов разных волн и поколений с различными факторами: историческими, культурными, социальными, индивидуальными [Земская, 2001а].

М.Я. Гловинская, анализируя письменные источники первого поколения эмигрантов, демонстрирует общее и различное в языке метрополии и западной эмиграции и устанавливает «слабые» и устойчивые участки системы русского языка [Гловинская, 2001а, 2001б].

Е.А. Оглезнева включает русский язык зарубежья в число форм существования национального языка по наличию у него группы признаков. В монографии «Русский язык в восточном зарубежье» ею выделены следующие признаки языка русского зарубежья [Оглезнева, 2009, с.13]:

1. Русский язык эмигрантов обладает собственным составом носителей: это переселенцы из России и их потомки, владеющие русским языком.

2. Язык русской эмиграции закреплён за определёнными условиями коммуникации: 1) на русском языке говорят дома или с представителями русской диаспоры, т.е. происходит естественное, неофициальное общение; 2) русский язык используется в периодике, художественной литературе.

3. Русский язык зарубежья обладает рядом функций.

4. Русский язык в зарубежье функционирует в территориальном отделении от метрополии.

5. Русский язык зарубежья обладает собственной языковой спецификой, которая обусловлена различными факторами.

На то, что русская речь эмигрантов демонстрирует свои особенные черты на разных уровнях языковой системы, указывали все исследователи русского языка в зарубежье [Земская, 2001а, Гловинская 2001, Голубева-Монаткина, 2001 и др.]. На русских эмигрантов, которые оказывались в новой среде, воздействовала иная языковая и культурная ситуация, по этой причине их русский язык тоже испытывал влияние этих факторов.

1.1.2 Волны и ветви русского зарубежья, аспекты их языковых исследований

Язык зарубежья как форма существования русского языка формировался на протяжении многих лет. Появление русского языка зарубежья в XX в. соотносится с исторически важными событиями.

Выделяются две ветви эмиграции из России в XX в.: западная и восточная. В каждой из ветвей отмечаются свои волны эмиграции. Отличие волн обусловлено причинами эмиграции, а также тем, как эмигранты относятся к Родине и русскому языку.

Октябрьская революция 1917 г. стала причиной отъезда из России большого количества людей. Эта волна – послереволюционная, стала **первой волной** переселения в XX в. Следует отметить, что данная волна единственная, во временных рамках которой совпали и восточный, и западный вектор. Для многих людей деятельность новой власти оказалась неприемлемой и тем самым послужила причиной их бегства с исторической родины. Дворянство, интеллигенция были против новой системы государственного управления, поэтому уезжали в Европу, Америку, Азию, Африку, Австралию. После революции центрами европейской эмиграции стали Париж, Берлин, Прага, а центром эмиграции в Азии стал Харбин.

Западная ветвь русской эмиграции первой волны характеризовалась тем, что в ее состав входили люди высокообразованные, аристократического

происхождения, прекрасно владевшие не только русским литературным языком, но и двумя-тремя иностранными языками. Е.А. Земская особо подчеркивала тот факт, что представители первой волны русской эмиграции стремились сохранить свой русский язык, потому что надеялись на скорое возвращение на Родину [Земская, 2001, с. 36-38, с. 68].

Д.Р. Эндрюс, анализируя язык русских переселенцев в США, указывает на существование иного взгляда на хронологию первой волны. Предки некоторых современных американцев, выходцы из России, покинули Российскую империю до 1917 г. – в конце XIX в. Поэтому встает вопрос о точных временных рамках первой волны эмиграции. Д.Р. Эндрюс уточняет, что большую часть эмигрантов конца XIX – начала XX в. составляли евреи, для которых родным языком был идиш [Эндрюс, 1997, с. 18]. Поэтому при определении волн эмиграции из России необходимо понимать, что речь идет о людях, родным языком для которых был русский.

Вторая волна эмиграции, которую можно обозначить как военную, состояла из русских, оказавшихся после Второй мировой войны за рубежом. Это беженцы, пленные или угнанные работать в Германию. Направление этой волны – только западное. Эта волна приходится на 1940-е гг. По составу входивших в нее людей эта волна отличалась от предыдущей и была представлена простыми гражданами СССР [Эндрюс, 1997, с.18].

Третья волна, условно называемая «диссидентская», приходится на 1970-е гг. XX в. В это время страну добровольно покидала (а в некоторых случаях была изгнана) творческая интеллигенция. По своему направлению это была западная волна. Представители этой волны придавали большое значение русскому языку, рассматривали его как важную культурную составляющую, как большую ценность [Земская, 2001а, с.41].

Следующая волна – **четвертая** – может быть обозначена как «постперестроечная». Она пришлась на 1990-е гг. Массовый отъезд из России был вызван политическими и социально-экономическими изменениями в стране. В

состав этой волны входили представители разных групп населения. Их главной целью было ассимилироваться в иной среде, поэтому у них не было необходимости в сохранении русского языка. В этом Е.А. Земская видит основную причину изменения русского языка эмигрантов четвертой волны: возникновение интерференции под влиянием другого языка (других языков), постепенное растворение русского языка в чуждой языковой среде. Среди особенностей русского языка переселенцев четвертой волны Земская отмечает лексические заимствования и в небольшой степени изменения на фонетическом уровне и интонации [Земская, 2005].

Давая характеристику процессам, которые происходили в русском языке зарубежья в конце XX – начале XXI вв., Е.А. Земская отмечает изменение состава представителей четвертой волны: большинство уехавших из России не имеют высшего образования, занимаются низкоквалифицированным трудом [Земская, 2001, с. 16]. По мнению Земской, даже кратковременное пребывание за границей может стать причиной изменений в русском языке под влиянием чужого языка [Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков, 2008, с. 619].

А.В. Зеленин несколько по-иному рассматривает состав волн эмиграции. Четвертую волну, согласно предыдущей классификации, он рассматривает как пятую, подчеркивая ее отличие от всех других волн эмиграции. А.В. Зеленин дает определение пятой волне как «экономической» или «интеллектуальной», устанавливая ее временные рамки с середины 1990-х гг. Основным мотивом переселения за рубеж в данном случае выступают экономические факторы. Представители этой волны регулярно приезжают в Россию, оставаясь ее гражданами.

В качестве четвертой волны эмиграции А.В. Зеленин рассматривает легальный выезд из страны, связанный с эпохой либеральных политических свобод, который пришелся на период с конца 1980-х до середины 1990-х гг. Данную волну он называет «этнической», т.к. у этой волны был выраженный

этнический и репатриационный характер, – покинули страну прежде всего евреи, немцы, финны, поляки, греки. Репатрианты получили возможность вернуться в прежние места проживания или на родину своих предков [Зеленин, 2007, с. 32-33].

Все волны русской эмиграции обладают: а) своими культурными и социальными особенностями, что сказывается на русском языке представителей этих волн; б) общими с другими волнами тенденциями в русском языке вне метрополии; в) своими качественными характеристиками, которые определяются отнесенностью к поколению эмигрантов. Из этого можно сделать вывод, что русский язык зарубежья является особой формой существования русского языка.

1.1.3 Русский язык в восточном зарубежье: опыт исследования

Одним из основных направлений русской восточной ветви эмиграции являлся Китай. Наибольшее количество русских было сосредоточено в Харбине, в Шанхае, в Тяньцзине. Восточная ветвь эмиграции была достаточно многочисленной. Так, исследователи сообщают, что в 20-е гг. XX в. в Харбине проживало около 400 тыс. русских [Печерица, 1998, с. 264].

Тема русского языка восточного зарубежья привлекает внимание многих ученых. Так, Л.М. Шипановская анализирует особенности русского языка русских писателей-эмигрантов, проживавших в Харбине на материале их произведений [Шипановская, 2003, 2006]. Г.М. Старыгина описывает лингвисторические портреты харбинцев [Старыгина, 2001], исследуя языковые личности русских эмигрантов, которые проживали в Харбине. Н.В. Райан, сама родившаяся в семье эмигрантов в Маньчжурии и до 1958 г. проживавшая в Китае, в своей книге «Россия-Харбин-Австралия: сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России» показывает историю сохранения русского языка вне России в течение ста лет, начиная с 1898 г.

[Райан, 2005]. А.Н. Анцыпова также пишет о сохранении русского языка у «харбинцев», потомков переселенцев из России в Китай, а затем представляет особенности русского языка так называемой «харбинской эмиграции» в Австралии, особенности ассимиляции русских в этой стране [Анцыпова, 2008].

Тема русского языка в восточной эмиграции получила освещение в статьях и монографии Е.А. Оглезневой [Оглезнева 2000, 2001а, 2001б, 2002, 2003а, 2003б, 2004, 2005, 2007а, 2007б, 2008а, 2008б, 2008в, 2008г, 2008д, 2008е, 2008ж, 2009а, 2009б, 2010, 2014, 2016, 2021]. Работы исследователя вносят большой вклад в изучение русского языка за рубежом. Так, в монографии «Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине)» исследуется русская речь потомков переселенцев в Харбин (центр русской восточной эмиграции), записанная в ходе научных экспедиций в 2000-2002 гг. Е.А. Оглезнева описывает функционирование русского языка в Харбине, изучает формы существования русского языка, исследует языковые личности русских харбинцев. В ее работе описывается языковая ситуация в Харбине в первой половине XX в., дается характеристика русской речи потомков русских переселенцев, представлены их речевые портреты.

Тема русского языка в приграничном Китае разрабатывалась в статьях и диссертации С.В. Гордеевой [Гордеева, 2011, 2012, 2013а, 2013б, 2014а, 2014б, 2014в, 2014г, 2014д]. Работы написаны по материалам научно-исследовательских экспедиций, осуществленных автором в приграничные села Китая в 2011-2012 гг. В работах С. В. Гордеевой представлен вариант русского языка, на котором говорят потомки русских переселенцев, проживающие в селах северо-востока Китая, в провинции Хэйлунцзян. С.В. Гордеева исследует русский язык, функционирующий на периферии русской восточной эмиграции. В своей диссертации автор рассматривает процесс появления русского языка на территории приграничного Китая, описывает условия и характер его функционирования, определяет основные места бытования русского языка в китайском приграничье, исследует языковую ситуацию на приграничной с Россией

территории Китая, изучает языковую компетенцию потомков русских эмигрантов приграничного Китая разных поколений, создает их речевые портреты.

С.В. Гордеев изучает языковую ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, который также являлся одним из мест русского переселения. Автор анализирует особенности функционирования русского языка на территории северо-западного Китая в период с середины XIX до начала XXI века на материале опубликованных научных работ по истории русской колонии в Синьцзяне, а также сведений, собранных в ходе научной экспедиции в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. С.В. Гордеев отмечает, что русский язык используется в бытовой, религиозной, образовательной, производственной и культурной сферах, что оказывает влияние на сохранение этнической принадлежности русскоязычного населения и на сохранение русского языка [Гордеев, 2019].

Несмотря на значительно возросший интерес к русскому языку в зарубежье, в области исследования русского языка в восточном зарубежье до сих пор остаются «белые пятна», в частности практически не исследованным остается русский язык в китайском Трехречье.

1.2. Русский язык в китайском Трехречье как факт бытования русского языка в восточном зарубежье в XX – XXI вв.

1.2.1 История возникновения русскоязычного населения в Трехречье

Трехречье, или Саньхэ (кит. 三河區, Sānhéqū, Саньхэцзюй), – уникальная в этнографическом и историческом аспектах территория. Трехречье стало одним из мест активного переселения русских из России, а именно из Забайкалья, в послереволюционный период – в 20-30-е гг. XX в. Район Трехречья назван по своему расположению в бассейне трех рек – Ган, Дербул и Хаул,

правых притоков Аргуни, где к середине 20-х гг. XX в. было более 20 русских поселений [Аблова, 2004, с. 224; Аблажей, 2007, с. 36]. В эти годы Трехречье входило в состав Барги – Северо-Западной части Маньчжурии [Аргудяева, 2016, с.17].

В настоящее время Трехречье располагается на территории городского уезда Аргунь (кит. 额尔古纳, Ёёргүнà, Ээргуна) на северо-западе городского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики.

В журнале «Рубеж», выпускавшемся в г. Харбине, Трехречье и его русское население было описано так: «Это были бежавшие от преследований новой власти забайкальские казаки, перешедшие границу со своим скотом и осевшие на привольных трехреченских землях. Так создался в Маньчжурии, за рубежом, этот живой осколок кондовой, казачьей Руси, чудесно сохранившей свой красочный быт и славные традиции казачества» [Цит. по: Оглезнева, 2009, с. 77].

Многие современные российские и китайские ученые посвятили свои исследования изучению этой территории: В.А. Анучин [Анучин, 1948], Ю.В. Аргудяева [Аргудяева, 2016], Ю.П. Батурина [Батурина, 2012], И.П. Башаров [Башаров, 2010], Г.П. Белоглазов [Белоглазов, 2007], А.А. Забияко [Забияко, 2016, 2017], А.П. Забияко [Забияко, 2016, 2017], Т.М. Зенкова [Зенкова, 2006], Я.В. Зиненко [Зиненко, 2015], А.М. Кайгородов [Кайгородов, 1970, 1990-1994, 1993, 1998], В.Л. Кляус [Кляус, 2015], В.А. Кормазов [Кормазов, 1928, 1934а, 1934б], Д.Д. Курова [Курова, 2011], Лян Чжэ [Лян Чжэ, 2016], Р.П. Матвеева [Матвеева, 2011], Е.А. Оглезнева [Оглезнева, 2009, 2018б], В.В. Перминов [Перминов, 2012], И.О. Пешков [Пешков, 2010], О.И. Сергеев [Сергеев, 2012], А.А. Серкова [Серкова, 2011], Д.Б. Сундуева [Сундуева, 2013], А.П. Тарасов [Тарасов, 2003, 2007, 2013, 2014], Цин Цзюе [Цин Цзюе, 2011], И.В. Чапыгин [Чапыгин, 2005], Чэн Даохун [Чэн Даохун, 1999], И.Л. Шевнин [Шевнин, 2009], Ши Чуньли [Ши Чуньли, 2009], Юй Цзяньчжун [Юй Цзяньчжун, 2004],

Янь Гуанцин [Янь Гуанцин, 2013] и др. Из западных исследователей можно отметить Серена Урбански, который в своих работах затрагивал тему казаков в Трехречье [Урбански, 2014].

Точных данных о времени появлении первых русских в Трехречье нет. Для определения времени переселения русских на правый берег Аргуни были использованы воспоминания местных жителей, свидетельства писателей. Так, поэт М.Л. Михайлов, который отбывал каторгу в 1860-х гг. в Кадае (Забайкальский край), сообщал о побегах каторжан через Аргунь в Маньчжурию в первой половине XIX в. [Михайлов, 1989, с.290]. По свидетельствам эвенков, они видели в середине XIX в. в верховьях рек Хаул, Дербул и Ган русские избы, скот, заготовленное сено [Цит. по: Кайгородов, 1993, с.3].

Позднее в Трехречье появлялись избы охотников, заимки казаков, которые проживали за Аргунью, на родине, но приходили на маньчжурскую сторону. Эти построения изначально носили сезонный характер, использовались для укрытия от плохой погоды или проживания во время покоса (сено заготавливали на маньчжурской стороне) и зимнего сезона охоты [Аргудяева, 2016, с.37].

А.М. Кайгородов пишет, что заселение Трехречья началось в XIX в., с появлением первых заимок, созданных казаками из Забайкалья. Местом появления первых русских заимок были берега р. Хаул. В 1870 г. две заимки объединились в хутор Ивановка, который состоял из четырех дворов. В 1875 г. на месте заимки появился хутор Ерничная. В 1885 г. заимка выросла в небольшой поселок с шестью дворами, огородами и пашней. В 1890 г. самая нижняя по Хаулу заимка разрослась в богатую деревню Манерка с тысячными отарами овец, стадами крупного рогатого скота и табунами лошадей [Кайгородов, 1990-1994, с. 4-5]. Власти Китая не противодействовали русской колонизации этого региона.

Постепенно заселившие эту территорию казаки все реже возвращались на родину в станицы на левом берегу р. Аргунь, стали проживать по р. Хаул [Аргудяева, 2016, с.38].

После событий революции 1917 года Трехречье оказалось одним из мест массового переселения русских, впоследствии здесь возник русский анклав [Оглезнева, 2018а, с.81]. Здесь были сосредоточены части белого движения, разбитые Красной армией, а также казаки, которые не смогли принять советскую власть. Все они перешли на китайскую сторону. В годы коллективизации поток переселенцев в Китай из сопредельного Забайкалья усилился.

Советские власти видели в Трехречье «оплот антикоммунизма и пытались его уничтожить» [Балмасов, 2004]. Были сформированы вооруженные отряды, организовывавшие набеги на села русских переселенцев из Забайкалья на правом берегу р. Аргунь. Во время таких набегов поджигались избы, было физически уничтожено большое количество людей. Действия карательных отрядов заставили переселенцев уйти из приграничья с Россией в глубь китайской территории – район рек Ган, Дербул и Хаул, т.е. в Трехречье [Кайгородов, 1990-1994, с. 4-5].

После окончания Гражданской войны в России, в 1920-е гг., в Трехречье было 375 русских хозяйств с населением в 2130 чел. В частности, в долине р. Ган (поселки Верх-Кули, Лабдарин, Нармакчи, Усть-Кули, Одинокая, Усть-Урга, Верх-Урга, Кантагатуй, Ильгачи) было 202 русских хозяйства с населением в 1130 чел.; в долине р. Дербул (поселки Щучье, Лабзагор (Лабцагор), Ключевая, Караганы, Верхний Тулунтуй, Нижний Тулунтуй, Светлый Колый (Колуй), Драгоценка функционировало 151 русское хозяйство (865 чел.); в долине р. Хаул (Ивановка, Ареучи, Черноусиха, Ерничная) находилось 22 русских хозяйства (135 чел.) [Кормазов, 1928, с.50-51]. По другим источникам в эти годы в Трехречье проживало до 5 тысяч русских [Хисамутдинов, 2003, с.30]. Численный состав русских в Трехречье представлен в таблице 1.

Таблица 1. Численность русского населения в Трехречье.

Год	Численный состав населения, чел.	Источник
1920-е гг.	9 833 чел.	Чжан Сяобинь, 2015, с. 16
1924	1899 чел.	Жернаков, 1975, с.3
1927	2302 чел.	Жернаков, 1975, с.3
1927	2400 чел.	Аблова, 2004, с.224
1933	5519 чел.	Жернаков, 1975, с.3
1938	6800 чел.	Жернаков, 1975, с.3
1940	до 12 тысяч чел.	Жернаков, 1975, с.3
1940	6964 чел.	Аблова, 2004, с.224
1944	8000 чел.	Кормазов, 1934, с. 64-65
1944	9050 чел.	Аргудяева, 2016, с.52
1945	11 тысяч чел.	Кормазов, 1934, с. 64-65
1945	от 11 до 25 тысяч чел.	Кайгородов, 1970, с.141, 1998, с.35
1953	9799 чел.	Чжан Сяобинь, 2015, с. 21
1954-1955	более 20 тысяч чел.	Кокухин, 2008, с.19
1964	5 чел.	Чжан Сяобинь, 2015, с. 30
1972	23 чел.	Перминов, 2007
1990	7012 чел.	Тан Хуэй, цит. по Гутин, 2011, с. 77
2000	5022 чел.	Гутин, 2011, с. 80
2018	2631 чел.	Статистический ежегодник территорий Китая, 2020

В таблице 2 «Русские населенные пункты Трехречья» дается основная информация о населенных пунктах Трехречья: время основания, численность русскоязычного населения, время и место реэмиграции или репатриации и др. Данные сведения позволяют составить представление о миграционных процессах русского населения на территории Трехречья.

Таблица 2. Русские населенные пункты Трехречья

Населенный пункт	Время основания	Время реэмиграции (репатриации)	Место реэмиграции (репатриации)	Численность населения	Доп. информация
Русские населенные пункты по р. Дербул					
Дубовая	1880 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 7].	1955-1956 гг. Три семьи оставались в Дубовой до 1975 г. [Кайгородов, 1970, с. 144].	Большинство жителей Дубовой выехало в СССР на освоение целинных и залежных земель в районах казахстанских степей	1 500 человек [Шахматов, 2014, с.84].	

			[Шахматов, 2014, с.85].		
Продолжение таблицы 2					
Ключевая	1885 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].	1955-1956 гг. [Кайгородов, 1990-1994, с. 8]. Две семьи оставались в селе до 1970 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].	Многие уехали в СССР, в районы освоения целинных земель, некоторые отправились в Австралию [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].	К середине 1950-х гг. численность населения в селе достигала 900 человек [Шахматов, 2014, с.77].	В 1913 г. была построена церковь [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].
Тулунтуй	1882-1885 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].	1955-1956 гг. Три семьи оставались в селе до 1965 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].	Жители поселка выехали в Австралию [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].	В Тулунтуе проживало до 600 человек [Шахматов, 2014, с.88].	В селе находились церковь и русская начальная школа [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].
Попирай	1895 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].	1955-1957 гг. Три семьи оставались в селе до 1965 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].	Не выявлено	К моменту отъезда, 1955-57 гг. 400 чел. [Шахматов, 2014, с.82].	Самое богатое село Трехречья по количеству скота [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].
Караганы	1890 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].	1956 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].	Уехали в СССР на целину [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].	35 дворов [Шахматов, 2014, с.82].	
Щучья [Кайгородов, 1990-1994, с. 8] Щучье [Шахматов, 2014, с.63]	1880 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 8]	1956 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 8]	Не выявлено	К 1945 г. в селе Щучье проживало около двухсот жителей [Шахматов, 2014, с.63].	
Населенные пункты по р. Ган					
Покровка	1925 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 9]	1955-1956 гг. [Кайгородов, 1990-1994, с. 9] Несколько семей оставались там до 1962 г. [Шахматов, 2014, с.107].	Места переселения: Большой Хинган (Китай), Южная Америка, Северная Америка, в том числе Аляска (старообрядцы)	не выявлено	Было две церкви: старообрядческая ¹ ,новообрядческая ² Дети обучались в русской начальной школе,

¹ Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы

² Церковь в честь иконы Казанской Божией Матери

			[Кайгородов, 1990-1994, с. 9].		молодое поколение организовало русский молодежный клуб [Шахматов, 2014, с.107].
--	--	--	--------------------------------	--	---

Продолжение таблицы 2

Усть-Кули	1907 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 10]	1955-1957 гг., Несколько семей оставались до 1960 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 10].	Не выявлено	30 дворов [Шахматов, 2014, с.106].	Имелись русская начальная школа и две церкви: старообрядческая и новообрядческая [Шахматов, 2014, с.106].
Лабдарин	1885-1900 гг. [Кайгородов, 1990-1994, с. 10].	1955-1956 гг. [Кайгородов, 1990-1994, с. 10].	Большинство населения выехало в СССР на освоение целинных земель в районе Казахстана [Шахматов, 2014, с.94].	Не выявлено	Была русская начальная школа. После отъезда русских сюда переселились китайцы из центральных районов Китая [Кайгородов, 1990-1994, с. 10].
Челотуй	1914 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 10].	1955-1956 гг. [Кайгородов, 1990-1994, с. 10]	Не выявлено	Не выявлено	нет
Светлоколуи (Светлый Колуй).	1910 г. [Шахматов, 2014, с.94].	1956 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 11].	Не выявлено	В 1945 г. более пятисот жителей [Шахматов, 2014, с.106].	нет
Русские населенные пункты в междуречье Дербула и Гана					
Баржакон	1922 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 15].	1955 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 15].	не выявлено	Не выявлено	нет
Лапцагор (Лабзагор)	1905 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 15].	1955-1956 гг. [Кайгородов, 1990-1994, с. 15].	не выявлено	К 1945 г. около 20 дворов [Кайгородов, 1990-1994, с. 15].	нет

Продолжение таблицы 2

Верх-Урга	1920 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 15].	1955-1956 гг. Некоторые семьи оставались до 1970 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 15].	не выявлено	Село «довольно населенное» в 1940-е годы [Кайгородов, 1990-1994, с. 15].	нет
Усть-Урга	1920 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 15].	1955-1957 гг., отдельные семьи оставались в селе до 1972 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 15].	Выехали в СССР [Кайгородов, 1990-1994, с. 16].		В 20 км от Усть-Урги, вверх по течению р. Ган находился монастырь [Кайгородов, 1990-1994, с. 16].
Шифровая	1940-е гг. [Кайгородов, 1990-1994, с. 15]. По др. данным, село основано в нач. 1930-х гг. охотниками-старобрядцами [Шахматов, 2014, с.106].	1956 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 17].	Не выявлено	Не выявлено	нет
Верх-Кули	1890 г. [Кайгородов, 1970, с.144]	1955 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 17].	Многие уехали в Австралию [Кайгородов, 1990-1994, с. 17].	Являлось первым по численности населения. По данным А.М. Кайгорова, к 1945 г. в селе было около 1500 русских [Кайгородов, 1970, с.144]. По сведениям П. Шахматова 2000 человек [Шахматов, 2014, с.70].	Считалось самым богатым селом Трехречья. В 1911-1912 гг. построена старообрядческая церковь [Кайгородов, 1970, с.144], по другим данным – в 1922 г., а в 1940 г. – новая церковь. Православная церковь была построена позднее

					[Шахматов, 2014, с.70].
--	--	--	--	--	-------------------------

Продолжение таблицы 2

Нармакчи	Основан несколько позднее, чем Верх-Кули [Кайгородов, 1990-1994, с. 18].	1956 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 18].	Все русское население было депортировано в СССР [Кайгородов, 1990-1994, с. 18].	Небольшое село в 15-20 домов [Кайгородов, 1990-1994, с. 18].	
Драгоценка (по-китайски Саньхэ)	1880-1882 гг. [Кайгородов, 1970, с.144].	1955 г. [Кайгородов, 1990-1994, с. 12].	Переезжали в СССР и Австралию [Шахматов, 2014, с.70].	В Трехречье в селах среднего размера было 40-50 дворов, в центре Трехречья, в самом большом населенном пункте, в Драгоценке, в 1940-е гг. насчитывалось ок. 100 дворов, где проживали 600-700 человек [Аргудяева, 2016, с.36]. В 1944 г. в Драгоценке проживало ок. 3000 человек (без учета японского гарнизона в 300 чел.), в т.ч. русских ок. 1500 [Кайгородов, 1970, с.144].	Драгоценка была административным, культурным, торговым центром Трехречья. [Шахматов, 2014, с.70]. Здесь находилась китайская школа и единственная в Трехречье русская восьмилетняя школа. Несколько семей оставались в поселке до 1962 г., т.к. многие не хотели оставлять собор Петра и Павла. В конце концов они были насильно выселены, храм использовали

					как клуб, затем как склад, а позднее разобрали [Аргудяева, 2016, с.52].
--	--	--	--	--	---

Можно выделить следующие основные этапы истории русского заселения Трехречья:

1. Вторая половина – конец XIX в.: появление первых заимок казаков из Забайкалья, населявших станицы по российско-китайской границе [Кайгородов, 1990-1994, с. 7; Кляус, 2015, с.7].

2. 1900 – 1917 гг.: переселение части русского населения Забайкалья на территории правого берега р. Аргунь. Основаны постоянные поселения [Кайгородов, 1990-1994, с. 8].

3. 1918 – конец 1920-х гг.: в Трехречье эмигрируют забайкальские казаки после Октябрьской революции и Гражданской войны в России. По словам жителя Трехречья, потомка русских переселенцев в китайское Трехречье Александра М., *много русских приехали в Китай / когда в России произошла революция // Которые были богатые / кулаки / они сюда переехали //* [Фоноархив «Русская речь в китайском Трехречье», 2019].

В 1920 г. правовое положение русского населения в Китае ухудшается: президент Китайской республики ратифицировал декрет об отмене экстерриториальности царской России [Декрет и правила...Весь Харбин, 1923г., с. 88-89]. До этого времени русские подчинялись законам Российской империи. Возникла проблема бесподданства русских поселенцев, они стали апатридами [Куликова, 2001, с.164-165].

4. 1929 г.: нападения вооруженных карательных отрядов из Советской России на русские поселки Трехречья.

5.1931 – 1945 гг.: период Маньчжоу-го. В Трехречье устанавливается оккупационный режим Японии. По словам Ирины Гр.: *От Шивеи потом вбок был посёлок Галдучи (на границе с российской территорией – прим. авт.) / вот японцы доезжали до туда // Они там укоренились / японцы //*. Между тем продолжается экономическое развитие Трехречья [Шахматов, 2014, с.58].

6.1954 – 1957 гг.: Миграция русского населения из Трехречья в СССР и другие страны. По воспоминаниям Николая Ш.: *Многие русские уезжали в Казахстан / в Россию / в Австралию / у меня сын в Иркутске //*.

В.Л. Кляус в книге «"Русское Трехречье" Маньчжурии». Очерки фольклора и традиционной культуры» пишет: «История русских в Трехречье является трагической страницей в жизни нашего народа. Сначала было вынужденное бегство из Советской России в 1920 – 1930 гг. и необходимость обустроиваться с нуля на новом месте; жизнь без гражданства, сперва под китайской властью, а затем под японцами, которые заставили в начале 1930-х гг. переселиться в глубь территории практически всех русских, находившихся вблизи границы. И как итог этой жизни – исход из Трехречья в конце 1950-х – начале 1960-х гг.» [Кляус, 2015, с. 82].

7.Начало 1960-х – конец 1970-х гг.: Культурная революция, а вместе с тем принятие политики, направленной на борьбу со всем «русским», процессы насильственной ассимиляции [Кляус, 2015, с. 7]. По воспоминаниям одного из информантов, потомков русских переселенцев в Трехречье, Александра М.: *Во время культурной революции метисов в кандалы // Здорово нас пичужили // Два года сидели в тюрьмах //*.

8.1985 г. по настоящее время: русские как национальное меньшинство – элосьцзу (кит. 俄罗斯族), включены в список малочисленных народов Китая. В 1994 году была образована русская национальная волость Эньхэ, ее центром стало село Эньхэ (раннее Караванная) [Тарасов 2012, с. 26]. С этого времени правительство оказывает поддержку Русскому населению китайского Трехречья. Православие признается национальной религией русских, организуются

русские праздники, встречи с потомками русских переселенцев. Главным праздником для трехреченцев до сих пор является Пасха. По словам Александра М.: *Пошти что кажные праздники русские / китайские // Всё праздники // Новый год / Паскацзе / потом Рожжество // Все русски праздники // Ой / много праздников // <...> Здесь самый большой щас уже – Паска // Мы собирамся / потом нас здесь угощат //*

В то время как в Китае действовала программа «Одна семья – один ребенок», русским как представителям национального меньшинства разрешалось иметь двух детей. Кроме того, представителям национальных меньшинств предоставляют льготы при поступлении в высшие учебные заведения.

С 2004 по 2007 гг. для улучшения жизни элосьцзу, а также других национальных меньшинств (эвенков, ороحوнов) правительство выделяло средства в размере 10,95 млн. юаней. Средства были направлены в том числе на помощь русским поселениям и русским семьям (2435 человек, 782 семьи) [Дашдорж, 2008, с. 16]. В настоящее время в Эньхэ развивается туристическая программа «В гости к русским» [Кляус, 2015, с. 7]. Китайские предприниматели используют русский язык для привлечения туристов.

Данные, полученные из китайских источников, позволяют дополнить историческую картину появления русского населения в Трехречье. В текстах китайских исследователей, помимо названия этого региона – Саньхэцуй, встречается другое – Аргунь-Юци (Правоаргуньский уезд). До XVII в. четкой государственной границы в этом районе не существовало, поэтому китайцы и русские могли свободно здесь находиться и использовать ресурсы этих земель. После подписания в 1689 г. Нерчинского договора р. Аргунь стала границей между Китаем и Россией. Границу было запрещено переходить. Вместе с тем было уточнение, что проживающим здесь до подписания договора, можно остаться на этой территории. Около 1000 русских предпочли остаться в Китае. Для контроля за границей с 1727 по 1909 г. китайское правительство установило 38 пунктов охраны, но ввиду протяженности границы эта мера оказалась

неэффективной – русские продолжали переходить границу [Янь Гуанцин, Дун Сянчжуй, 2013, с. 30 (на кит. яз.)].

Далее исследователи Янь Ганцин и Дун Сянчжуй сообщают, со ссылкой на архивы, что до 1884 г. в Китае было 15 000 русских, которые занимались добычей золота в приаргуньском районе. Тогда на этой территории уже было построено несколько русских деревень. В это время заключались союзы русских и китайцев, у них рождались дети, как их называли в Трехречье «полукровцы» [Янь Гуанцин, Дун Сянчжуй, 2013, с. 31 (на кит. яз.)].

История образования русского анклава описана в книге «Русские как народность в Автономном районе Внутренняя Монголия», которая вышла в 2015 г. [Чжан Сяобинь, 2015, на кит. языке].

В этой книге опубликованы данные о проживающих в районе Хулун-Буир. Согласно официальной статистике на 1910 г., из них иностранцев было 17061 чел., в подавляющем большинстве это были выходцы из России. В 1917 г. в одном только Хайларе находилось 5554 русскоподданных. В 20-е гг. XX в. в Приаргунье располагалось 30 русских деревень, 9833 чел. русского населения, которые составляли 83,3 % общей численности населения (11806 чел.). Также приводится информация о репатриации русского населения в СССР и выезде в другие страны в 50-е гг. XX в.: в 1953 г. в Трехречье проживало 9799 чел. (1825 семей); на протяжении следующих 10 лет их количество уменьшалось [Чжан Сяобинь, 2015, с. 16]. В 1964 г. только одна семья, которая состояла из 5 человек, официально числилась русской [там же, с. 21]. Противоположно этому процессу в период с 1947 по 1966 гг. численность ханьцев увеличилась с 2902 до 20089 чел. [там же, с. 30].

Правительство Китая способствовало заселению северо-востока страны, туда отправлялись жители провинций Шаньдун и Хэбэй, в то время испытывающие проблемы экономического характера. В северо-восточной части Китая земли были более плодородными, чем в этих провинциях. При поддержке

правительства большой поток населения направлялся и на территорию Трехречья.

Во время строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) правительство России привлекало на работу китайских рабочих. По завершении строительства рабочие остались жить на пограничной территории, многие из них шли в работники к русским чиновникам, зажиточным крестьянам. Одинокие китайские мужчины брали в жены русских женщин. Некоторые из них уезжали в Россию, другая часть поселялась в Аргунь-Юци или на приграничной территории в провинции Хэйлунцзян [Янь Гуанцин, Дун Сянчжуй, 2013, с. 32 (на кит. яз.)].

В 1922 г. район Аргунь-Юци населяло 10 тыс. советских эмигрантов: 9200 чел. проживали в уезде Шивэй, 600 чел. в уезде Чжицянь, которые переехали сюда после событий революции 1917 г. [Янь Гуанцин, Дун Сянчжуй, 2013, с. 33 (на кит. яз.)].

Необходимо добавить, что большинство населения Трехречья до переселения китайцев из других регионов Китая (1955–1956 гг.) было представлено русскими. Переселялись русские не только из Приаргуны, но и из других мест: станций вдоль КВЖД, из Хайлара, Харбина и Маньчжурии.

Вторым по численности в Трехречье народом были китайцы. Общее число китайцев составляло 1000–1100 чел., основная часть проживала в Драгоценке [Кайгородов, 1970, с.144].

Третья часть населения Трехречья – японцы, которые прибыли в Трехречье в 1932 г. во время создания государства Маньчжоу-Го. Японцы покинули Трехречье в 1945 г. [Кайгородов, 1970, с.142].

В Трехречье также проживали эвенки (164 чел. в 1989 г.), орохоны (250 чел. по китайским источникам), буряты, монголы [Кайгородов, 1990–1994, с. 20].

Русские из этих мест уезжали или были выселены в 1955–1956 гг. В это же время в Трехречье переселялись китайцы из центральных районов [Кайгородов, 1990–1994, с. 10].

По данным газеты «Жэньминь жибао» (данные на 2006 г.), потомки русских в Трехречье проживают в 7–8 селах. 1774 человек населяет национальную волость Эньхэ [«Жэньминь жибао» онлайн, 2006].

По данным на 2018 г. в городе Эргун общее число населения 79 942 человек, из них китайцев – 58 778, представителей национального меньшинства Китая – русских (элосыцзу) – 2613 [Библиотека Байду. Эньхэ]. По данным пятой национальной переписи населения КНР от 2000 года в Эньхе проживало 1049 человек, в том числе 253 элосыцзу и 597 потомков русских, в паспорте которых указано, что они являются китайцами [Цин Цзюэ, с. 27, 2010], в Сучин общее число населения – 4354 человек, русских вместе с другими национальными меньшинствами (даурами, монголами, маньчжурами) проживает 1597 человек [Библиотека Байду. Сучин].

В устном и письменном общении большинство потомков русских перешли на китайский язык, но стараются сохранить русские традиции, православную веру. Так, взамен ранее закрытых в городе Лабудалинь православных храмов в 1990 году при поддержке китайских властей построен Храм святителя Иннокентия Иркутского, освященный в августе 2009 года [Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия», 2009]. Потомки переселенцев в Трехречье – это метисы, которые сохраняют русскую речь, календарные и семейные обряды. Проживая на территории Китая, где основными религиями являются буддизм, даосизм, конфуцианство, они отмечают православную Пасху и Троицу, хоронят усопших по христианским обычаям, а некоторые все еще живут в избах, построенных по русскому образцу [там же].

Одной из причин того, что русские не покинули Трехречье в 1955–1956 гг., были смешанные браки. С.В. Гордеева, описывая схожую ситуацию с потомками русских переселенцев, проживавших в приграничном Китае, пишет:

«Смешанные браки сыграли двоякую роль в судьбе русской эмиграции приграничного Китая. С одной стороны, в потомках смешанных браков история русских в Китае получила свое продолжение, они – живое свидетельство былой русской жизни здесь, подтверждение существования в этих краях русских переселенцев. С другой стороны, смешанные браки явились путем к ассимиляции, растворению русского начала в чуждой среде, постепенной утрате традиций, религиозного самосознания и языка – одного из главных признаков этнической самоидентификации» [Гордеева, 2014, с. 105].

Потомки русских Трехречья продолжают ассимилироваться с местным населением. Власти Китая положительно относятся к ассимиляции, считая это консолидацией «китайской нации», чжунхуаминаьцзу (кит. 中华民族) [Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура, 1997, с. 205]. Тем не менее потомки русских переселенцев продолжают сохранять этническую принадлежность к русской нации, что поддерживается проводимой в КНР национальной политикой.

1.2.2. Особенности языковой ситуации в китайском Трехречье

В число основных мест проживания русских в Китае, покинувших свою родину в конце XIX – первой половине XX в., входили Харбин, Синьцзян, Трехречье, приграничные с Россией населенные пункты провинции Хэйлунцзян, Шанхай, Пекин, Далянь, Тяньцзин. Языковая ситуация в этих районах Китая была особой и характеризовалась присутствием русского языка как компонента языковой ситуации [Оглезнева, 2014; Гордеева, 2014; Гордеев, 2019; Пустовалов, 2021].

Рассмотрим языковую ситуацию в Трехречье в указанный период с участием русского идиома.

В своей работе придерживаемся определения языковой ситуации как «совокупности языков, или идиомов, в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в рамках географических

регионов [Швейцер, Никольский, 1978, с. 101]. Подобным же образом определяет языковую ситуацию и В.А. Виноградов, говоря, что языковая ситуация – это «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Виноградов, 1990, с. 616]. Н.Б. Мечковская пишет о языковой ситуации как о совокупности языковых образований, т.е. языков и вариантов языков, обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства» [Мечковская, 2000, с. 101].

В больших государствах может присутствовать несколько языковых ситуаций. Н.Б. Мечковская пишет, что «каждая отдельно взятая языковая ситуация – это лингвогеографическое единство языков и подязыков, которые взаимодействуют между собой» [Мечковская, 2001, с. 160]. Таким образом, о языковой ситуации в Трехречье можно говорить как об отдельной языковой ситуации.

Трехречье изначально было многонациональным и многоязычным регионом. Кроме русского и китайского языков, в Трехречье говорили на японском, эвенкийском, монгольском, тунгусском, даурском, корейском, бурятском и других языках [Аргудяева, 2016]. Некоторые языки обладали высоким и низким регистром, первый использовался для официального общения (литературная форма языка), второй – в ситуациях бытового общения (разговорная форма языка).

Начиная с конца XIX в. (с учетом информации из других источников – в середине XIX в.) на территории Трехречья исторически сложилась языковая ситуация с участием разных языков, в том числе русского языка. Она стала отражением исторических, экономических, общественно-политических процессов в регионе.

Данная языковая ситуация менялась на протяжении всего рассматриваемого периода. Рассмотрим языковую ситуацию в Трехречье в разные временные отрезки.

1.2.2.1 Языковая ситуация Трехречья в динамике

Языковая ситуация в Трехречье с конца XIX в. по 50-е гг. XX в. (до реэмиграции и репатриации русскоязычного населения). На территории Трехречья в указанный период функционировали языки коренных народов. К коренным народам этого региона относятся: эвенки, чипчины, олоты, дауры, забайкальские буряты, новобуряты, маньчжуры, хамниганы, солоны, орочны, якуты, монголы [Кормазов, 1928, с. 38, 44–53]. Эвенки-оленоводы назывались "орочоны". Эвенки-коневоды подразделялись на манегров, бираров, солонов, хинганских орочнонов [Забияко, 2012, с. 11].

Языки коренных народов не имели письменности, у них отсутствовала литературная форма. Уровень социального развития коренных народов не способствовал развитию различных сфер деятельности, вследствие чего не было языковой дифференциации. Одной разговорно-бытовой формы речи было достаточно для обеспечения успешной коммуникации.

Эвенки селились в Трехречье с 1890 г. В 1899 г. там проживало 435 эвенков (87 семей), в 1945 г. – 170 (34 семьи). Они говорили на эвенкийском языке [Кайгородов, 1970, с.128]. В Большой российской энциклопедии приводятся слова А.М. Певнова о том, что «эвенкийский язык относится к северной подгруппе тунгусской группы тунгусо-маньчжурских языков, особенно близок к негидальскому языку, эвенскому и солонскому языкам. Выделяют несколько десятков диалектов эвенкийских языков. Диалекты делятся на группы: южную, северную и восточную. Эвенкийский строго агглютинативный язык, степень синтетизма в нем весьма высока, большинство аффиксов является составным. До начала XX в. не имел письменности» [Певнов, 2017, с. 203–204].

Хамниганы – этническая, монголизированная группа эвенкийского и монгольского происхождения. Хамниганы говорили на бурятском и монгольском языках, с небольшим добавлением эвенкийской лексики [Жуковская, 1998, с. 593]. Некоторые исследователи причисляют идиом хамниган к эвенкийскому языку [Певнов, 2017, с. 203–204].

Солоны – тунгусоязычный народ. По данным китайских исследователей, входят в состав эвенков Китая [Ду Дяньвэнь, 2001, с. 89].

Орочоны переселились на данные территории в XVII в. из районов, расположенных к северу от р. Амур. По данным на 1990 г., общее число проживающих во Внутренней Монголии и провинции Хэйлуцзян орочонов – 7000 чел. Некоторые орочоны владели разными диалектами эвенкийского языка, некоторые китайским языком. Орочоны также относятся к эвенкам.

Якуты. В 1920-е гг. количество представителей составляло 250 чел. Они перешли в Северо-Западную Маньчжурию из Якутии в 20-х-50-х гг. XIX в. Якутский язык относится к тюркской группе языков. Якуты также владели русским языком [Кормазов, 1928, с. 56–58]. По мнению Е.Ф. Афанасьевой «хотя в Китае эту группу называют *якутэ* 雅库特, фактически они не являются якутами» [Афанасьева, 2010, с. 12]. Е.Ф. Афанасьева считает, что якутэ – это эвенки, чьи предки перекочевали с р. Лена в Якутии на территорию Китая после революции 1917 г.». А.М. Певнов пишет, что идиомы, на которых говорят якуты, относительно близки к диалектам эвенков [Певнов, 2017, с. 203].

Чипчины – относятся к монголоязычным народам. В 1732 г. были переселены в северную часть Барги, приняли маньчжурское подданство. [Кормазов, 1928, с. 45].

Ново-буряты – монголоязычный народ. Прибыли в Баргу в 1735 г. [Кормазов, 1928, с.46].

Олоты – переселились из Монголии. Появились в Барге в XVII в., в XVIII в. В начале XX в. были под угрозой вымирания [Кормазов, 1928, там же].

Монголы кочевали в южной части Барги [Анучин, 1948, с.158]. Переселились в Баргу в конце XVII в. [Кормазов, 1928, с.12].

Забайкальские буряты перекочевали в Баргу в разгар Гражданской войны в России из Забайкалья. Часть бурят жила в долинах рек Ган и Мергел, а некоторые южнее Хайлара. [Кормазов, 1928, с. 46–47]. Язык бурят относится к монгольской группе алтайской языковой семьи. Многие буряты-мужчины умели читать и писать, некоторые владели монгольским, русским и китайским языками [Анучин, 1948, с. 163–164].

Кроме указанных народов, на территории Трехречья в рассматриваемый период проживали китайцы (один из самых многочисленных народов), корейцы, японцы, чьи языки также активно использовались.

Китайцы прибыли в Баргу в первой половине XVII в. и проживали в то время в районе Хайлара. Большое число китайцев появилось на этой территории во время строительства КВЖД. В Маньчжурии китайцы были представлены сельским населением [Кормазов, 1928, с. 49]. После окончания строительства КВЖД лишь малое количество китайских крестьян направилось в Трехречье [Аргудяева, 2016, с. 31]. В конце 1920-х гг. большое число китайцев поселилось в долине р. Аргуни. Здесь проживало 1976 чел. китайского населения и 1029 чел. русского населения. Среди китайского населения преобладали пограничники, торговцы и чиновники [Кормазов, 1928, с. 49]. По свидетельству В.А. Анучина, до середины 1940-х гг. земледельческая китайская колонизация была не развита. Для китайского населения местные природные условия были очень тяжелыми. Поэтому именно русские занимались земледелием. Китайцы трудились в качестве рабочих на промышленных, лесозаготовительных предприятиях и железной дороге, были на службе у ремесленников и торговцев [Анучин, 1948, с.173–174].

Таким образом, с середины XIX до начала XX в. языковая ситуация в Трехречье характеризовалась функционированием языков коренного населения края, китайского языка, но в наибольшем объеме русского языка, ввиду

численного превосходства русскоязычного населения [Тарасов, 2016, с.192; Гутин, 2011, с. 75].

Проанализируем данные из статьи В.А. Кормазова о населении в Барге – территории находящейся в северо-западной части Маньчжурии [Кормазов, 1934, с. 37], частью которой являлось Трехречье. В таблице представлена информация о населении Барги.

Таблица 3. Население Барги в 1934 г.

Национальность	Число лиц обоего пола	
	абсолютное	в %
Китайцы	11 000	35,3
Дауры	2 000	6,4
Маньчжуры	200	0,7
Монголы, буряты	250	0,8
Граждане СССР	9 000	28,8
Русские эмигранты	8 300	26,6
Корейцы	150	0,5
Японцы	250	0,8
Прочие	50	0,1
ВСЕГО	31 200	100,0

Этнический состав населения Северо-западной Маньчжурии в конце XIX - начале XX в. был довольно разнообразным. В.А. Кормазов в своих исследованиях разделил все население этой территории на оседлых, кочевников и охотничьи племена. Он пишет, что к 1928 г. число кочевников-скотоводов (монголов, забайкальских бурятов и тунгусов) составляло 30772 чел., оседлых (китайцев, русских и пр.) – 40104 чел., а членов охотничьих племен (орочонов, якутов) – 1145 чел. [Кормазов, 1928, с.44].

Во время оккупации Маньчжурии японскими войсками в 1930-х гг. языковая ситуация в Трехречье меняется. В состав населения теперь входят японцы и корейцы, которые говорят соответственно на японском и корейском языках. По словам информантов, согласно языковой политике японцев, японский язык вводился в школьную программу, давался как официальный.

После разгрома японских войск в 1945 г. советскими войсками, японский язык теряет присутствие в Трехречье. Численность японского населения снижается.

В первой половине XX в. подавляющее большинство населения Трехречья состояло из русских. По разным данным, в 1945 г. русское население Трехречья составляло 11-25 тыс. чел., которые проживали в 16 поселках и 3 выселках [Кайгородов, 1970, с.41]. Небольшая часть жителей была представлена китайцами, японцами и коренными малочисленными народами, в основном эвенками [Кайгородов, 1970, там же].

Языковая ситуация в Трехречье в 60-е – 90-е гг. XX в. Культурная революция 1966-1976 гг., дипломатический конфликт Китая и СССР, Политика реформ и открытости также повлияли на языковую ситуацию в Трехречье 1960-1990-х гг.

Начиная со времен «Большого скачка» 1958 г. – экономической и политической кампании в Китае, обоснованной Мао Цзэдуном, и до окончания Культурной революции в 1976 г. русский язык было запрещено использовать в Китае. Проведение русских праздников, поддержание традиций тоже было под запретом. В. Кляус пишет, что потомки русских пели песни в подпольях, чтобы их не слышали соседи [Кляус, 2005, с.29]. Говорящие на русском языке могли получить обвинение в шпионаже в пользу СССР. Получившие такие обвинения подвергались арестам и репрессиям. Александр М. так описывал пребывание в тюрьме: [в] *Кандалы [заковали] // У нас как считали – метисы // С Рассею смешались // Нас здорово пичужили // Два года здесь сидели // Билито напропáлую //*

В период Культурной революции все языки, кроме китайского, теряют свои позиции. Китайский язык выходит на первый план, он используется во всех сферах коммуникации: административной, деловой, информационной, социально-бытовой. Большинство потомков русских переселенцев, которые

родились во время Культурной революции и после нее, не владеют русским языком.

С изменением политического курса, проведением Политики реформ и открытости, начиная с 1978 г., отношение к национальным меньшинствам и их языкам, в том числе к русскому языку, меняется. Более того, в районе Трехречья в 1994 г. образована национальная русская волость Эньхэ, а позднее русский язык получает статус официального на этой территории [Ставров, 2016, с.128].

Малые национальности восстанавливают свой статус. Но многие годы нетерпимости со стороны китайского правительства не могли не отразиться на языках малых этносов, многие их представители не использовали родной язык, не могли поддерживать свою культуру и традиции.

Языковая ситуация в 1960-90-е гг. характеризуется активным функционированием только китайского языка, который представлен литературной, разговорной и диалектной формами, обладает максимальной демографической и коммуникативной мощностью. После окончания Культурной революции притеснение национальных меньшинств прекращается, но их языки не получают большого распространения.

В настоящее время отношения между Китаем и Россией идут в направлении развития сотрудничества, что стимулирует увеличение разносторонних контактов и не препятствует использованию русского языка, в том числе и в среде потомков русских переселенцев Трехречья. В XXI в. в Трехречье снова можно услышать русскую речь.

В 2007 году исследователи из Института языков и культуры Центрального университета национальностей КНР анонимно опросили в Эньхэ и Линьцзяне потомков русских, была получена следующая информация. В Эньхэ 20 человек из 47 (42 % респондентов) считают, что, кроме китайского языка, русский язык «является самым важным языком для дальнейшего развития детей». В поселке Линьцзян (Ключи) было опрошено 40 человек,

аналогично ответили 20 респондентов [Дин Шицин 2008, с. 19, 20 цит. по Тарасов, 2014а, с.198].

И.В. Ставров, подводя итог исследованию русского национального меньшинства в Трехречье, пишет, что «основной тенденцией последних полутора десятков лет стали коммерциализация русской культуры, формирование особого туристического бренда» [Ставров, 2016, с.130]. По его мнению, это является важным фактором сохранения русской культуры в Китае, а именно в Трехречье.

В то же время языком, на котором родители-трехреченцы говорят сегодня со своими детьми, оказывается китайский. Организовать обучение русскому языку в районе бывшего Трехречья непросто: не хватает учителей русского языка, большинство представителей пятого поколения переселенцев не владеет русским языком, сфера применения русского языка ограничена.

Русский язык – язык русских переселенцев начала XX в. и в настоящее время входит в языковую компетенцию части потомков переселенцев. Эти люди являются гражданами Китая, но многие из них относят себя к национальному меньшинству «русские» (элосьцзу). Возможно, одной из причин такой самоидентификации является наличие государственной поддержки малых этносов Китая. Тем не менее основным языком потомков русских, проживающих в Трехречье, является китайский язык.

Говоря о русских, следует отметить, что сейчас в Трехречье проживают потомки русских переселенцев, представляющие второе (единично), третье, четвертое, пятое и шестое поколения.

Особенность языковой ситуации в китайском Трехречье проявляется в том, что русский язык выступал на протяжении всего рассматриваемого периода и до сих пор выступает компонентом языковой ситуации на территории чужого государства – Китая.

1.2.2.2 Анализ языковой ситуации в Трехречье с учетом ее

типологических признаков в первой половине XXв.

Охарактеризуем языковую ситуацию в Трехречье в первой половине XX века с учетом типологических признаков языковых ситуаций: количественных, качественных, оценочных [Вахтин, 2004, с. 47; Виноградов, 1990, с. 616; Мечковская, 2000, с. 101-102].

Более детально рассмотрим схему анализа языковых ситуаций, представленную в работах В.А. Виноградова [Виноградов, 1990, с.616].

Количественные признаки языковой ситуации: число идиомов; число говорящих на идиомах относительно общего числа населения (демографическая мощность идиомов); число коммуникативных сфер, которые обслуживает каждый из идиомов относительно общего числа таких сфер (коммуникативная мощность идиомов); число доминирующих идиомов [Виноградов, 1990, с.616].

Языковые ситуации, которые включают один идиом, называются монокомпонентными, включающие несколько идиомов – поликомпонентными. Монокомпонентные языковые ситуации встречаются гораздо реже, так как языки чаще всего функционируют в своих территориальных и социальных разновидностях [Виноградов, 1990, с.616].

По признакам демографической и коммуникативной мощности различаются равномошные и разномошные идиомы. По параметру коммуникативной мощности языковые ситуации могут быть равновесными (с равномошными идиомами) и неравновесными (с разномошными идиомами). В неравновесных языковых ситуациях выделяются однополюсные языковые ситуации (обладающие одним доминирующим идиомом) и многополюсные (обладающие несколькими доминирующими идиомами) [Виноградов, 1990, с.616].

Качественные признаки языковых ситуаций: лингвистический характер идиомов – разновидности одного языка или разные языки; структурно-генетические отношения между идиомами – сходные, родственные, несходные,

неродственные; функциональная равнозначность-неравнозначность идиомов; характер доминирующего в государственном масштабе идиома (металекта) – местный или «импортированный» [Виноградов, 1990, с.617].

По качественным признакам языковые ситуации дифференцируются на одноязычные и многоязычные. Для многоязычных языковых ситуаций важным является разделение по качественному признаку на гомогенные и гомоморфные (родственные и типологически сходные) или гетерогенные и гетероморфные (неродственные и типологически несходные). В.А. Виноградов также выделяет гармоничные языковые ситуации (когда идиомы обладают равным статусом) и дисгармоничные языковые ситуации (когда идиомы обладают разным статусом). По характеру доминирующего в государственном масштабе идиома различаются эндогlossные языковые ситуации (металект – один из местных языков) и экзогlossные языковые ситуация (металект – иностранный язык) [Виноградов, 1990, с.617].

Оценка языка носителями других языков и исконными носителями по показателям эстетичности, культурной престижности составляет *оценочные* признаки идиомов. Комплекс внутренних оценок определяет уровень «языковой лояльности», т.е. степень приверженности языкового коллектива к родному языку [Виноградов, 1990, с.617].

По *числу идиомов* языковая ситуация в Трехречье характеризуется как поликомпонентная и на уровне экзогlossии, и на уровне эндогlossии.

Как мы упоминали выше, в Трехречье в рассматриваемый период функционировали китайский, русский, эвенкийский, монгольский, якутский, бурятский, даурский, маньчжурский, а также корейский и японский (в период японской оккупации) языки. Среди указанных языков были языки, функционировавшие в нескольких формах, обслуживая официальное и бытовое общение. Однако проживание в селах определяло во многих случаях ограниченность в использовании литературной формы языка.

Охарактеризуем идиомы, которые функционировали на территории Трехречья в первой половине XX в.

Доминирующим идиомом был **русский язык**, поскольку численность русского населения в тот период была преобладающей. Вторым по числу носителей языком был китайский. Русский язык в Трехречье был представлен литературной формой (письменной и устной) и народно-разговорной – диалектной. Литературная форма использовалась при обучении в школе, при судопроизводстве. Так П.В. Шахматов пишет, что в трехреченских поселках функционировал русский суд [Шахматов, 2014, с. 107]. Основной формой бытования русского языка в Трехречье была диалектная, поскольку значительная часть русских жителей Трехречья была представлена выходцами из крестьян – носителями диалектов. В основном жители трехреченских деревень занимались земледелием, животноводством, огородничеством, рыболовным и охотничьим промыслами [Аргудяева, 2016, с.39].

Китайский язык в Трехречье был представлен литературной общепринятой формой – путунхуа, используемой в сфере официального общения. Кроме того, китайский язык был представлен народно-разговорной речью. Литературная форма языка использовалась в работе китайской администрации, так в деревне Щучье был пост с даогаем (руководителем края). Помимо литературной формы китайского языка, в Трехречье говорили и на китайских диалектах.

По сравнению с количеством носителей русского и китайского языков количество носителей других языков было намного меньше. Данные языки функционировали только в разговорной форме. Японский язык на территории Трехречья во время оккупации Маньчжурии японской армией функционировал в двух формах: книжной и разговорной.

Представители коренных народностей, кроме родного языка, нередко использовали русский, а также и китайский, который со временем усиливал свои позиции. Русские общались только на своем родном языке, но

постепенно под влиянием среды, а также в результате вступления в смешанные браки осваивали китайский. Большинство потомков от смешанных браков – билингвы, у которых в раннем возрасте преобладал материнский язык – русский, но по мере взросления и социализации стал доминировать китайский.

Количество говорящих на каждом из идиомов в отношении к общему количеству населения ареала позволяет представить показатель *демографической мощности*. Наибольшей демографической мощностью в Трехречье в первой половине XX в. обладал русский язык: на этом языке говорила большая часть населения, – русские, а также часто и представители других национальностей. На втором месте по демографической мощности был китайский язык. Все остальные языки отличались небольшой демографической мощностью. На основании данных 1934 г., представленных в работе Кормазова В. А. (см. таблицу 3), нам удалось определить демографическую мощность русского и китайского языков в Трехречье в то время: демографическая мощность русского языка была 0,55, а демографическая мощность китайского языка 0,35. Это является уникальным фактом: демографическая мощность языка эмигрантов выше, чем демографическая мощность языка страны проживания эмигрантов.

Число обслуживаемых коммуникативных сфер определяет коммуникативную мощность идиомов. По этому параметру языковая ситуация в Трехречье была неравновесной, поскольку функционировавшие языки не были равны по коммуникативной мощности. Наибольшее значение показателя в первой половине XX в. было у русского языка, именно им обслуживалось максимальное число коммуникативных сфер: торговля, хозяйственно-производственная сфера, быт, образование, административное управление, религия. Количество сфер было ограниченным, что обуславливалось социальным статусом населения и проживанием в сельской местности. Китайский язык был вторым по коммуникативной мощности. Им обслуживались сфера торговли, управления и некоторые другие сферы. Более слабыми в плане коммуникативной

мощности были другие языки, поскольку использовались преимущественно в сфере бытового общения.

Говоря о коммуникативной мощности японского языка, предполагается, что в 1930-х годах она была на достаточно высоком уровне, так как его употребление пропагандировалось японскими властями. Японский язык использовался во всех сферах жизни Маньчжурии. Коммуникативная мощност японского языка уменьшилась в 1945 г., после освобождения Маньчжурии от японских оккупантов.

По числу функционально доминирующих идиомов языковая ситуация Трехречья 1900-1950-х гг. характеризуется как многополюсная, так как большинство коммуникативных сфер обслуживали два идиома: русский язык и китайский язык.

К *качественным типологическим признакам* языковой ситуации относятся: лингвистический характер идиомов, структурно-генетические отношения между идиомами, функциональная равнозначност / неравнозначност идиомов, характер доминирующего в государственном масштабе идиома (металекта).

По *лингвистическому характеру идиомов* языковая ситуация Трехречья являлась многоязычной, так как в ее составе находилось несколько языков: китайский, русский, эвенкийский, монгольский, маньчжурский, бурятский, якутский, даурский, японский, корейский и др.

По *структурно-генетическим отношениям между идиомами* данную языковую ситуацию можно характеризовать как гетерогенную и гетероморфную, и как гомогенную и гомоморфную. На территории Трехречья функционировали языки неродственные и типологически различные. Так, китайский язык относится к изолирующему типу и входит в сино-тибетскую языковую семью [Журина, 1990; Реформатский, 2001, с. 216-234; Солнцев, 1990; Яхонтов, 1990]; русский является флективным и относится к индоевропейской языковой семье [там же]; агглютинирующие корейский, японский,

маньчжурский, эвенкийский и даурский языки относятся к алтайским языкам [Алпатов, 1990; Журиная, 1990; 中国互联网新闻中心 Китайский информационный Интернет-центр (веб-сайт); Концевич, 1990; Кормушин, 1990; Певнов, 2017, с. 203-204; Реформатский, 2001, с. 216-234]. С другой стороны, языки внутри данных групп имеют общую генеалогию и являются типологически тождественными.

С точки зрения *функциональной равнозначности / неравнозначности* идиомов, которая определяется по их официальному коммуникативному статусу, языковая ситуация в Трехречье была дисгармонична, так как функционирующие языки имели различный статус. Китайский язык являлся официальным языком государственного управления, исполнял роль символа китайского государства, выступая как государственный, а также являлся титульным языком – языком этноса, по которому названо национально-государственное образование [Вахтин, Головкин, 2004, с.42], остальные языки, кроме японского, который был официальным в 1930 – начале 1940-х гг., такого статуса не имели.

Для исследования языковой ситуации также важны *оценочные* признаки, включающие отношение к языку его носителей, а также носителей других языков и отражающие степень его значимости, престижности, коммуникативной пригодности [Виноградов, с. 617].

В первой половине XX в. отношения между народами, которые проживали в Трехречье, можно охарактеризовать как толерантные. В это время государственная политика не была направлена на устранение национального многообразия и использование только официального государственного языка. Позднее же расширению сферы использования китайского языка способствовала сама среда проживания, преобладание китайского населения.

Что касается отношения самих жителей Трехречья – потомков русских переселенцев – к русскому языку, то об этом можно судить с их слов и фактов биографии. Так, Ирина Г., представительница 3 поколения переселенцев, всю жизнь ведет на русском языке тетрадь-песенник, куда записывала, кроме

песен, рецепты и стихи. Начала вести песенник Ирина Г. в младшем школьном возрасте, в России, куда ее отец был направлен на службу, в Китае она продолжала свои записи. Эта тетрадь с записями на русском языке является для нее способом сохранить русский язык. Как Ирина говорит: *Думала – забуду*. Позднее она стала учительницей и обучала в школе детей потомков русских переселенцев и китайцев русскому языку. Другой потомок русских переселенцев – Василий З. – старается в общении с русскими узнавать новые слова, реалии современной России. Недавно научился играть на гармонии и балалайке, т.е. старается сохранять русскую культуру. Лидия Д. и Александр М., как и все остальные жители Трехречья, также охотно ведут беседы на русском языке. Поддерживали беседу на русском языке и представители младших поколений. Даже те, кто почти не говорит по-русски, все равно считают себя представителями русской народности, а русский язык – своим вторым родным языком. Некоторые потомки русских переселенцев используют русский язык в профессиональной сфере.

Отношение к русскому языку у переселенцев и их потомков на протяжении всей жизни оставалось и остается положительным, русский язык для них до сих пор – фактор самоидентификации, чувства причастности к русской культуре.

В первой половине XX в. на русском языке говорило большое число титульного населения края – китайцев. Китайцы брали в жены русских девушек, в семейном общении использовали русский язык. Также китайцы вели торговлю с русскими, поэтому знание русского языка было для них необходимо. Таким образом, китайское население в период с конца XIX в. до середины XX в. также положительно относилось к русскому языку. Для них это был язык, который использовался в торговле, в работе, а также в общении с русскими женами.

Исходя из вышесказанного, языковая ситуация в Трехречье в 1 половине XX в. соответствовала следующим количественным, качественным и оценочным характеристикам:

- 1) поликомпонентность на уровне экзоглоссии и эндоглоссии, т. к. использовалось много языков и их форм;
- 2) разномощность по демографической мощности, поскольку численность носителей идиомов была неодинаковой;
- 3) неравновесность по коммуникативной мощности, т.к. число обслуживаемых идиомами коммуникативных сфер было различно;
- 4) многополюсность по числу функционально доминирующих идиомов, поскольку доминировали два идиома: русский язык и китайский язык;
- 5) многоязычность, так как в рамках данной языковой ситуации функционировало несколько языков;
- 6) сочетание различных по структурно-генетическому признаку языков и, таким образом, гетерогенность и гетероморфность, и в то же время гомогенность и гомоморфность;
- 7) дисгармоничность по функциональной равнозначности идиомов, поскольку сосуществовавшие идиомы имели разный статус;
- 8) языковая толерантность и отсутствие языковой дискриминации со стороны власти;
- 9) положительное отношение к русскому языку как самих носителей русского языка – переселенцев из России и их потомков, так и представителей других народов, населяющих Трехречье.

Языковая ситуация в Трехречье менялась на протяжении XIX – XXI вв. под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов. Описанная языковая ситуация демонстрирует уникальный вариант полиязыкового существования, при котором русский язык функционирует на территории другого государства, демонстрируя высокие показатели коммуникативной и демографической мощности по сравнению с другими языками.

Выводы по главе 1

1. К настоящему времени учеными представлено целостное осмысление феномена русского языка зарубежья, однако в этом вопросе до сих пор остаются «белые пятна». Одним из недостаточно изученных вопросов является русский язык китайского Трехречья.

2. Китайское Трехречье в первой половине XX в. стало одним из мест массового переселения из России, что обусловило формирование исключительной языковой ситуации, в составе идиомов которой присутствовал и до сих пор сохраняется русский язык.

3. Русский язык переселенцев в Трехречье и их потомков является вариантом бытования русского языка в восточном зарубежье, обладает собственной спецификой и сохраняется в речи представителей второго, третьего и четвёртого поколений переселенцев до настоящего времени.

4. Языковая ситуация в китайском Трехречье в период с конца XIX до начала XXI вв. претерпевала изменения, обусловленные влиянием социально-политических факторов, что не могло не отразиться на состоянии русского языка потомков переселенцев. В первой половине XX в. большая часть населения говорила на русском языке, со второй половины в связи с изменением внутренней политики Китая постепенно сокращается количество русского населения в Трехречье, кроме того, в период с 1966 по 1976 гг. использование русского языка в Китае было под запретом.

5. В первой половине XX в. русский язык в Трехречье являлся одним из доминирующих идиомов в составе многоязычной языковой ситуации, демонстрируя высокие показатели демографической и коммуникативной мощности вне метрополии, что является уникальным фактом и представляет большой научный интерес.

Глава 2. Русский язык в речи потомков русских переселенцев в китайском Трехречье

2.1 Лингвоперсонология как наука. Аспекты исследования языковой личности

В последнее время вектором развития современного языкознания стал антропоцентризм. С каждым днем современная лингвистика все больше интересуется тем, как человек проявляет себя в языке. Антропологический подход обусловил зарождение новой научной дисциплины – лингвоперсонологии.

Термин «лингвистическая персонология» был предложен В.П. Нерознак [Нерознак, 1996]. Он использовал этот термин, чтобы обозначить научную дисциплину, в качестве объекта которой выступала языковая личность. Автор делал акцент на проблеме соотношения личности и языкового коллектива. По мнению В.П. Нерознака, лингвоперсонология подразумевала изучение идиолектной и полилектной языковой личности. Под идиолектной личностью он понимал «человека как носителя языка» [Нерознак, 1996, с. 113], а под полилектной личностью – народ.

Основным в лингвистической персонологии является понятие языковой личности.

Понятие «языковая личность» имеет вековую историю. Впервые оно появилось на страницах книги И.Л. Вайсгербера «Родной язык и формирование духа» в 20-е гг. XX в. Автор пишет: «...никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу...» [Вайсгербер, 2004, с. 81].

Среди отечественных ученых первым в своей работе термин «языковая личность» упоминает В.В. Виноградов [Виноградов, 1930]. Ученый употребляет этот термин, чтобы выразить свое мнение по поводу проблем, которые

поднимали Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (проблема индивидуального в языке) и Фердинанд де Соссюр (проблема словесного творчества личности). Между тем, несколько раз используя этот термин для представления своих научных доводов, В.В. Виноградов не дает определение понятию «языковая личность».

Среди тех, кто высказывал идеи личностного начала в языке, необходимо назвать В. фон Гумбольдта, В. Вундта, Л.В. Щербу. Но только в трудах Г.И. Богина [Богин, 1982] и Ю.Н. Караулова [Караулов, 1987, 1988, 1989] раскрывается понятие языковой личности. Формирование же комплексной концепции языковой личности началось в конце XX века.

Г.И. Богин определяет языковую личность с точки зрения готовности совершать речевые поступки [Богин, 1980, с.3]. Два года позднее ученый дополнит свое определение, указав, что для языковой личности важна способность «создавать и принимать произведения речи» [Богин, 1982, с.1].

Большой вклад в теорию языковой личности внес Ю. Н. Караулов. В 1987 году в своей книге «Русский язык и языковая личность» он определил языковую личность как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений, текстов, различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, и определенной целевой направленностью [Караулов, 1987, с. 245]. В нашей работе это определение было взято за основу.

По словам Е.В. Иванцовой, феномен «языковой личности» является многогранным, что позволяет обозначить несколько подходов к его изучению [Иванцова, 2010, с.24].

Т.В. Кочеткова и О.Б. Сиротинина выделяют три направления исследования языковой личности: биологическое, социальное, психологическое. Биологическое направление исследует степень зависимости речи человека от различных физиологических характеристик; социальное изучает особенности принадлежности к социальной группе, выражающиеся в языке;

психологическое показывает влияние психологического состояния, психологического типа на языковую личность [Кочеткова, 2002; Сиротинина, 1996].

Языковая личность исследуется в ценностном, познавательном [Карасик, 2004], в социо-историческом и социокультурном планах [Винокур, 1989], также осуществляется синхронный и диахронический анализ языковой личности.

А.В. Пузырев предлагает изучать личность мыслительную, языковую, речевую и коммуникативную. При таком подходе исследователь рассматривает формы реализации языковой способности на разных уровнях: на уровне мышления, языка, речи, коммуникации [Пузырев, 1996, 1997].

В лингвоперсонологии представлены также динамический и статический подходы к изучению языковой личности. При статическом подходе говорящий индивид рассматривается как «субъект социальных отношений, который обладает своим набором качеств» [Карасик, 2000, с.99]. У истоков динамического подхода были такие исследователи, как В. Гумбольдт, И.Г. Гердер, Ф. Шлегель, М.М. Бахтин и др. При динамическом подходе изучается язык в качестве среды существования человека, с которой он взаимодействует [Ворожцова, 2006].

К основным подходам в изучении языковой личности относятся структурный, коммуникативный и стратегический [Оленев, 2006, с.27]. Структурный подход решает вопрос об устройстве языковой личности, описывает ее структуру. Коммуникативный подход раскрывает обстоятельства, которые влияют на общение, описывает процесс коммуникативной деятельности индивида. Стратегический подход раскрывает способы осуществления мыслительной деятельности [Оленев, 2006, с.27-28].

Проблема общего и индивидуального в языке личности решается путем сопоставления речи отдельного индивида и других языковых личностей, сравнения речи субъекта и языка коллектива, к которому он относится [Иванцова, 2010, с.25].

Необходимо также различать лингвистический и филологический подходы к анализу языковой личности. Анализ языковой личности с позиций лингвистического подхода позволяет сделать выводы об индивидуальном и социальном в речи говорящего. Филологический подход подразумевает описание модели стиля языковой личности. При лингвистическом подходе языковая личность рассматривается как конкретная говорящая личность, при филологическом – выступает в качестве культурно-исторического типа. Филологический анализ не учитывает личностных качеств говорящего, в центре внимания исследователя находится только результат его речевого творчества [Ромащенко, 2003, с.21-23].

На современном этапе развития лингвоперсонологии понятие «языковая личность» прочно вошло во многие области лингвистики. Можно выделить различные аспекты анализа языковой личности в соответствии с различными дисциплинами языковедения. В этой связи в работах лингвоперсонологического плана разворачиваются исследования по следующим направлениям: лингвостилистическому, социолингвистическому, психолингвистическому, социопсихолингвистическому, патопсихологическому, когнитивному, лингвокультурологическому, лингводидактическому, лексикографическому, собственно, лингвоперсонологическому и др. [Иванцова, 2010].

В основе лингвостилистического аспекта находится изучение речи персонажей, «образа автора» в художественном или публицистическом тексте [Каракуц-Бородина, 2000; Кудинова, 2000; Леденева, 2000; Менькова, 2005; Панченко, 1998; Суран, 1994].

Социолингвистический аспект предусматривает изучение влияния внешних факторов на язык человека, изучение типов носителей языка, которые принадлежат к разным социальным группам, обладают разным уровнем образования, статусом, условиями жизни и т.д.

В социолингвистическом аспекте исследовались разные типы языковых личностей: так, Л.П. Крысин изучал языковую личность русского

интеллекта [Крысин, 1994], М.Н. Попова – языковую личность государственного служащего [Попова, 2005], Н.Н. Менькова – писателя [Менькова, 2005], Н.В. Аниськина – старшеклассника [Аниськина, 2001], С.В. Леорда – студента [Леорда, 2006], Н.М. Карпухина – экономиста [Карпухина, 2007], Е.Ю. Куницына – переводчика [Куницына, 2008], Н.Д. Калина – дизайнера [Калина, 2020], С.Е. Никитина – сельского жителя [Никитина, 1989], А.С. Гафарова – военнослужащих срочной службы [Гафарова, 2006] и др. Кроме того, в лингвистических работах были описаны языковые личности русских эмигрантов [Никитина, 1998; Земская, 2000; Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф., Никитина С.Е., 2000; Оглезнева, 2009].

Психолингвистический аспект выявляет особенности порождения и восприятия речи, связи между психологическими особенностями говорящего и характеристиками речевого поведения [Залевская, 1988; Лебедева, 1991; Фомин, 2003].

В рамках когнитивного аспекта языковая личность исследуется посредством рассмотрения тезауруса и понятийной сферы [Караулов, 1987; Сиротина, Кормилицына, 1995; Бабушкин, 1998; Берестнев, 2000].

При лингвокультурологическом подходе к языковой личности в центре внимания находится анализ ее отличительных национально-культурных черт. В рамках этого подхода вводится понятие национального типа языковой личности. Используя это понятие, ученые изучают особенности национального менталитета, проводят анализ национальных языковых личностей: русской [Караулов, 1987; Курбатова, 2000; Кочеткова, 2002; Полякова, 2002; Саурбаев, 2003; Саурбаева, 2003; Максимчук, 2003; Шестак, 2003; Василюк, 2004 и др.], английской [Ишкова, 2002; Леонтьев, 1999; Летова, 2004 и др.], китайской [Гурулева, 2017], японской [Недосугова, 2002], бурятской [Шойсоронова, 2006], монгольской [Шкуропацкая 2015; Даваа, 2015] и др.

Прагмалингвистический аспект предполагает изучение речевого поведения языковой личности [Иссерс, 2000; Ничипорович, 1999; Седов, 1998; Сухих, 1998].

В основе лингвориторического аспекта изучения языковой личности находится исследование культуры речи и риторики [Дружинина, 2005; Галстян, 2008].

Формирование языковой личности в процессе обучения родному или иностранному языку изучается при лингводидактическом аспекте рассмотрения языковой личности [Богин, 1975, 1980, 1982, 1984; Ейгер, 1990, 1991; Раппопорт, 1990, 1991; Клобукова, 1997; Голев, 2006; Ермакова, 2007; Годунова, 2008].

Проблема необходимости исторического описания языка личности привела к историческому аспекту изучения языковой личности. В этом аспекте рассмотрены языковая личность летописца [Аникин, 2004], казака XVII века [Лопушанская, 1993, 1995], славянская языковая личность [Тупикова, 2007] и др.

Лексикографический аспект лингвоперсонологии реализуется при создании различных типов словарей отдельных языковых личностей: Ф.М. Достоевского, М.И. Цветаевой, К.Г. Паустовского и др.

Следует отметить и собственно лингвоперсонологический аспект изучения языковой личности, при разработке которого главной целью является «системная реконструкция языковой личности в соответствии с представлением о ее структуре или доминантах» [Иванцова, 2010, с. 30]. Так, в этом аспекте выполнены работы О.Н. Шевченко [Шевченко, 2005] и Н.А. Бурмакиной [Бурмакина, 2007]. О.Н. Шевченко с опорой на трехуровневую модель структуры языковой личности Ю.Н. Караулова воссоздала языковую личность переводчика, Н.А. Бурмакина провела анализ прагматического и лингвокультурного уровня языковой личности первого губернатора Енисейской губернии.

Научные работы по изучению языковой личности обычно соотносятся сразу с несколькими указанными выше направлениями. Анализ языковой личности в лексикографическом аспекте может быть связан с историческим, лингвистическим и другими аспектами. Например, исследование авторской картины мира М.А. Булгакова в работе Т.И. Суран [Суран, 1994] может быть использовано для изучения черт русской языковой личности.

В конце XX века разрабатываются комплексные исследования языковых личностей реальных индивидов, а также описываются разные единицы и ярусы языковой системы, реализуемые в речи языковой личности.

Диалектологи В.А. Малышева, Ф.Л. Скитова, Н.В. Широкова, Е.Ю. Балакишева, И.Н. Щукина анализируют лексико-семантические группы и грамматические классы единиц индивидуального словарного запаса информантов-диалектоносителей [Балакишева, 1992; Щукина, 1992; Скитова, 1997, 2000; Малышева, 1997, 1998, 1999, 2000, 2002], в этих работах в качестве основного выступает лексикологический аспект.

В.Д. Лютикова в своей монографии [Лютикова, 1999] изучает языковую личность диалектоносительницы. Материал был собран методом включенного наблюдения. Автор описывает диалектную языковую личность как типичного представителя говора, показывает диалектные особенности фонетики, грамматики, лексики информантки. Приходит к выводу, что некоторые тематические группы слов, используемые изучаемой языковой личностью, относятся к употребляющимся на территории Среднего Урала сибирским говорам.

Е.Н. Иванова объектом для изучения выбрала языковую личность уральского заводчика Демидова (1678-1745). Были описаны орфографические, морфологические, синтаксические, лексические, стилистические особенности информанта [Иванова, 2008].

Томская диалектологическая школа с 1981 г. осуществляет комплексное изучение диалектной языковой личности Веры Прокофьевны Вершининой.

Наблюдение велось в условиях естественного общения в течение 24 лет; всего было совершено 57 экспедиций.

В ходе работы была сформирована методика исследования языковой личности В.П. Вершининой, разработаны приемы фиксации речи, определены принципы системного описания объекта изучения. Результаты исследования представлены в работах томских диалектологов Е.В. Иванцовой [Иванцова, 2002, 2006, 2007, 2009], Т.Ф. Волковой [Волкова, 2004], О.А. Казаковой [Казакова, 2005, 2007]. Были проанализированы фонетические, грамматические особенности речи информанта, словарный запас и закономерности строения текста, а также речевые жанры, используемые диалектоносителем. Комплексное описание конкретной языковой личности представлено в нескольких диссертациях [Иванцова, 2002; Волкова, 2004 и некот. др.], монографиях [Иванцова, 2002; Казакова, 2007], важным результатом исследований стал 4-томный "Полный словарь диалектной языковой личности" под ред. Е.В. Иванцовой [Иванцова, 2006-2012].

Комплексный подход к изучению языковой личности используется и при описании русских эмигрантов в XX в. как в западное, так и в восточное зарубежье. Так, в коллективной монографии «Язык русского зарубежья» под редакцией Е. А. Земской описаны языковые личности русских эмигрантов на запад в XX в. [Язык русского зарубежья, 2001], в монографии Е.А. Оглезневой представлена галерея речевых портретов русских эмигрантов в Китай, а именно в город Харбин, бывший центром русской восточной эмиграции [Оглезнева, 2009], С.В. Гордеева изучала языковые личности русских переселенцев в приграничный Китай [Гордеева, 2014].

Таким образом, на современном этапе лингвоперсонология как раздел языкознания переживает бурное развитие по самым разным направлениям, взаимодополняющим друг друга и стремящимся к всестороннему анализу объекта исследования – языковой личности.

2.2. Речевое портретирование как метод лингвоперсонологии, опыт его применения

Для исследования языковой личности необходимо располагать сведениями о ее языковых компетенциях и способности к порождению текстов, письменных и устных. В ходе анализа языковой личности используются различные методы, среди которых одним из наиболее эффективных является социально-речевое портретирование. Используя этот метод, можно создать комплексный речевой портрет языковой личности, выделив ее особенности на разных уровнях языковой системы на фоне формирующих ее социальных факторов.

Созданием речевых портретов занимались такие ученые, как Т.Г. Винокур [Винокур, 1989], Т.И. Ерофеева [Ерофеева, 2017], Е.А. Земская [Земская, 2000, 2001, 2008], М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова [Китайгородская, Розанова, 1995], Л.П. Крысин [Крысин, 2001], Т.М. Николаева [Николаева, 1991], Е.А. Оглезнева [Оглезнева 2002, 2006, 2009], М.В. Панов [Панов, 2002] и др.

Одной из первых работ, в которой представлено речевое портретирование как способ описания языковой личности, является «История русского литературного произношения XVIII-XX вв.» М.В. Панова. Основной целью автора было исследование закономерностей изменения фонетической системы русского языка, а также связи особенностей произношения того или иного периода с внешним воздействием на язык и внутренними законами языка [Панов, 2002, с.5]. В своей работе М. В. Панов приводит биографические сведения о языковых личностях, представляющих разные исторические периоды, начиная с XVIII в., и сведения исторического плана для анализа типов произношения того или иного периода.

В последнее время также появилось много работ, посвященных созданию речевых портретов представителей различных социальных групп: интеллигента [Крысин, 2001], носителя просторечия [Черняк, 2003], редактора

газеты [Ардатова, 2015], бизнесмена [Милехина, 2003], блогера [Шляховой, 2019], жителя современного российского села [Волошина, 2018] и др.

В работе М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой «Русский речевой портрет» при речевом портретировании осуществляется поуровневый анализ языковой личности [Китайгородская, Розанова, 1995]. Первый уровень описания – лексикон, отражающий владение лексикой и грамматикой. При исследовании этого уровня изучается словарный запас, которым владеет языковая личность. Второй уровень исследования – изучение тезауруса, т. е. тех групп слов, которые образуют словарь языковой личности. Последний уровень исследования, необходимый для описания языковой личности – прагматикон³.

Л.П. Крысин при создании речевого портрета современного русского интеллигента после описания объекта исследования представляет особенности функционирования языковых единиц на уровне фонетики и лексики, а также анализирует особенности речевой коммуникации [Крысин, 2001].

Е.А. Земская справедливо рассматривала речевое портретирование как одно из возможных направлений исследования русского языка зарубежья [Земская, 2001]. Опыт речевого портретирования русских эмигрантов был предпринят ею на материале речи представителей послереволюционной волны русской эмиграции на запад [Земская, 2000, 2001, 2008]. Е.А. Оглезнева представила в своих работах речевые портреты русских харбинцев, относящихся к восточной ветви послереволюционной эмиграции [Оглезнева 2006, 2009].

По мнению Е.А. Земской, при создании речевых портретов необходимо учитывать особенности речи языковой личности на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях, а также такие социальные характеристики говорящего, как образование, профессию и др. [Земская, 2001].

³ Прагматикон – коммуникативные знания, умения и навыки участников коммуникации [Лагута, 1999, С. 125]

Русский язык восточной ветви эмиграции из России изучен недостаточно. Этот вариант существования русского языка имеет сходства с русским языком западной эмиграции, но имеет и свои собственные отличительные черты, что выявлено при речевом портретировании представителей восточной ветви русской эмиграции, осуществленном в работах Е.А. Оглезневой и Г. М. Старыгиной, изучавших язык русской эмиграции в Харбине [Оглезнева, 2001, 2005, 2009; Старыгина, 2001], С.В. Гордеевой, исследовавшей русский язык потомков русских в приграничных с Китаем селах на правом берегу Амура [Гордеева 2013, 2014]. Это было очевидно и при речевом портретировании потомков русских переселенцев в китайское Трехречье [Пустовалов, 2020, 2021].

В настоящем исследовании речевое портретирование выполняется по аналогии с речевым портретированием русских эмигрантов, представленным в работах Е.А. Земской [Земская, 2000, 2001, 2008] и Е.А. Оглезневой [Оглезнева, 2005, 2008, 2009, с. 163-310].

Первым этапом речевого портретирования является представление социальных характеристик языковой личности, затем выявляются языковые компетенции языковой личности в разных языках, владение устной и/или письменной формой этих языков, а после этого осуществляется анализ речи информанта на всех уровнях языковой системы. В заключение делаются выводы об особенностях языковой личности в обусловленности собственно языковыми и социальными факторами.

К достоинствам метода речевого портретирования можно отнести следующее: возможность выявить состав языковых компетенций, показать языковые особенности, присущие речи портретируемой языковой личности, проследить обусловленность языковых особенностей экстралингвистическими факторами. Указанные достоинства определяют эффективность метода речевого портретирования. Метод речевого портретирования особенно эффективен при исследовании языковой личности в разноязычном социуме. В ходе нашего исследования мы применяли данный метод для изучения речи

потомков русских переселенцев в Трехречье, анализируя их речь на разных уровнях языковой системы и в обусловленности ее особенностей социальными факторами.

2.3 Общая характеристика говорящих на русском языке в современном Трехречье

В работе предпринят опыт речевого портретирования представителей русского восточного зарубежья в Китае, а именно – в Трехречье. Наш анализ основывается на материале записей речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье, сделанных нами в 2017 и 2018 гг. во время научных экспедиций.

В настоящее время Трехречье территориально принадлежит к городскому уезду Аргунь, располагающемуся на северо-западе городского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики.

В ходе экспедиций нами были проведены беседы с потомками русских переселенцев в Трехречье второго, третьего, четвертого и пятого поколений. Русские предки наших информантов оказались на территории Китая в начале XX в.

Общение проходило в неофициальной домашней обстановке по обоюдному желанию и согласию сторон побеседовать об истории и культуре русских и их потомков, проживающих в китайском Трехречье.

Потомки русских переселенцев, проживающие в настоящее время в китайском Трехречье, обладают различными языковыми компетенциями. Представители старшего поколения (второе и третье поколение русских переселенцев) являются билингвами – носителями русского и китайского языков. Они достаточно свободно говорят по-русски, но основным языком для них в настоящее время является китайский, который они используют в большинстве коммуникативных ситуаций. На русском языке они говорят ситуативно, главным

образом, при общении с русскоговорящими родственниками и другими носителями русского языка. Их дети и внуки – представители третьего-пятого поколений потомков русских переселенцев – в качестве основного языка также используют китайский язык, хотя многие из них понимают русскую речь, а некоторые и говорят на русском языке. Как в устном, так и письменном общении большинство потомков русских используют китайский язык, но стараются сохранить русские традиции, православную веру. Они посещают в церковь, отмечают православные праздники, хоронят умерших по канонам православной веры. В некоторых семьях также сохраняется русский бытовой уклад, традиции русской кухни, русская песенная культура.

Степень сохранности русского языка, по нашим наблюдениям, в большинстве случаев зависит от поколения, к которому принадлежат потомки русских переселенцев.

Рассмотрим это на примере семьи Лидии Д., 1951 г.р. (третье поколение переселенцев). Сама Лидия сообщила, что при крещении ей дали имя Анна, а в детстве звали Сяо Жун, она – ребенок от смешанного брака.

Дед Лидии – китаец, родом из провинции Хэбэй, а бабушка – русская, родилась в селе Бура (село располагается в Калганском районе, в Забайкальском крае): *У меня баушка / Она – русска // Она там / в России родилá // Ну / тут / наверно близко где-нибудь // Близко / тут // Ган проедешь там же сразу русские стороне // Ну / так прозвали эту деревню там Бура / Бура / вон там же жили⁴ //*. Дедушка и бабушка встретились на российской территории. Бабушка предположительно говорила на русском диалекте, т.к. была из крестьянской семьи.

Языковая компетенция членов семьи Лидии представлена в таблице 4.

⁴ Здесь и далее представлены примеры из Фоноархива «Русская речь в китайском Трехречье», 2019.

Таблица 4 – Языковая компетенция членов семьи русских переселенцев в Трехречье (на материале семьи Лидии Д.)

Родство по отношению к Лидии	имя, национальность	год рожд.	место рожд.	основной язык	степень владения	второй язык	степень владения
дед по матери	китаец		Китай	Кит.	+	нет сведений	нет сведений
бабушка по матери	русская		Россия	Рус.	+	нет сведений	нет сведений
мать	метиска		Китай	Рус.	+	Кит.	нет сведений
отец	китаец		Китай	Кит.	+	нет сведений	нет сведений
сын	Леонид (Леня)	1945	Китай	Кит.	+	Рус.	+
дочь	Лидия	1951	Китай	Кит	+	Рус.	+
муж Лидии (его мать – русская)	метис	* 1940-50-е г. р.	Китай	Кит	+	Рус.	++
дочь Лидии	только кит. имя	1973	Китай	Кит.	+	Рус.	+
сын Лидии	только кит. имя	1975	Китай	Кит.	+	Рус.	–
дочь Лидии	только кит. имя	1980	Китай	Кит.	+	Рус.	–
внучка	только кит. имя	2000*	Китай	Кит.	+	Рус.	–
внук	кит. имя + Володя	2009*	Китай	Кит.	+	Рус.	–

Условные обозначения языковой компетенции информантов

0+ понимает, но не говорит

+ понимает и говорит

++ понимает, говорит, пишет/читает

* приблизительное значение

Отец Лидии – китаец, переселенец из провинции Шаньдун, мать – метиска, Дьячкова Груня. В семье Лидии разговаривали в основном по-китайски: *По-китайски // Мама же у меня полукровка // Деда же у меня чиста китаец хэбэйжэнь⁵ //.*

Брат Лидии – Леонид, *Леня*, 1945 г.р., говорил по-русски и по-китайски, как и Лидия.

⁵ 河北人 кит. житель провинции Хэбэй

У Лидии трое детей – две дочери и сын: *У меня / троя // Девочки / двоя // Мальчик – один //*

Старшая дочь Лидии, 1973 г.р., не имеет русского имени, говорит по-китайски и немного по-русски. Вот как описывает Лидия владение русским языком своих детей: *Не // не говорят // Вот это у меня большá девушка говорит // понимает // Говорит мало-малко // Ну / училас // Мало-малко-то поучилас на русском языке / <...> Дак // она училась в школе в Хайларе // (Её) Учительша учила //*

Сын родился в 1975 г., не говорит на русском языке.

Младшая дочь, 1980 г.р., не говорит по-русски.

Внучка, 2000 г.р., не владеет русским языком, так же как и внук, 2009 г.р. Внуку было дано русское имя Володя. *Так это мы же не крестили // Вон бабушка китаянка тоже // Она там это в Китае // Вот она говорит / обязательно чтобы дедушка имя дал по-русски // Деда говорит так / вы китаецсы / вам што русское имя? Нет // Дай / да и всё // Вот // Он потом говорит // Видно дедушка ему Володя // Теперь же не зовите меня здесь русских-то нету / так а вы почём меня зовёте-то Володя? Потом спросит тебя Володя папа как? Ну, вон большой Володя, а я маленький Володя //*

Проведя анализ языковой компетенции членов семьи Лидии Д., мы можем сделать следующие выводы:

1. На протяжении 100 лет после переселения русских в китайское Трехречье русский язык сохранялся и сохранен в речи потомков русских переселенцев.

2. Русский язык по-разному сохранен в разных поколениях потомков русских в Трехречье. Так, на примере Лидии и ее мужа – представителей третьего поколения русских переселенцев в Трехречье, можно говорить о владении двумя языками, о билингвизме. Оба говорили на русском и китайском языках. Для детей Лидии, которые являются потомками переселенцев в четвертом поколении, основным языком является китайский. Старшая дочь Лидии говорит

по-русски, младшая дочь и сын не говорят по-русски. Большинство представителей четвертого поколения не говорят по-русски, могут только понимать некоторые этикетные слова и выражения, например, «здравствуйте», «до свидания», «спасибо» и некоторые другие. В этом поколении мы наблюдаем утрату русского языка, а в пятом поколении переселенцев – у внуков Лидии – обнаруживается полное отсутствие владения русским языком.

3. Описанная ситуация в семье Лидии Д. является типичной для семей потомков русских переселенцев в Трехречье в плане владения ими языковыми компетенциями и сохранности русского языка.

4. Языковая история семьи Лидии Д. демонстрирует один из способов бытования русского языка в восточном зарубежье на территории Китая – в Трехречье. Данный феномен, несомненно, требует исследования факторов, повлиявших на степень сохранности и качественные характеристики русского языка Трехречья.

2.4 Типология носителей русского языка – потомков русских, проживающих в Трехречье

Нами была записана речь 23 информантов, все они являются потомками переселенцев из России в Китай. Получены данные о 13 семьях потомков русских переселенцев. Общий объем записей речи – более 30 часов звучащей речи. Встречи с информантами состоялись в селах Сучин, Эньхэ, в городе Лабудалинь.

В общей сложности мы располагаем сведениями о языковых компетенциях более 100 потомков русских переселенцев.

Под **языковой компетенцией** мы понимаем владение языком или идиомом языка.

Представители потомков переселенцев – люди разного возраста, образования, профессии. Одни из них по паспорту являются китайцами, другие –

русскими (элосыцзу) и, таким образом, представляющими одну из малых народностей Китая.

Потомки русских переселенцев в современном китайском Трехречье рождены в смешанных русско-китайских браках, только у одной информантки третьего поколения отец – кореец. Многие образовали пары с такими же, как они, метисами – потомками русских, а также с китайцами.

Как мы указывали выше, среди наших информантов – представители разных поколений переселенцев: второго, третьего, четвертого, пятого, шестого. Отнесенность к поколению непосредственно связана с типами языковых личностей потомков переселенцев.

На примере семьи Лидии Д. покажем типичную языковую историю русских переселенцев в китайское Трехречье.

К первому поколению относятся переселенцы, которые приехали в Китай самостоятельно. Так, у Лидии Д. была **русская бабушка**. Муж бабушки был китайцем. Они познакомились в России, переехали жить в Китай. Представители 1 поколения родились в начале XX в.

Второе поколение – это дети тех, кого мы отнесли к первому поколению. Они рождены в России и привезены в Китай в возрасте до трех лет или рождены в Китае. В случае семьи Лидии Д. – это мать Лидии, которая родилась в Китае в семье русской женщины и китайца. Представители 2 поколения рождены в 20-30 гг. XX в., как правило, **это метисы в 1 поколении**.

Третье поколение – это дети представителей второго поколения, **метисы во 2 поколении**. Лидия Д. относится к третьему поколению. Представители 3 поколения рождены в 35-50 гг. XX в.

Четвертое поколение – к этому поколению относим детей представителей третьего поколения. **Это метисы в 3 поколении**. Дети Лидии Д. являются представителями 4 поколения. Представители 4 поколения рождены в 60-80 гг. XX в.

Пятое поколение – к этому поколению относим детей представителей четвертого поколения. Внуки Лидии Д. являются представителями 5 поколения. Представители 5 поколения рождены в 90-х гг. XX в. – 10-е гг. XXI в. **Это метисы в 4 поколении.**

Шестое поколение: к этому поколению относим детей представителей пятого поколения. Представители 6 поколения рождены после 10-х гг. XXI в., **это метисы в 5 поколении.**

За основополагающий критерий при выделении типов языковых личностей потомков русских переселенцев в Трехречье мы приняли критерий "поколение", при этом при создании типологии языковых личностей учли и другие их особенности: владение диалектной и/или литературной формой русского языка, степень сохранности русского языка, а также социальные параметры личности: образование, профессию, место проживания в течение жизни.

Сложившаяся в Трехречье языковая ситуация позволяет выделить как минимум 5 типов языковых личностей, различающихся по своим языковым компетенциям и уровню владения русским языком, принадлежащих ко второму-шестому поколениям переселенцев из России. Условно обозначим данные типы как типы А, Б, В, Г, Д.

Участники языковой ситуации в китайском Трехречье из числа потомков русских переселенцев в настоящее время в большинстве своем являются билингвами. Их билингвизм может быть охарактеризован по следующим признакам: 1) координативный /субординативный; 2) естественный/искусственный; 3) симметричный/асимметричный.

Под **координативным** билингвизмом понимается, вслед за В. Ю. Розенцвейгом, владение двумя языками в равной мере и переключение от одного к другому в зависимости от ситуации общения; под **субординативным** – владение билингвом лишь одним родным языком, подчиняющим в его сознании второй, неродной язык [Розенцвейг, 1972, с. 10].

Естественный билингвизм – это тот, который является усвоенным, а не выученным, в отличие от **искусственного** [Жеребило, 2010, с. 165].

Под **асимметричным** билингвизмом следует понимать такой, который развивается в результате функционально неравноправных отношений между языками, в отличие от **симметричного** [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 27]

2.4.1. Тип А (второе поколение переселенцев)

К этому типу относится Александр М., 1935 г.р., Маруся Д., 1940 г.р. проживающие в с. Эньхэ, и Елизавета Васильевна Ф., 1940 г. р. проживающая в г. Лабудалинь. Это немногочисленные представители 2 поколения, с которым удалось побеседовать.

Русский язык был воспринят ими от русских матерей, а их русская речь представляет собой диалектный идиом русского языка.

2.4.1.1 Подтип А1 *Говорят по-русски (на диалекте) и по-китайски*

Этот подтип представляет Александр – потомок от смешанного брака русской матери и отца-китайца, представляющий второе поколение переселенцев в китайское Трехречье. В настоящее время основным языком для него является китайский, который он использует во всех ситуациях официального и неофициального общения, русский язык используется ситуативно в общении с говорящими по-русски. Информант охотно вступает в беседу на русском языке, может подолгу беседовать на разные темы, имеет обширный русский словарный запас.

Русская речь Александра представляет собой диалектный идиом русского языка. Читать и писать по-русски он не умеет.

Речевой портрет Александра М.

Было проведено несколько бесед с Александром. Тематика разговоров была разнообразна: семья, жизнь в Китае, Культурная революция 1966–1976 гг., строительство домов в селе, работе, животные, рыбалка и охота.

Беседы с Александром состоялись у него в доме, который похож на русскую избу. В доме Александра – настоящий русский самовар, выступающий знаком причастности его владельца к своей исторической родине и русской материальной культуре:

Это с Рассею // Это мама привезла // (Самовар) старинный // Нормально (работает) // Яйца можно варить там // Когда жена была / бабы придут / на стол яйца кругом / чаюют // (Самовар) на углях // Из печки дрова //.

Отец Александра – китаец, а мать – русская, звали ее Олимпиада:

У меня отец китаец / мать – русска // С Рассею // Читинска область // Нерзавод // Посёлок Чалбыча //.

Отцу Александра – китайцу дали имя Афанасий Афанасьев, он хорошо говорил по-русски, мать же плохо говорила по-китайски. Отец и мать познакомились в России, потом переехали в Китай. Александр родился в Китае. У него два брата и четыре сестры, он самый младший ребенок в семье. Все его братья и сестры хорошо говорили по-русски.

В область языковой компетенции Александра в настоящее время входят два языка: китайский и русский. Основным языком является китайский.

На вопрос о владении письменной русской речью ответил, что русской школы не было. В китайской школе Александр проучился 4 года, но полученных знаний, по его словам, ему оказалось достаточно для того, чтобы читать китайские газеты:

Когда японцы здесь были / два года учился в школе // Потом / когда японца / как сказать / Рассеи прогнали когда / китайцы // Потом ещё два года // Когда четырнадцать годов мне было / не стал учиться // Возле дома работать надо //.

Александр занимался сельским хозяйством, сеял хлеб:

Хлебосейство / хлеб сеяли //

Александр крещен в православии, крещение проходило в Трехречье, где была православная церковь:

Здесь батюшка был // (в) Драгоценке / Тулунтуе / Попирае батюшка был // Батюшка сюда приезжал крестить // Православны // Богу верим //

Отдельное место в нашей беседе занял рассказ о доме, в котором Александр жил в детстве. В рассказе описана технология постройки дома по китайскому типу, что отражает особенности существования русского населения в Трехречье, характеризующегося как сохранением традиций родной культуры, так и восприимчивостью к материальным ценностям другой:

Дом саманнай! Кирпичи знашь? Это глину намесят // Такая специальна такая // Ну как сказать // Тут грязь наложат потом её вывалят как кирпичи // Как кирпичи – саманна // Дома потом строят // Тёпла // Сила-та капашны // А печка – нет // Богриватель // Кан // Кан // Знашь китайски – кан⁶ // Дрова туда / нагреется // Ребетишки там как поросята //

Родители держали хозяйство:

Чюш'ки / бараны / курисы / гуси / утки / коровы / конь // О! Много! Сколь силы у тя есь // Эта ж не запрешали // Лишь бы ты только мож хозяйство поправиться // Сколько же не запрещали //

И сейчас в хозяйстве у Александра имеется баран и коровы, что уже, по словам информанта «большой капитал».

В детстве Александр помогал родителям по хозяйству:

Утром встану // Гонишь коров // Коров поить гонишь // Сено // Баранов тоже надо уход //

Жена Александра умерла, о чем он с грустью поведал: *Жена от меня уехала // На тот свет // Девятнадцатый год значит пошёл // Болела // Бросила меня уехала // Остался я //*

⁶炕 кит. – кан (печка-лежанка, из кирпича и глины) [Котов, 2000, с.211]

Жена Александра, как отмечает наш информант, «*тоже была полукровкой, одна кровь*».

Александр рассказал и о своих детях, которых у него «*пятерня*» – три сына и две дочери, а внуков и внучек у него «*дюжина*». Семья у Александра интернациональная:

У меня в семье три нации // Армодза⁷ / китаец / монгол // Сань-гэминьцзу⁸ // Старша невестка – одна кровь // Вторая невестка – монголка // Третья невестка – китаюшка // По-китайски сказать: миньцзудацзятин⁹ // Все же по любви сходились // «Говорят / я не красива / но и не красавица // Но не все красивых любят / кто кому понравится» // .

Александр никогда не был в России и не хотел бы туда поехать. Объяснение этому он представил в своем ответе:

До революции нас эрмаоцзы¹⁰-то на матки (?) // Кандалы // У нас как считали – метисы // С Рассею смешались // Нас здесь здорово пичужили // Два года здесь сидели // Культурная // Как сказали: «Битому коню только плетку покажи – не будет оглядываться // Били-то напропалую // Мы же не дома // .

Таким образом, любая связь с Россией, даже кровная, не зависящая от самого человека, была наказуема во времена Культурной революции. В настоящее время Александр не стремится ехать в Россию, опасаясь последствий и понимая, что родина там, где семья, а вся его семья – в Китае.

Отдельная тема в рассказах Александра – русские праздники. В настоящее время китайские власти поддерживают национальные меньшинства, к которым среди других относятся и русские, поэтому Пасха уже много лет, как

⁷ тоже, что и 二毛子 кит. жарг. потомок русско-китайского брака

⁸ 三个民族 кит. три народности

⁹ 民族大家庭 кит. большое содружество национальностей в одной семье

¹⁰ 二毛子 кит. жарг. потомок русско-китайского брака

прежде, до Культурной революции, является широко отмечаемым потомками русских переселенцев праздником:

Здесь самый большой щас уже / Паска // Мы собирамся / потом нас здесь угощат // Яички / куличи – всё есть // Вахли // Ты не гляди в Китае / русски закуску / всё смогут // Там печенье / вахли // Если какие-то пироги всё всё состряпают // Завадные-то на блюзде всё могут // У меня невестка китаюшка – всё сможет // По-русски / по-китайски всё можно //

Среди прочих русских праздников, которые отмечали в семье, Александр упомянул Новый год и Рождество.

Дома у Александра была и китайская, и русская еда: *Половина наполовина* (были блюда – прим. О.П.) // *Китайски пельмени / лапша / галушки / каша / рисова каша / суп^x / картошке / русска капуста / кисла капуста / баранья мясо / свинья мясо / скотска мясо //*

Наиболее комфортное время для жизни, по словам Александра, – это настоящее время:

Сейчас // Сейчас сама хороше время // Можно делать всё что хочешь // Чо хочешь // Пожары не отпускай / людей не убивай // Бьешажэньбьефанхо¹¹ // Чо хочешь //

Александр рассказывал о русских в Трехречье, о том, как они сюда переселялись, а затем покидали Трехречье:

Раньше / когда Рассеи случилась эта тоже перволюция // Русские се сюда приехали // Которые боуаты // Сказать по-китайски / это которы богаты были // Кулачили / когда раскулачивали переехали // А которые там жили / в Рассею / навредили тама // Имя неудобно стало жить / они все сюда перебежали // Когда японцев угнали / потом сюда переехали // Всё же записано какой / какой год / чо там наделал // И сюда приехали // Чей фамилия / чей чей чей // Смотри / чо раньше у нас там // Кто чо наделал //

¹¹别杀人别放火 кит. не убивай людей, не устраивай пожары

Услышав мнение о своем хорошем владении русским языком, сказал:

Язык-то не перворачивается // Я бы в Рассею уехал/ года два бы там пожил – хорошо хорошо бы по-русски // Есть / которые слова не могу выговорить // Ты же мне / как сказать / ты мне ж покажешь // <...> Сами // Возле русских // Молоды были возле девок // Когда девушку пойдёшь провожать // Слово за словом-то // Ты скажешь слово / я запомню // Он скажет слово / я запомню // Помаленьку всё // Всё набезжит // <...> Когда здесь жили как мы/ полукровцы здесь/ в Трѣхречье // Эти полукровцы они хорошо по-русски говорили // Они же возле русских воспитались и хорошо по-русски говорили // В русской школе учились // Как от целого туда суды – рыба не рыба / мясо не мясо / полукровцы говорят по-русски не умеют // По-китайски – хорошо говорят // А здесь когда полукровцы жили / и моя кровь здесь всё жили / по-китайски плохо говорили //

Можно отметить, что Александр отделяет себя и от «полукровцев», и от «чистокровных» русских. Он считает, что если он поедет на родину к отцу, в Шаньдун, то там его тоже не примут за своего: *Нынче хочу ешо в Шаньдун съездить // На папину родину // Посмотрю как в Китае живут // Я туда приеду / кто нас знат // Ой / с откуда приехал // Русской // Скажут – ламодза // Китайцы-то чэнхулаомаоцзы¹² // Скажут / што дядя приехал лаомаоцзы¹³ //*

Следует отметить, что Александр владеет только устной формой русского языка.

Рассмотрим фонетические, грамматические и лексические особенности речи Александра.

Фонетические особенности

Вокализм

¹²称呼老毛子 кит. называют волосатый

¹³老毛子 груб. волосатый, волосатик (об иностранце, особенно русском)

1. Трудно однозначно характеризовать тип предударного вокализма после твердого согласного. В одних случаях информант реализует фонему <o> в первом предударном слоге после твердого согласного как [o]: *потом, хлебо-существо, когда, могу*, в других случаях – как [a]: *налюбили, харашо*. Можно сделать вывод о вариативности данного явления. Также необходимо отметить, что у некоторых информантов – потомков русских переселенцев в Трехречье, ярче представлено оканье.

2. В большинстве случаев после мягкого согласного реализуется такой тип предударного вокализма как иканье: [и]понцы, выс[и]лили, п[и]риехали, Ал[и]ксей, [и]шо, кр[и]шона, ч[и]тыре, п[и]т[и]сят, хотя присутствует и еканье в некоторых случаях: запр[е]щали, сп[е]циальна. В речи Александра прослеживается заударное яканье: *с лишням, изранятый, ранятый*.

3. Ударные гласные более длительны, чем в современном русском языке. Батюшка, покойны, крешоны, саманна, тёпла. Безударные гласные в меньшей степени подвержены редукции. Это дает впечатление звуковой организованности речи, «небеглости».

4. Наблюдается произношение окончания прилагательного -ий/-ый как [ай]: *правольнай*.

5. Отмечено употребление протетического [w] перед начальным [y]: *[wu]гль*.

Консонантизм

1. Звонкий заднеязычный согласный реализуется как [Г]-взрывное: *газета, прогнали, богреватель, гуси, помогали*.

2. Зафиксировано произношение твердых губных согласных в конце слова на месте мягких: *кров* (вместо: *кровь*).

3. Произношение согласных [п], [к] с придыханием: *к^xалзох, суп^x*.

4. В ряде слов <ч> реализуется информантом как [тш]: *шетшас, лутшие, тшулки*.

5. Фонема <щ> реализуется в единичном случае как [ш:]: *шука, ешо*.

6. Наблюдается замена или утрата согласного [в] в начале слова: *скусны, сю* (всю), *ся* (вся), *се* (все), *сѣ* (всѣ).

7. Наблюдается в единичном случае произношение звонкого щелевого заднеязычного звука [γ] на месте звонкого взрывного [Г]: *боуаты*.

8. Зафиксировано дзеканье – произношение [д'з'] на месте Ц, З, Т: *голубид'з'а, ретуд'зы, д'з'елевизор*.

9. Встречается на месте твердого [ж] произношение звука переднебного, но круглощелевого, среднего между [ж] и [з]: *свя[ж³]ешь*.

10. Наблюдается утрата смычки в окружении двух щелевых: *груз'з'и*.

11. Отмечен случай произношения твердого долгого [ж̄:]: *дро[ж:]ы*.

12. Отмечено произношение жж как [жн]: *дрожны* (вместо: *дрожжи*).

13. Зафиксировано произношение жд как [жж]: *Рожжество, жжет* (ждёт).

14. Встречается произношение мягкой шипящей [ш'] на месте фонемы <ш>: *чю[ш']ки*.

15. Зафиксировано произношение щепелявой [с''] на месте мягкой фонемы [т']: *с''есто* (тесто).

16. Отмечается явление произношения [с] на месте ц: *куриса, спесиаальный*.

17. Зафиксировано мягкое (щепелявое) цоканье: *горя[ц'']еньки*.

Акцентология

18. Отмечены случаи, когда ударение не соответствует акцентологическим нормам русского языка: *напакостили* (вместо: *напакостили*), *варишь* (вместо: *варишь*).

Морфологические особенности

1. Использование И.п. вместо П.п.: *русска школа не учились* (вместо в русской школе не учились).

2. Частотное использование стяженных форм глаголов и прилагательных: *знашь* (вместо: *знаешь*), *саманна, капашны, русска, поспет* (поспеет), *кажну*

(каждую), *скотска, русски, красна, хороши, запрещам, спокойны, оттяговашь, перемоташь, вымошь.*

3. Не соответствующее норме русского языка образование формы повелительного наклонения: *напой* (вместо: *напой*).

Лексические особенности

В речи Александра используется разговорная лексика и диалектно-просторечные варианты слов: *тумкать, вахли, сымать, чё* и др.

Диалектная лексика является частотной: *катанки, курмушка, стежанка, яман, яматка, куцан, гобчик, кушак, брусница, сохатый, козуля, ушкан, заез(д)ок, капашны.*

Встречаются лексические кальки в речи информанта: *Всё можно; Газету можно.* В китайском языке часто встречается модальный глагол *кэуи 可以*, который переводится на русский язык разными способами. Например: «можно» (в значении «есть возможность, разрешается») или «мочь» («обладать способностью что-то сделать»). Александр в своей русской речи воспроизводит эту модель китайского языка: *Ты не гляди в Китае / русски закуску / всё смогут // Там печенье / вахли // Всё микада // Если какие-то пироги всё всё состряпают // У меня невестка китаюшка – всё сможет // По-русски / по-китайски всё можно //*. Грамматически правильнее будет *всё может* (т.е. обладает способностью сделать, в данном контексте: приготовить блюда и китайской, и русской кухни).

Анализ речи Александра позволяет сделать вывод о хорошей сохранности его русского языка, проявляющейся в его способности говорить на разные темы, большом словарном запасе. Однако русский язык не является основным языком для Александра, он использует его редко, только в бытовом общении, и в последнее время все реже, только с приезжающими из России русскими. Русский язык постепенно уступает китайскому в его речи, который в настоящее время является его основным языком.

Тип речи Александра – диалектный. Кроме того, в его речи отмечается интерференция на всех уровнях языковой системы под влиянием китайского языка.

Билингвизм Александра и других представителей Подтипа А1 является **координативным, естественным и асимметричным.**

2.4.1.2 Подтип А2. *Говорят по-русски (на диалекте), плохо говорят по-китайски*

Представители этого подтипа – Елизавета Васильевна Ф., Маруся Д. Русский язык для них – основной, они говорят на нем свободно. Владеют разговорным китайским языком на элементарном уровне, понимают китайскую речь. Те их дети, которые не говорят по-русски, в общении с ними используют китайский язык: таким образом, матери с детьми говорят по-русски – дети отвечают по-китайски, и наоборот.

Билингвизм представителей Подтипа А2 является **субординативным, естественным и асимметричным.**

2.4.2 Тип Б (третье поколение переселенцев)

К типу Б относятся представители 3 поколения переселенцев: Зоя Б., 1945 г.р. (г. Лабудалинь); Мария Ивановна Б., 1938 г.р. (г. Лабудалинь); Анна Ивановна Б., 1948 г.р. (г. Лабудалинь); Лидия Д., 1951 г.р. (г. Лабудалинь); Николай Ш., 1935 г.р. (с. Эньхэ); Татьяна Владимировна П., 1942 г.р. (с. Сучин); Нина Никифоровна П., 1936 г.р. (с. Сучин); Гавриил Ф., 1943 г.р. (с. Сучин); Анна Никифоровна П., 1953 г.р. (с. Эньхэ); Иван Д., 1945 г.р. (с. Эньхэ), Ирина Николаевна Г., 1942 г. р.; Анна Михайловна Ф., 1974 г. р.

Характерной чертой представителей данного типа является сохранение русского языка, который был воспринят от русской бабушки через

русскоговорящую мать-метиску. При этом русский язык употребляется ими, как правило, ситуативно, в то время как китайский язык используется активно.

В русской речи представителей этого типа отмечаются случаи интерференции под влиянием китайского языка на всех уровнях языковой системы.

Тип Б представлен четырьмя подтипами.

2.4.2.1 Подтип Б1. *Говорят по-русски (на диалекте) и по-китайски*

Представители этого подтипа демонстрируют хорошее знание русского и китайского языков (Лидия Д., Мария Ивановна Б., Анна Ивановна Б., Николай Ш., Татьяна Владимировна П., Гавриил Ф., Анна Никифоровна П., Иван Д.).

Речевой портрет Лидии Д.

Объектом речевого портретирования в данном подразделе выступила языковая личность Лидии Д. – потомка русских переселенцев в Китай в начале XX в., жительницы города Лабудалинь городского уезда Аргунь автономного района Внутренняя Монголия в Китае.

Лидия Д. (имеет русскую фамилию) родилась в 1951 г. в деревне Тулунтуй – одной из 19 русских деревень китайского Трехречья.

Была крещена в православии, при крещении ей было дано имя Анна.

Информация о родственниках Лидии подробно представлена в разделе 2.3.

Лидия всю жизнь прожила в Трехречье: сначала в деревне Тулунтуй, где родилась, а после замужества – в селе Щучье¹⁴. В настоящее время проживает в городе Лабудалинь:

Мы родились в Тулунтуе / в Трохречье // Там я в Тулунтуе родилась //
Потома-ка я на Шүчу замуж вышла // <...> Потома-ка суды перекочевали //

¹⁴ В 1940-х годах, как отмечают исследователи, в Трехречье было 19 русских деревень: Драгоценка, Дубовая, Ключевая, Тулунтуй, Караганы, Попирай, Щучье, Покровка, Верх-Кули, Усть-Кули, Лабдарин, Чилотуй, Светлый Колуй, Барджакон, Лапцагор, Верх-Урга, Усть-Урга, Ширфовая и Нармакчи [Соломеина, 2013, с. 226].

*Ну суды перекочевали уже <...> С Тулунтуя // В Шүчу я в замуж вышла /
Потома-ка детей наносила / пока да чо да и вот / сняла со с работы и суды
потом приехали / мы суды перекочевали // Тут уже десять лет / живем //*

Лидия училась в китайской школе 6 лет. О времени учебы в школе вспоминает так:

*Ага / летом рано / летом рано // Да / кого / мы малыньки были / летом
тоже шибко рано не вставали // В семь часов / или там в восемь часов / пой-
дём в школу / ране с полчаса встанем / умоемся / вычешемся / и в школу //*

Культурная революция в Китае помешала Лидии продолжить образование.

По-китайски Лидия читает плохо, как она сама говорит, «маловато». По-русски не умеет ни читать, ни писать. Большое значение для поддержания русского языка было то, что семейным языком был русский: муж-метис тоже хорошо говорил по-русски:

*Мы вот с мужем всё // У меня муж так-то / он хорошо говорит по-
русски // Мы другой раз-то разговариваем / всё по-русски // Он если говорит /
я с ём //*

Лидия объясняет, почему у мужа хороший уровень владения русским языком: *Он поучёный был // Это как это он говорил / у него бабушка / дедушка
все же по-русски говорили и мать / отец по-китайски / но где-где / тоже по-
русски // Он-то там / кулак // Он по-русски поучёный / да и говорил // Я за него
вышла / мы где-где тоже по-русски говорим // Маленечко подучилась / да
тоже кого / шиворот-навыворот //*

Лидия работала в производственной бригаде, в настоящее время является пенсионеркой:

*Дак / это на китайской языке всё училися / А потома-ка мы это поболе
/ давай / работать <...> // Нет, это как сказать шэнчаньдуй¹⁵// <...>*

¹⁵ 生产队 кит. производственная бригада [Котов, 2000, с. 375].

Да / производственная / Мы же щас все снялись с работы / нам пенсию идёт //

Лидия осталась до преклонных лет православной верующей, дома висят иконы. Посещает православный храм в г. Лабудалинь:

Молимся / я каждую неделю // Вот в воскресенье // Сёдня / сёдня воскресенье / я вот свечи зажигаю и Богу молюся-ка вот // Каждую неделю // Ну вот / утром встаю (у)моюсь / ничё не делаю / вперёд Богу молюсь //

В рассказах Лидии актуальна тема русской жизни, русского быта, о которых она повествует на русском диалекте, испытавшем влияние основного для нее китайского языка, с использованием русской диалектной лексики. Так, она вспоминает о русской еде, которую готовила мать:

Ну / всё готовила // где лыбу / мы ишо-та маленькие были // Ну / у нас мама печенье пекла / всяко тоже / всё запекала / где вот мясо / поросят тама-ка запекала всё // <...> // Где пряники тама-ка / где вот эта / калачики / да чо да вот всякие // <...> Шанги пекли из этих // <...> // Картомники всё всяко // У нас мама хорошо пекла // <...> // Черемуху намелешь иной раз // Насеешь эту муку / заваришь // Где это тама-ка ягода всё это есть // Варенье наваришь / заваришь / потом тарочки пекешь // Дак голубица есть // Брусница // <...> Дак с молоком сперва сами вот где пропускали // Тама-ка у кого может сепаратор есть // Таскали там пропускали вот сметану // всё а потома-ка во все забрали же коров всё забрали и всё сдали //;

об особенностях рыбной ловли:

Вот / вот // Перемётья // Я уже щас все позабыла // Перемётья есть / он все вот на лодке ездил // Вот // Мы раньше там жили / возле речки // Вот // Спустится и поедет / поплывёт туды / сети поставит на всю ночь // Вот в это время поплывёт / поставит // Утром потом поедет / соберёт //;

о русских посиделках:

Где сами поют / где это // Где насобируются старушки тоже // Сядут чай пить тоже для себя и тоже запоют // Сами себя веселят и всё //

Анализ записанных устных рассказов Лидии на русском языке показал, что она владеет диалектной формой русского языка. Основной причиной этого является русское крестьянское происхождение ее бабушки и матери, от которых Лидия усвоила русский язык, а также проживание в сельской местности, среди русских, говорящих на русском диалекте.

Укажем на фонетические, грамматические и лексические особенности речи Лидии.

Фонетические особенности

Вокализм

1. В первом предударном слоге после твердого согласного и в абсолютном начале слова фонемы <о> и <а> реализуются звуком [а], т.е. наблюдается **аканье**. Например, *к[а]лэчки, п[а]тёма-ка, б[а]юсь, [а]нё*.

2. В некоторых случаях наблюдается различие фонем <о> и <а> в первом и втором предударном слогах: *г[о]лубица, выг[о]вариват, п[о]дряжajúт*.

3. В первом предударном слоге после мягких согласных наблюдается **иканье** – такой тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы, кроме <у>, совпадают в 1-м предударном слоге после мягких согласных в звуке [и]: *д[и]рэвня, ум[и]рлá, п[и]р[и]эхали, у м[и]ня* и др., хотя в некоторых случаях отмечается и **еканье** – тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке [е] [Касаткин, 1989, с. 48]: *р[е]волюция, п[е]р[е]вóдчика, кр[е]стíл*.

4. В единичных случаях в безударных слогах после мягкой согласной наблюдается **яканье** – тип безударного вокализма, при котором все гласные фонемы неверхнего подъема совпадают в 1-м предударном слоге после мягких согласных всегда или в части позиций в звуке [а]: *ч[а]рёмуха*.

5. Ударные гласные более длительны, чем в современном русском языке: *ӯтишится (учится), крешӣоны (крещёные), утӣытелиша (учительша), дó̄тика (дочка)*. Безударные гласные, по нашим наблюдениям, в меньшей

степени подвержены редукции по сравнению с современной русской разговорной речью. Это дает впечатление «небеглости» речи.

Консонантизм

1. Звонкий заднеязычный согласный представлен в речи [г]-взрывным: [г]олубица, [г]рибы, о[г]ород, сабо[г]и (=сапоги), дол[г]о, я[г]ода.

2. В положении перед гласными губные щелевые <в> и <в'> реализуются как губно-зубные: [в]ам, Кара[в]анну, де[в]ушка, с[в']екровки, полу-кро[в']еу.

3. Сочетание [жд] в корне произносится как [жж]: Ро[жж]ество, до[жж]и.

4. Сочетание [чн] произносится как [шн]: Ярни[шн]а (Ярничная – название деревни).

5. В возвратных формах глаголов 3 лица Ед. и Мн. числа ассимиляция согласных отсутствует: учи [тс']а, охоти[тс']а, пасу[тс']а.

6. В словах *сюда* и *отсюда* произносится твердый [с]: [суда], [отсуда].

7. Аффриката <ц> присутствует в речи и имеет несколько вариантов произношения. Она реализуется в речи информанта: а) как [ц]-твердый доктори[ц]а, [ц]ерква), б) сочетанием звуков [тс] с ослабленным [т] и преобладающим свистящим [с] (китае[тс], китае[с]ы, голуби[тс]а), а также в) как мягкий [ц'] (револю[ц']ия).

8. В речи информанта шипящие фонемы <ж> и <ш> произносятся как твердые: пожэнилися, мужык, жэнынына, шыбко.

9. Долгая мягкая шипящая фонема произносится твердо: шишотка, шишо, крешишоны, жэнынына.

10. Слово *мужчина* произносится как *мушынына*.

Акцентология

Прослеживается вариативность ударения в некоторых словах: б'ыло – былó, говор'ить – говóрить, теплó – т'ёпло, полож'ить – полóжить, моего́ – моёго, далекó – далёко.

Многие особенности, которые представлены выше, прослеживаются в русских говорах [Игнатович, 2009; Касаткин, 1989; Князев, 2008], что позволяет сделать вывод о диалектной основе речи Лидии.

В речи Лидии часто встречается фонетический эллипсис: *ничо, шас, када, не́када, гврит, семисят*, который является характерным для русской разговорной речи и просторечия, хотя, наряду с этим, в разговорной речи информанта представлены и полные формы: *когда, сейчас*.

Яркой чертой речи Лидии являются фонетические особенности, возникшие в результате интерференции под влиянием китайского языка.

1. Аффриката [ч] произносится как [тш]: *дево[тш]ка, уло[тш]ка, перев[тш]ик, перэвод[тш]эца, сей[тш]ас, до[тш]ка, вну[тш]ка, ленто[тш]ки, плато[тш]ки, рань[тш]э, пе[тш]ки, у[тш]ытэлиша, [тш]аромуха*. Н. А. Спешнев в своей работе «Фонетика китайского языка» указывает на то, что аффриката [tʃ] в китайском языке всегда твердая [Спешнев, 1980, с. 48].

2. У аффрикаты [ц] появляется придыхательный элемент, как это происходит при произношении звука [tsʰ] в китайском языке: *сонц^хе, япониц^хы, пшениц^ха, револютс^хии, китаец^х*. Также необходимо отметить произношение аффрикаты [ц] в речи Лидии по аналогии с аффрикатой [с] в китайском языке. Н.А. Спешнев описывает данную аффрикату следующим образом «Глухая аффриката [tsʰ] представляет собой сочетание смычного согласного [tʰ] с щелевым согласным [s]. Аффриката [tsʰ] отличается от русского ц положением кончика языка, который более приподнят к альвеолам, как у согласного [tʰ], придыханием и более длительным щелевым моментом. Данная аффриката всегда твердая» [Спешнев, 1980, с. 47].

3. Отмечено также появление придыхательного элемента у глухих согласных: *лук^х, старык^хи*.

Одной из особенностей произношения Лидией согласного [к] является придыхание. Данное явление свойственно китайскому языку. Как пишет Н.А.

Спешнев: «в русском языке звонким согласным б, д, г соответствуют глухие согласные п, т, к. В китайском языке согласные [b, d, g] тоже имеют соответствующие пары глухих смычных, которые в отличие от этих русских являются придыхательными [Спешнев, 1980, с.40].

4. Наблюдается вокализация речи: имеются случаи упрощения групп согласных и добавления гласных между согласными или в конце слова: *понъравилось*; садитесь, по-китайсы.

5. Частотно встречается неразличение звонких и глухих согласных: *пензия, сабоги, козули, каг, тога, бапушка*. Это обусловлено отсутствием в китайском языке фонологических противопоставлений глухих и звонких согласных [Каверина, 1988, с. 91].

6. В единичном случае встретилось произношение [л] вместо [р]: *все готовила // где лыбу* (вместо: *рыбу*). Подобное явление часто встречается в речи китайцев, изучающих русский язык, так как в китайском языке отсутствует звук «р».

7. Отмечено тоническое произношение имен собственных, в частности, топонимических названий: Эньхэ (恩和), Саньхэ (三河) и др. При произнесении названия села Эньхэ Лидия произносит первый слог ēn (энь) первым тоном¹⁶. Вторым слог hé (хэ) произносится вторым тоном. При произнесении названия села Саньхэ Лидия произносит первый слог sān (энь) первым тоном.

Темп речи Лидии можно охарактеризовать как средний, но он может меняться в зависимости от темы разговора, знания лексики на эту тему. Необходимо отметить, что общий уровень владения русским языком у Лидии достаточно высокий. В своей речи она использует приемы звукового выделения некоторых семантически значимых участков высказывания через интонацию, увеличение силы звука, повышение или напротив понижение тона и удлинение гласного: *Рожжество тама-ка (пауза) в Лабдарине / вот // Они вот*

¹⁶ Тон – мелодическая окраска слога [Спешнев, 1980, с. 16].

собиру-у-тца (удлинение гласного) // *Ну / щас / китайцы тоже смешаны* (понижение тона) //.

Многие выявленные фонетические особенности демонстрируют диалектную основу речи Лидии, другие возникли как результат интерференции под влиянием китайского языка. В целом можно отметить наличие в речи существенных отклонений от фонетических норм современного русского литературного языка.

Морфологические особенности

На уровне морфологии были выделены следующие особенности в речи Лидии:

1. Форма родительного падежа множественного числа существительного *день* представлена вариантом с нулевой флексией и чередованием **е/о** в корне: *сорок дён* (вместо: *дней*).

2. Форма винительного падежа существительных множественного числа представлена вариантами совпадающими с формой И.п. *держали бараны, коровы* (вместо: *держали баранов, коров*).

3. В форме творительного падежа существительных наблюдается использование флексии мужского рода вместо флексии женского рода и наоборот: *литовком косили* (вместо: *литовкой косили*), *переводчицем была* (вместо: *переводчицей была*).

4. Местоимение *этот* в форме предложного падежа имеет флексию - ИМ: *в этом лесу* (вместо: *в этом*).

5. При образовании множественного числа у названий детенышей животных используется флексия -И, вместо флексии -А: *утяты (утята), гусяты (гусята), цыпляты (цыплята), бараняты (ягнята)*.

6. Местоимение «сколько» употребляется в форме – *сколь*.

7. Местоимения 3-го лица 'он', 'она', 'оно' употребляются в косвенных падежах без начального «н»: *с ём, за имя́, с имя́, можете с имя* (вместо: *с ним, за ними, с ними, можете с ними*).

8. Отмечается использование местоимений *кого, никого* для указания на отсутствие предмета, свойства, явления: *сейчас никого нет, она никого не ест, я никого не умею, кого это ты сказала*. В соответствии с языковой нормой в этом случае должны употребляться местоимения *что, чего, ничего*.

9. В речи информанта широко используются стяженные формы прилагательных, местоимений: *какá, желтá, русска, грамотны, котóры, старá, знам, Караванна, чиста, сдела́м, бо́лшиá*. Стяжение наблюдается в окончаниях глаголов 1 лица множественного числа, прилагательных, местоимений, субстантивированных прилагательных женского рода. Отметим, что данная диалектная черта встречается в забайкальских говорах [Игнатович, 2013, с.219].

10. Возвратный постфикс глаголов представлен вариантом -СЯ и -СЬ, но более частотным является вариант -СЬ: *поучился, остались, повстались, родилась, разъехались, подучилась, снялись, проверилась, охотились, боюсь и т.д.*

11. Отмечено употребление возвратной формы глагола вместо невозвратной, и наоборот: *Нет // я это же болела // Провериться / мол съездиться (вместо: съездить) // Там проверилась //; У меня мамы баушка // Она – русска // Она там / в России родила (вместо: родилась) //*

12. Императив глагола *разместить* представлен формой *размей* (вместо: *размешай сахар*).

13. Отмечено использование грамматических показателей китайского языка, в частности служебного слова *ла* 了 [le], которое употребляется в постпозиции и среди множества значений имеет значение завершенности действия, изменения состояния: *Тоже их / стары нетула // Одни дети остались //*

14. При использовании падежных форм имен существительных отмечается преимущественное употребление формы именительного падежа. Так, Им.п. может быть использован вместо Р.п.: *татары много* (вместо: *татар много*), *мало было колечки, браслеты* (вместо: *колечек, браслетов*); Им.п. вместо В.п.: *мы поставили икона* (вместо: *мы поставили икону*).

15. Наряду с этим наблюдается использование одной падежной формы вместо другой. Например, Тв.п. может быть использован вместо Р.п.: *огурцом накупим* (вместо: *огурцов накупим*).

16. Отмечены случаи использования одной числовой формы глагола вместо другой. Например, форма глагола прошедшего времени среднего рода единственного числа используется вместо формы глагола множественного числа: *Русские школы было* (вместо: *русские школы были*); форма глагола прошедшего времени множественного числа используется вместо формы глагола прошедшего времени единственного числа: *приезжали батюшка* (вместо: *приезжал батюшка*). В последнем примере это может быть проявлением уважительного отношения к родителям и обращением к ним на «Вы».

17. При употреблении глагольных форм происходит использование несоответствующей формы времени или наклонения. Так, отмечено использование формы глагола прошедшего времени вместо формы инфинитива *дети остались у него не стали* (вместо: *дети оставаться у него не стали*); использование форм изъявительного наклонения вместо форм сослагательного наклонения: *Мама если жива шас будет / так цзюшилю*¹⁷ (вместо: *Если бы мама жива была, то ей было бы 96*); формы глаголов настоящего времени используются вместо форм глаголов прошедшего времени: *Мы вот с мужем все // У меня муж так-то он хорошо говорит по-русски // Мы другой раз-то разговариваем / все по-русски // Он если говорит / я с ём //* (Муж Лидии умер, поэтому в данном случае необходимо было употребить формы прошедшего времени – О. П.).

Синтаксические особенности

1. Отмечено употребление выбор предлогов, не соответствующий норме русского литературного языка: *У нас на книге не так написано* (вместо:

¹⁷九十六 千. девяносто девять

в книге); *У меня мама шалюшки вязала с пуху* (вместо: из пуха); *Я по эти года* (вместо: в эти года = в это время).

2. В некоторых случаях опускается предлог «в» с пространственно-временным значением: *А сейчас уехала Устюров // эти деревни татары много*.

3. В качестве моделей для построения предложений иногда используются синтаксические модели китайского языка. Так, например, в китайском языке для обозначения приблизительного количества используется показатель 多 [duō] – ‘больше’, который ставится после существительного 一年多 [yī nián duō] (буквально: ‘один год больше’; литературный перевод: ‘больше года, год с небольшим’). В русском языке ‘больше’ ставится перед именными формами в таком употреблении. Лидия же в своей речи использует порядок слов по типу китайского языка: *Сорок лет боле //; дак тридцать боле / где сорок боле тоже бывает //*.

Проведя анализ морфологических и синтаксических особенностей речи нашего информанта, можно сделать вывод о том, что в целом грамматическая система русского языка сохранена. Однако отклонения от грамматической нормы русского языка имеются. Эти отклонения обусловлены: а) диалектным характером речи и являются нормой для диалекта; б) влиянием китайского языка – интерференцией.

Лексические особенности

Наблюдаются семантические кальки, являющиеся результатом лексической интерференции: *болша девка, младшая девушка* (вместо: старшая дочка, младшая дочка). В китайском языке в подобных словосочетаниях употребляются многозначные прилагательные 大 [dà] – большой, крупный, старший и 小 [xiǎo] – маленький, мелкий, младший, молодой. Также при обращении к маленьким детям в китайском языке используется слово 小 [xiǎo], а к старшим по возрасту людям 大 [dà], поэтому Лидия использует в своей русской речи

словосочетания, представляющие собой дословный перевод с китайского языка: *вот он большой Володя, а я маленький Володя*.

Диалектный характер речи Лидии находит отражение в составе ее словаря. Основу ее лексикона составляют общенародные и разговорные слова: *коровы, лошади, собака, соседка, брюки, штаны, валенки, грибы, малина, граница, кулак, капуста, морковка, внук, школа* и др. Кроме того, встречается много диалектных и архаичных слов: *чушка, барануха, шалюшка, катанки, когó* (в значении что, чего), *далёко, бра́вый* (красивый), *литóвка* (коса), *малко* (мало), *нарoшечнo* (нарочно) и др.

В речи Лидии встречаются уменьшительные формы слов – деминутивы, которые служат для оценки, описания, представления явлений: *малёнько, шалюшка, тáрочки, уточки, яйчки*, и терминов родства: *мама, папа, отец, девочка, девка* (в значении дочь), *девушка* (в значении девочка, дочь), *сын, муж, тетя, бабушка, зять, внук, внучка, свекровка*. В речи Лидии присутствуют имена существительные женского рода, которые обозначают женщин и образованы от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин и являющихся парными к ним, т.е. феминитивы, например: *докторица*.

В речи присутствует и религиозная лексика, хотя в достаточно ограниченном количестве: *крешиона, крестили, икона, молилась, батюшка, Бог*.

Следует отметить наличие в речи Лидии вкраплений из китайского языка, главным образом, имен собственных: названий сел (*Саньхэ*), провинций (*Шаньдун, Хэбэй*), а также имен и фамилий. Но среди вкраплений не только имена собственные: *Нет / это как сказать // Шэнчаньдуй¹⁸ //; Он в чжэнфу¹⁹ работает //; Мама если жива шас будет так цзюшилю²⁰ //; Деда же у меня чиста китаец / Хэбэйжэнь²¹ //*.

¹⁸生产队 кит. производственная бригада [Котов, 2000, с. 375]

¹⁹政府 кит. правительство [Котов, 2000, с. 346]

²⁰九十六 кит. девяносто девять [Котов, 2000, с. 89]

²¹河北人 кит. житель провинции Хэбэй [Котов, 2000, с. 530]

В речи Лидии при говорении на русском языке наблюдается переключение с русского языка на китайский, однако это случается нечасто, обычно в тех случаях, когда нужно использовать числительные (если речь идет о возрасте, например) или тогда, когда информант не может подобрать эквивалент в русском языке: *уинянь*²²; *воцзиньяньцишисань*²³, *шэнчаньдуй*²⁴, *чжэнфу*²⁵.

В целом можно констатировать, что лексический запас информанта достаточен для свободной коммуникации, что выражается в свободном построении высказываний на русском языке, редких переходах на китайский язык. Однако из-за отсутствия возможности пополнения словарного запаса отмечается незнание информантом лексических обозначений современных реалий и, как следствие этого, наблюдается свободное использование ресурсов языковой системы (так, слово *этажи* используется метонимически в значении ‘многоэтажный дом’).

Анализ речи представительницы русского восточного зарубежья в китайском Трехречье показал, что в последние годы основным языком Лидии является китайский, русский же язык находится у нее в пассивном употреблении. Длительное функционирование русского языка вне метрополии в условиях языкового контакта, подчиненное положение по отношению к китайскому языку, а также узость сферы употребления (бытовое общение) и существование лишь в устной форме не могли не отразиться на его состоянии и степени сохранности. Русский язык ушел в пассивный запас личности и постепенно забывается.

В настоящее время на всех уровнях языковой системы в речи информанта наблюдаются следы межъязыковой интерференции, обусловленные типологическими различиями двух контактирующих языков (русского и китайского) и демонстрирующие неустойчивые, слабые участки системы русского

²²五一年 кит. 51 год [Котов, 2000, с. 387]

²³我今年七十三 кит. мне в этом году 73 года

²⁴生产队 кит. производственная бригада [Котов, 2000, с. 375]

²⁵政府 кит. правительство [Котов, 2000, с. 346]

языка. Следует отметить тот факт, что присутствие русских диалектных черт на всех уровнях языковой системы выступает как одна из наиболее ярких специфических особенностей речи информанта. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что данный вариант языка остается практически без изменений, несмотря на отсутствие факторов, которые могли бы способствовать его сохранению.

Билингвизм представителей Подтипа Б1 является **координативным, естественным и асимметричным.**

2.4.2.2 Подтип Б2 (неординарный). *Говорят по-русски и по-китайски; владеют литературной формой русского языка*

Данный подтип характеризуется тем, что в область языковой компетенции представителей этого подтипа входят китайский и русский языки. Русский язык изучался ими не только в семье, но и в школе, в университете, один информант выучил русский язык самостоятельно (Василий З.).

Представители подтипа Б2 характеризуются тем, что могут говорить на русском литературном языке, умеют читать по-русски, ранее активно использовали русский язык в своей профессиональной деятельности. У информантов наблюдаются небольшие отклонения от норм русского литературного языка. Диалектные черты в их речи присутствуют, но в гораздо меньшей степени, чем у представителей типа А и подтипа Б1. Среди представителей типа Д: Ирина Г., 1942 г.р. (г. Лабудалинь); Василий З., 1944 г.р. (с. Эньхэ); Варвара У., 1945 г.р. (г. Лабудалинь).

Кроме того, представители подтипа Б2 характеризуются особыми социальными условиями формирования языковой личности. Напр., Ирина Николаевна Г. с раннего детства до 12 лет жила в России, изучала русский язык и другие школьные дисциплины в русской школе на русском языке.

Билингвизм представителей подтипа Б2 – координативный, естественный, асимметричный.

Речевой портрет Ирины Г.

Ирина Николаевна (китайское имя Ван Сючжи 王秀枝 Wáng Xiùzhī), родилась в 1942 г. в Китае, в поселке Галдучи: *Моя мама была в посёлке Галдучи // Не знаю доезжали / нет? <...> Шивей / напротив Олочи / она по Аргуни // Олочи / тут Шивей // От Шивеи потом вбок была посёлок Галдучи / вот японцы доезжали до туда //*

Волость Шивэй (室韦乡 Shìwéixiāng, Шивэйсян), о которой говорит И.Н., объединена с другой национальной волостью – Эньхэ-Русской волостью (恩和俄罗斯族民族乡 Ēnhé Éluósī zú mínzú xiāng²⁶, Эньхэ элосыцзу миньцзусян) [по данным сайта baike.baidu.com]. Село Шивэй, которое является центром волости, расположено напротив российского села Олочи Нерчинско-Заводского района Забайкальского края. В начале XX в. российско-китайская граница была открыта: жители обеих стран могли беспрепятственно перемещаться из России в Китай и в обратном направлении [Шахматов, 2014, с.42].

Мать Ирины Г. – Надежда Ивановна Г. (в девичестве Меновщикова), 1918 г.р., родилась в смешанном браке от русской матери и отца-китайца.

Бабушка по матери – Анна Меновщикова, русская, была из состоятельной семьи, владела русской грамотой, учила дочь Надежду русскому языку.

Дед по матери – китаец из провинции Хэбэй.

Отец Ирины – кореец, она называете его «*коренной отец*», т.е. биологический, противопоставляя таким образом отчиму, которого будет называть «*родной отец*». Родной отец Ирины служил офицером Японской армии²⁷, при отступлении японцев ушел вместе с ними: *Их / как гнали / японцев / и он побежал с японцами / так и убежал //*

²⁶ Все слова на китайском языке даются в пиньине – системе транскрипции китайского языка

²⁷ Маньчжурия, на территории которого располагается Трехречье, с 1931 по 1945 гг. была оккупирована Японией.

Отчим Ирины, «родной отец», – метис, рожден от русской матери и отца-китайца. Имел китайское имя Ван Цзя и русское имя – Николай Иванович Г. Первым и основным языком Николая Ивановича был китайский; русским языком владел только в устной форме: ни читать, ни писать по-русски не мог. Николай Иванович служил переводчиком в пограничных войсках Красной армии, затем ему было разрешено работать в Забайкалье: *Поставили его проводить провода // Первые провода в Читинской области / Нерзаводский район / вот по всему району проводили провода //*

Бабушка по отчиму – Мария Г., русская, «из бедного дома». Ее фамилию носил отчим и сама И.Н.: *Вот мы теперь все Громы // По-бабушке //*

Дед по отчиму – Ван Хундзи, китаец из провинции Шаньдун.

Ирина отмечала, что отчим говорил со своей матерью по-русски, следовательно, материнским, а возможно, и домашним языком²⁸ в семье родителей отчима был русский, несмотря на то что их брак был смешанным и проживали они на территории Китая.

Таким образом, бабушка Ирины по матери, русская, и бабушка по отчиму, русская, представляли первое поколение переселенцев из России; мать Ирины и ее отчим – «полукровцы» – второе поколение, а сама Ирина относится к третьему поколению.

Муж Ирины – Леонид Иванович Якимов, 1941 г.р., метис во втором поколении. Его мать – Улита Артемьевна Якимова – русская, отец – китаец из провинции Хэбэй.

Домашним языком в семье Ирины был русский: она рассказывала, что с мужем говорили по-русски, «когда не помнили – смесь».

У старших родственников в семье использовались родные для них языки: мать и свекровь Ирины говорили друг с другом по-русски; отчим и свекр – по-китайски.

²⁸ Мы опираемся на классификацию используемых в коммуникации эмигрантов и их потомков языков, предложенную Е.А. Земской [Земская, 2001, с. 33-34]

Сестра Ирины – Валентина Николаевна Г., в настоящее время проживает в Австралии. Знает русский, китайский, английский. В Китае, куда часто приезжает, говорит на китайском, в Австралии – на английском. По-русски говорит мало.

Таким образом, в интернациональной семье Ирины говорят на разных языках: *Дома-то говорим: бабушки – по-русски / дедушки по-китайски // А мы говорим когда – смесь // Чуть-чуть не ловко-то / перевернём по-китайски // В таких домах и по-русски / и по-китайски //*

У Ирины четверо детей. У всех детей китайский язык является первым и основным. По-русски говорят трое из четверых: старшая дочь – Любовь, 1961 г.р., окончила Харбинский институт русского языка, в настоящее время живет и работает в г. Иркутске; вторая дочь – Лина, 1964 г.р., окончила факультет русского языка Хайларского института; младшая дочь – Наталья, 1973 г.р., училась русскому языку в г. Шанхае. Сын – Алексей, окончил среднюю школу в г. Лабудалинь, понимает по-русски, но не говорит.

Из четверых внуков Ирины двое знают китайский и английский (одна из них использует английский язык в профессии), двое – китайский и русский (живут в России). У последних в паспортах указано отчество, хотя их отец – китаец: *Отделяются от китайцев // Нация-то китайская / но сейчас поставили в Китае печать / шестую нацию – русских // А / какие русские? Все вот такие – смесь // Чисто русских нету // Всё смесь //*

В 1944 г. отчим Ирины вместе с женой и приемной дочерью уезжает в Россию. С двух лет Ирина жила в селе Нерчинский завод в Забайкалье. Там она окончила 4 класса русской школы. В 1955 г. семья вернулась в Китай, где Ирина продолжила обучение в китайской школе. На момент возвращения в Китай она не говорила по-китайски, не умела читать и писать. Знала только одно слово – 剪子 jiǎnzi «ножницы», потому что «любила стричь бумагу». После окончания китайской средней школы поступила в высшее учебное заведение в Китае, где продолжила изучать русский язык, а позднее прошла курсы

русского языка в Пекинском университете иностранных языков. Двадцать пять лет Ирина преподавала русский язык в школе.

Ирина крещена в православии: обряд крещения был проведен в Китае – в селе Драгоценка, в Трехречье. Она носит крестильный крест, в ее доме православные иконы. Двое ее дочерей также крещены в православии.

Ирина может свободно беседовать на русском языке на разные темы: жизнь и быт потомков русских переселенцев в Трехречье, их традиции и обычаи. Значительную часть беседы составили рассказы Ирины о ее семье, об истории России и Китая, о русском языке, о ее работе учителем русского языка в школе.

Речевое портретирование предполагает анализ говорящей языковой личности на разных уровнях языковой системы. Социально-речевое портретирование показывает корреляцию между языковыми особенностями говорящей личности и социальными факторами, формировавшими ее. Укажем на фонетические, грамматические и лексические особенности русской речи Ирины Николаевны Громовой, потомка русских переселенцев в Трехречье в третьем поколении.

Фонетические особенности

Вокализм

1. Тип предударного вокализма после твердого согласного – аканье: *втарой, патом, пажилье, маладыми, аднагодками, савсэм, пахóже, хатéла, пасёлке*. Наряду с этим, в некоторых словах наблюдается оканье. Например, в слове "*монголка*". Отметим, что данное слово подобным образом произносят многие русскоговорящие жители Трехречья.

2. В первом предударном слоге после мягких согласных наблюдается иканье – *ипонцы, доизжали, коринной, пирчатках, всигда, пирийдут, симна-дцатых, нимножко*.

Консонантизм

В области консонантизма наблюдаются следующие особенности:

1. Выпадение согласного, в единичных случаях: *Астралии, в Австралию* (вместо: Австралии, в Австралию).
2. Произношение в некоторых случаях на месте [ш] звука [с]: *вне[с]ностью*.
3. Озвончение глухого согласного звука [с] в позиции между гласными: *ко[з]улю, до[з]ок*.
4. Оглушение звонкого согласного звука [д]: *[т]очка* (вместо: дочка).
5. Произношение звука [к] с придыханием, как это происходит в китайском языке при произношении звука [к]: *к^хто*.
6. Реализация фонемы /ч/ как твердой шипящей аффрикаты [тш]: *до[тш]а*.
7. Реализация фонемы /ш':/ как твердого долгого [ш:]: *[шиш]упал, е[шиш]о, про[шиш]аются*.

Акцентология

Некоторые слова произносятся с нарушением акцентологической нормы: *губили, в Пекинэ, до Харбинá, яиц, ветошкí, кабáнов, шо́фер, бéгом, поня́ли, рóстит, застрéлили*.

Темп речи Ирины можно охарактеризовать как средний.

На фонетическом уровне в русской речи нашего информанта наблюдается относительно небольшое количество отступлений от фонетических стандартов русского языка, по сравнению с речью других потомков русских переселенцев, проживающих в Трехречье. Причиной того, что в целом произношение Ирины соответствует нормативному, является ее специальное образование, связанное с изучением русского языка, и профессиональная деятельность – работа учителем русского языка в школе. Кроме того, проведенные в России детские годы способствовали постановке русского произношения.

Таким образом, произношение Ирины формировалось, с одной стороны, под воздействием речевых произносительных привычек носителей русского диалекта, а с другой стороны – под воздействием китайского языка, в среде

которого она находилась. Подобная тенденция наблюдается и в речи других потомков русских, рожденных в смешанных браках в Китае как в Трехречье [Пустовалов, 2020, с. 123], так и в других граничащих с Россией регионах Китая [Гордеева, 2012, с.16].

Морфологические особенности

1. Наблюдается использование одной падежной формы вместо другой: П.п. вместо В.п.: *китайский язык он учил начальную школу* (вместо: в начальной школе); Р.п. вместо В.п.: *когда я ездила в Иркутска* (вместо: в Иркутск); Р.п. вместо П.п.: *я была отличницей пятого класса* (вместо: отличницей в пятом классе); Д.п. вместо П.п.: *в первом дому* (вместо: в первом доме).

2. Наблюдается смешение типов склонения по родовому основанию, например, например использование Р.п. с окончанием -у у вещественного существительного по продуктивному типу склонения существительных м. р.: *не было пластмассу* (вместо: не было пластмассы).; смешение типов склонения по родовому основанию (как *папу, бабушку* и т.д.) где м. р. > ж. р.: *на снимку снимали* (вместо: на снимок или снимали на фотоаппарат).

3. В некоторых случаях наблюдается несогласованность грамматических форм рода имен существительных и местоимений: *на какой собрании* (вместо: на каком собрании), *шубу приколотила на окошку* (вместо: на окошко). В форме глаголов прошедшего времени также встречается флексия женского рода вместо флексии мужского рода: *была посёлок* (вместо: был посёлок).

4. При образовании множественного числа отмечено использование флексии -ы, вместо флексии -а: *стёклы* (стёкла).

5. Отмечается использование одушевленного местоимения *кого* для указания на предмет, свойства, явления вместо неодушевленного *что*: *я вам кого отдам*.

6. Местоимения 3-го лица 'он', 'она', 'оно' употребляются в косвенных падежах без начального «н» в следующих формах: *на ём* (вместо: на нём), *за ём* (вместо: за ним).

7. Наблюдается использование окончания -ья вместо окончания -ые. Например, *молодыя* (вместо: молодые).

8. Зафиксировано образование прилагательного *отцовый*.

9. Наблюдается форма именительного падежа множественного числа местоимения 3-го лица: *онé*.

10. Отмечается использование глаголов 1 спряжения в форме 3 лица множественного числа с окончанием -ут: *ходят* (вместо: ходят).

11. Используются возвратный глагольный постфикс -ся (в некоторых случаях -си), на месте -сь: *разъелася, родилася, случилось, укоренилси*.

Синтаксические особенности

1. Отмечается употребление предлогов в соответствии с диалектной нормой: *ездила до Иркутска, до Читы* (вместо: ездилa в Иркутск, в Читу); *служил до Амуру* (вместо: служил около Амура или служил по Амуру).

2. В некоторых случаях опускается предлог: *кого-нить наденут шубу* (вместо: на кого-нибудь наденут), *она Благовещенска* (вместо: она из Благовещенска), *потом пятый перешла в среднюю школу* (вместо: перешла в пятый), *она восемьдесят восьмого года жила* (вместо: она до восемьдесят восьмого года жила), *я хочу еще на память оставить моего отца* (вместо: от моего отца), *Улан-Удэ у меня тоже племянница тоже живёт* (вместо: в Улан-Удэ), *китайский язык он учил начальную школу* (вместо: в начальной школе).

3. Предлог «в» используется вместо предлога «на»: *я в первом этаже / в третьем этаже подруга / Нюра живёт //* (вместо: на первом этаже, на третьем этаже).

4. При построении предложений можно отметить синтаксические конструкции, представляющие собой кальки с китайского языка: *А / вот сейчас в Трёхречье-то русский язык меньше и меньше стало // Мне так жалко // Я же*

учительница // Так жалко терять русский язык // Тут всё **меньше и меньше** // . В китайском языке выделенным конструкциям (меньше и меньше + стало) соответствует конструкция 越来越+ прилагательное для выражения постепенного уменьшения или увеличения интенсивности какого-либо признака. Отметим еще одну конструкцию, являющуюся калькой с китайского языка, в речи И.Н.: *год побольше*. Эта фраза является буквальным переводом китайской грамматической конструкции, в которой используется слово, обозначающее период времени: час, день, месяц, год + сравнительная степень. В русском языке в такой ситуации используется выражение *больше года*.

5. Для речи Ирины характерен эллипсис – пропуск слов в речи, что является типичной чертой разговорной речи. Например: *Отец же на двух языках* (пропущено: умел говорить). *А девушки поближе / поближе /* (пропущено: подходили). *Вот на этой неделе она там* (пропущено: будет). *Какой-то праздник-то / русские / монголы / китайцы* (пропущено: собираются вместе). *Я тогда их ешо угощаю / варю / поваром* (пропущено: у них бываю). *Русский он тоже хорошо* (пропущено: знал). *Я в первом этаже* (пропущено: живу) / *в третьем этаже подруга / Нюра живёт* //

Проведя анализ морфологических и синтаксических особенностей речи И.Н., можно сделать вывод о том, что в целом речь соответствует грамматической норме русского языка. Многие допущенные Ириной «ошибочные» употребления присущи спонтанной разговорной речи и встречаются у исконных носителей русского языка. Отступления от грамматической нормы русского языка объясняются как влиянием диалектной нормы, которую Ирина усвоила от русскоязычных членов своей семьи, так и интерференцией под влиянием китайского языка. Отмеченные в речи Ирины диалектные явления (например, форма *оне*; употребление местоимения *кого* вместо *что*; *служил до Амуру*) встречаются на территории Восточного Забайкалья РФ [Игнатович, 2009, с.184].

Лексические особенности

1. Используются слова в устаревших, с точки зрения носителя современного русского языка, значениях. Например: *Я всё искала её / много лет переписывались // Только вот это культурная революция у нас порвалось // «Порвалось»* здесь означает «прекратилось». Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова фиксирует у слова «порваться» переносное значение «прекратиться, окончиться» [Толковый словарь русского языка, 1935, с.493].

2. Особенностью лексикона Ирины является использование устойчивых сочетаний слов: так, Ирина использует словосочетание *коренной отец* для обозначения отца по крови, а отчима, воспитавшего ее, она называет *родной отец*.

3. Наблюдаются случаи лексической интерференции под влиянием лексической системы китайского языка. Укажем на них: а) говоря о доме, Ирина использует слово «комната». Это происходит, потому что в китайском языке слово 屋子 имеет два значения «комната» и «дом»; б) в высказывании *Я в первом этаже // в третьем этаже подруга / Нюра живёт // слово этаж* называет многоэтажный дом: говоря «в первом этаже» Ирина имеет в виду первый дом. В китайском языке слово 楼 означает этаж, а также дом, здание, поэтому русское слово «этаж» начинает использоваться в значении «дом, здание». Такое употребление характерно не только для И.Н., но и для других русскоговорящих жителей Трехречья; в) известно, что в России система школьного образования включает «начальную школу», «основную школу» и «старшие классы», а в Китае, помимо общих наименований периодов обучения (начальная школа, средняя школа, старшая школа), имеются и дополнительные периоды: например, средняя школа первой ступени (кит. 初级中学 chūjí zhōngxué). Ирина не знает, как это выразить по-русски, поэтому называет этот период «первая средняя школа»; г) в высказывании *Моей невестки старшей малая дочь* слово *мáлая* значит «младшая». Такое употребление обусловлено тем,

что в китайском языке слово 小 имеет два значения «маленький» и «младший».

4. В употреблении терминологического сочетания слов *машинка множественная* (вместо: копировальный аппарат) также наблюдается интерференция под влиянием китайского языка, словосочетание 复印机 имеет в составе иероглиф 复, переводимый как «множественный» (например, множественное число по-китайски 复数), другая часть этого слова – иероглиф 机 переводится как «машина».

5. В лексиконе Ирины отмечаются диалектные слова²⁹: *тарочки, наливнушки, годов* (вместо: лет), *церква, нонче*.

6. Зафиксировано использование разговорной лексики: *знаться, увидать, выволочь*.

7. Используется просторечная лексика: *накласть, манатки*.

8. Некоторые слова употребляются в значениях, которые не свойственны современному русскому языку. Так, слово «*кидались*» употребляется в значении «переходили, убегали», слово «*вычистила*» в значении «сделала аборт», слово «*вышла*» – в значении «уехала», «*налапать*» употребляется в значении «написать».

Анализ лексикона Ирины показал, что в ее речи частотны диалектные и устаревшие слова: она усвоила эту лексику от русскоговорящих старших членов своей семьи и русскоязычного окружения, представленного носителями русского диалекта. Большое количество разговорных слов демонстрирует частое использование русского языка в бытовом общении. Наряду с этим отмечается обширный словарный состав, хорошее знание некоторых реалий

²⁹ Отнесенность слов к диалектным, разговорным и просторечным дана на основе данных Толкового словаря русского языка [Толковый словарь русского языка, 1935].

современной жизни вследствие контактов с детьми и внуками, проживающими в России, поездок в Россию. В беседах с нами Ирина не использовала китайский язык, говорила только по-русски, что позволяет сделать вывод о том, что ее словарный состав достаточен для свободной коммуникации.

Письменная русская речь

Ирина, как мы указывали, читает и пишет по-русски. Это естественно, поскольку она профессионально была связана с русским языком.

Большой исследовательский интерес для изучения русской речи вызывает тетрадь-песенник Ирины, которую она начала вести в 1958 г., несколько лет спустя после возвращения в Россию, и в которую записывала понравившиеся ей русские песни, стихи, частушки, а также кулинарные рецепты, адреса, чтобы «не забыть русский язык». Тексты тетради выступали объектом текстологического анализа в работе А.А. Забияко [Забияко, 2017]. Эти тексты представляют большой интерес и для лингвистического анализа, обозначая перспективу дальнейшего исследования. Все тексты записаны на слух, поэтому в них встречается большое количество орфографических ошибок. Напр., *судбе, брадяга, прегожая, песьня, чястушки, тово* (того), *малинька* (маленькая), *строшной, вахли, хорошо на горки жить, на степе, поднимаются, растоватся, на горе стоит берёз* и др. Однако эти ошибки ценны тем, что по ним можно реконструировать специфические черты русского произношения, свойственные Ирине как языковой личности и как представительнице русскоговорящего социума в китайском Трехречье со всеми присущими ему диалектными и другими особенностями.

Речевое портретирование Ирины Николаевны Громовой, представительницы третьего поколения русских переселенцев в китайское Трехречье, показало, что она сохранила высокий уровень владения русским языком.

На хорошую сохранность русского языка Ирины большое влияние оказали факторы экстралингвистического характера: семейный (росла в семье, где домашним языком был русский; с двух до 13 лет жила в российском

Забайкалье; имеет родственников, проживающих в России, для которых русский язык постепенно становится первым и основным; возможность посещать Россию), образовательный (изучала русский язык в высшем учебном заведении), профессиональный (была учителем русского языка и литературы), психологический (высокая мотивация к сохранению русского языка, стремление создавать и поддерживать русский круг общения), хотя в повседневной общественной коммуникации основным языком для нее выступает язык страны проживания – китайский.

Как показали наблюдения, китайский язык также оказал влияние на русский язык Ирины в виде интерференции на разных уровнях языковой системы: фонетическом, грамматическом, лексическом.

Кроме того, в речи Ирины проявляются диалектные черты, усвоенные ею от русскоговорящих родственников по материнской линии и окружавших ее потомков исконных носителей русской диалектной речи.

Многие несоответствия литературной норме в русской разговорной речи Ирины вызваны ситуацией неофициального живого общения, в котором они допустимы и, более того, в большинстве случаев являются нормой разговорной речи, которой Ирина в совершенстве владеет.

Билингвизм Ирины Г., представляющей подтип Б2, является **координативным, естественным и асимметричным**.

2.4.2.3 Подтип Б3 *Говорят по-русски и по-китайски (русский язык учили в семье и в учебных заведениях)*

Как мы уже указали, характерной чертой Анны Ф. и других представителей этого же подтипа является владение двумя идиомами: китайским и русским языками.

Первым языком у представителей этого подтипа является китайский: они изучали его в китайской школе, читают и пишут на китайском языке и

используют его в официальных и неофициальных коммуникативных ситуациях.

Русский язык для них – второй: представители данного подтипа знают русский язык, т. к. в их семьях на русском языке говорит старшее поколение. Более того, относящиеся к этому подтипу информанты владеют и литературной формой русского языка: они обучались русскому языку в учебных заведениях – на специальных факультетах в учебных заведениях Китая или в России.

К рассматриваемому подтипу из числа наших информантов, кроме Анны Михайловны Ф., 1974 г.р. (г. Лабудалинь), относятся Павел З., 1975 г. р. (г. Лабудалинь); Нина Никифоровна П., 1965 г.р. (с. Эньхэ); Лина Леонидовна Я., старшая дочь Лидии Д., 1973 г.р.(училась русскому языку в г. Хайлар, в школе); средняя дочь Ирины Г., 1964 г.р. (окончила Хайларский институт, факультет русского языка); младшая дочь Ирины Г. – Наталья, 1973 г.р. (училась русскому языку в г. Шанхае).

Особенностью их русской речи является наличие интерференции в ней под влиянием китайского языка, а диалектные черты практически отсутствуют, в отличие от русской речи представителей более старших поколений.

Многие из представителей рассматриваемого подтипа используют русский язык в профессиональной деятельности. Например, Нина Никифоровна активно сохраняет русскую культуру, является владелицей гостиницы в туристическом месте, принимает туристов из России и Китая. Интерьеры ее гостиницы украшены репродукциями картин русских художников, в общей кухне стоит самовар, присутствуют и другие атрибуты русской культуры, там же организовываются вечера русских песен. Кроме туристической и торговой сферы, представители этого подтипа заняты и в других сферах жизнедеятельности, например, в религиозной. Так, Павел З. служит в Православном храме. Анна Ф. – матушка, супруга Павла З., получившая православное церковное образование, помогает Павлу смотреть за церковью, активно участвует в церковноприходской жизни. Это положение и статус, безусловно, накладывают,

отпечаток на ее поведение, отношение к жизни и к русскому языку как проводнику православного мировоззрения.

Речевой портрет Анны Ф.

В область языковой компетенции Анны Ф. входят два языка: китайский и русский. Обоими языками владеет в устной и письменной формах. Основным является китайский, который она использует во всех сферах официального и неофициального общения, русский же язык используется ею ситуативно.

Анна Михайловна Ф. родилась в Китае в 1974 году. Встреча с Анной Михайловной произошла на территории православного храма в городе Лабудалинь. На вопрос, кем она работает, она ответила: *Я просто дежурный //*

Мать Анны Михайловны – Елизавета Васильевна Ф., 1940 г.р., родилась в деревне Попирай на территории Трехречья в Китае, метиска: ее мать – русская, отец – китаец. Елизавета Васильевна хорошо говорит по-русски (на диалекте), китайский язык тоже знает, но считает его вторым. Училась 5 лет в русской школе в Трехречье. Пишет и читает по-русски, по-китайски не пишет и не читает.

Отец Анны Михайловны также метис, рожден в смешанном русско-китайском браке.

Дедушка (по матери) – китаец, кроме китайского имени, у него было русское имя – Василий (Вася).

Бабушка (по матери) – Акулина Ф., русская, родилась в России.

Дедушка (по отцу) – рожден в смешанном русско-китайском браке, метис.

Бабушка (по отцу) – русская.

У Анны три брата и сестра. Братья Михаил и Андрей проживают в настоящее время в Улан-Удэ, Иван живет в Лабудалине, сестра Таисия – в Иркутске. Иван не говорит по-русски, но понимает русскую речь.

Муж Анны – Павел, оба его дедушки – китайцы, обе бабушки – русские. Мать Павла по паспорту была китайка, но так же, как и отец, была рождена в смешанном браке. Павел ожидает поставления в священники или, как говорит Анна Михайловна, *«он будет рукоположен»*.

У Анны Михайловны двое сыновей школьного возраста. Они не говорят по-русски, но, по словам Елизаветы Васильевны, матери Анны Михайловны, немного понимают русскую речь, хотя и отвечают только по-китайски.

Анна Михайловна училась в китайской средней школе, получила высшее образование в Харбине, 8 лет жила в России во время учебы в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в Сергиевом Посаде. У нее православное церковное образование.

Во время беседы Анна Михайловна рассказывала о традициях потомков русских переселенцев, об их бытовом укладе, об особенностях кухни. Например, о домашней еде она говорит так: *Ну / не знаю / как сказать // Мешанное такое // Ну / китайские блюда мало // Всё суп и кашу // Или хлеб // А потом уже всё каши ешо борщ //*

Анна Михайловна сообщила, что самый большой праздник в Трехречье – Пасха.: *(Когда) яички / как красили //*. А яйца, по словам Анны Михайловны, красили на Пасху таким образом: *Лук / знаете? Наверху крышку собирают // А ещё так // Свёклу так поварішь – красные//*.

Анна Михайловна в своих рассказах упоминала разные факты из истории края. Так, она сообщила, что: *Восемнадцать церковь было* (в Трехречье).

Как уже было отмечено выше, Анна Михайловна является представительницей третьего поколения переселенцев в Трехречье. Анна Михайловна в своей речи демонстрирует особенности, которые, с одной стороны, свойственны более старшему поколению переселенцев, с другой стороны, в ее русской речи присутствуют отличные от старшего поколения черты. Это связано с ее образованием, службой в церкви, изменившейся общественно-политической обстановкой, кругом общения.

Укажем на фонетические, грамматические и лексические особенности речи Анны Михайловны.

Фонетические особенности

Вокализм

1. В первом предударном слоге после твердого согласного и в абсолютном начале слова фонемы <о> и <а> реализуются звуком [а], т.е. наблюдается **аканье**. Например, *атправить, большой, инастранцам, захадить, паверхности, насматреть, малитвы, хатите*.

2. Отмечается еканье – тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке [э]: *девятый, нельзя, Санкт-Петербург, деревни, восемнадцать, село, перевели*.

3. Отмечается произношение гласного [о] после мягкого согласного в ударном положении на месте [э]. На вопрос «На каких языках говорили дома?» Анна Михайловна ответила – *на всѣх* (вместо: на всех).

Консонантизм

В области консонантизма наблюдаются следующие явления:

1. Произношение звука [с] на месте [т] или пропуск [т]: *прависельство, Иркутске*.

2. Произношение звука [с] на месте [ч]: *сясов* (часов).

3. Шепелявенье, то есть реализация фонемы <с'> звуком [ш'']: *[ш'']ечас*.

4. Произношение звука [л] на месте [р], и наоборот. Например, *в Хайраре, в Хайлале* (вместо: в Хайларе). Неразличение звуков [р] и [л] является следствием интерференции под влиянием фонетической системы китайского языка, в котором отсутствует [р].

5. Произношение твердого звука [тш] на месте [ч], которое можно объяснить интерференцией под влиянием китайского языка: аффриката [tʃ] в китайском языке всегда твердая: у[тш]ёба (учёба), ше[тш]ас (сейчас), Шу[тш]э (Щучье).

Акцентология

1. В области акцентологии наблюдается ударение, которое не соответствует нормативному: *поварíшь*

2. Отмечено тоническое произношение имен собственных, в частности, топонимических названий: Якеша (牙克石) – название города в Китае. Необходимо отметить, что другие жители Трехречья, представители третьего поколения, произносят название этого города с силовым ударением. При произнесении названия города Якеша Анна Михайловна произносит первый слог 牙 уá (я) и третий слог 石 shí (ши) вторым тоном. Вторым слог 克 kè (кэ) в слове Якеша произносится четвертым тоном. Данное явление также объясняется интерференцией под влиянием тонального китайского языка.

Произношение Анны Михайловны в целом можно охарактеризовать как в большей степени соответствующее нормам русского языка в сравнении с произношением тех представителей второго поколения и третьего поколений, в речи которых отмечается сильное диалектное влияние. У Анны достаточно редко встречаются языковые особенности, обусловленные влиянием диалектов. Например, зафиксировано единичное использование стяженных форм.

Морфологические особенности

1. Использование одной падежной формы вместо другой. Например, Им.п. используется вместо В.п.: *мой муж уехал на учёба* (вместо: на учебу); Им.п. используется вместо П.п.: *он сейчас в Санкт-Петербург* (вместо: в Санкт-Петербурге), *он тоже учился в Санкт-Петербург три года* (вместо: в Санкт-Петербурге), *на кассеты* (вместо: на кассетах), *правительство раньше был (в) Драгоценка* (вместо: правительство раньше было в Драгоценке), *на хозяйство надо работать* (вместо: на хозяйстве), на вопрос «В Харбине вы в школе учились?» Анна Михайловна отвечает: «*Институт*» (вместо: в институте); Им.п. используется вместо Р.п.: *у меня бабушка нет* (вместо: у меня бабушки нет), *из Аستراليا* (вместо: из Австралии); Им.п. используется вместо

Д.п.: *все* (вместо: всем) *на хозяйство надо работать*; Р.п. используется вместо П.п.: *(в) средней школы* (вместо: школе) в *Хайларе*.

2. Использование одной формы числа вместо другой: используется форма Мн. ч. имени существительного вместо формы Ед. ч. в сочетании с числительными: *три брата* (вместо: три брата); форма Мн. ч. глагола прошедшего времени вместо формы Ед. ч. и наоборот: *она всегда с бабушкой в церкви были* (вместо: была), *всякие были* (вместо: всякие были); на вопрос: «Вы там были или учились (в Троице Сергиевой Лавры)?» Анна Михайловна отвечает: «*Учились*» (вместо: училась), *разные село* (вместо: разные села).

3. Встречаются стяженные формы прилагательных: *ста́ро*.

4. Использование одних глагольных форм вместо других. Например, использование инфинитива вместо личных глагольных форм: *У меня сын в школе // Надо его отправить // Потом приезжать //* (вместо: потом я приеду); использование формы глагола повелительного наклонения вместо формы глагола изъявительного наклонения 1 лица: *Я не знаю / просто смолоду уже говори* (вместо: говорю) //; использование формы глагола мужского рода прошедшего времени вместо формы глагола среднего рода прошедшего времени: *Правительство раньше был (в) Драгоценка* (вместо: правительство раньше было в Драгоценке); употребление возвратной формы глагола вместо невозвратной: *Мама с деревни родила* (вместо: в деревне родилась) // *А папа – Якеши // я тут родила* (вместо: родилась) //.

5. Использование собирательных числительных вместо количественных. Например, *двое сына* (вместо: два сына).

6. В некоторых случаях можно отметить явление, когда китайская и русская грамматические модели накладываются друг на друга. Например, *У меня мужина сестра* (по-китайски 我丈夫的姐妹 wǒzhàngfūdejiěmèi). В этом словосочетании 我 значит «мой», 丈夫 – «муж», 的 – служебная частица для обозначения притяжательности, 姐妹 – «сестра». Ср.: синтетическая модель в

русском языке: «мотивирующая основа + суффикс притяжательности» (папина, дядина, сестрина); а также аналитическая модель русского языка – сестра моего мужа. Подобное явление встречается также в речи потомков переселенцев, проживающих на приграничных территориях [3, с. 186].

Ошибочный выбор грамматической формы свидетельствует о несформированных грамматических навыках вследствие редкого использования русского языка. Обращает на себя внимание частотность использования именительного падежа вместо косвенных падежей. Количество отступлений от грамматической нормы, по нашим наблюдениям, у Анны Михайловны намного выше, чем у других представителей 3 поколения переселенцев в Трехречье.

Синтаксические особенности

1. В некоторых случаях опускается предлог: *Правительство раньше был Драгоценка* (вместо: раньше было в Драгоценке); *А папа – Якеши* (вместо: в Якеши).

2. Предлог «с» используется вместо предлога «в»: *Так мама с деревни родила(сь)* (вместо: в деревне).

3. Отмечается отсутствие согласования форм существительного и местоимения: *наша секрет* (вместо: наш секрет).

4. Встречаются кальки синтаксических конструкций с китайского языка. Например, *раньше всё русские были, всё суп и кашу, всё каши ешо борщ, всё веруем*. В указанных примерах конструкция «всё + существительное (глагол)» соответствует конструкции в китайском языке «都 + существительное (глагол)», используемой для обобщения.

Большое количество грамматических ошибок может быть вызвано редким использованием русского языка. Возможно, одной из причин этого является то, что Анна Михайловна родилась в период Культурной революции (1966-1976 гг.). В это время использование русского языка было под запретом.

Лексические особенности

1. Зафиксированы лексические кальки. Например, на территории православной церкви в городе Лабудалинь она сообщила нам, что в здание церкви иностранцам входить нельзя, а можно только осмотреть церковь снаружи, и объяснила это таким образом: *Я не знаю // Просто как сказать // Поверхности (вместо: снаружи) посмотреть вот это вот // Всё //*. Это происходит потому, что в китайском языке слово 外面 имеет несколько значений, в том числе «поверхность» и «снаружи».

2. Использование разговорных произносительных вариантов русских слов, что вполне соответствует нормам русской разговорной речи: *тока* (только), *тада* (тогда), *здрасте* (здравствуйте), *чѐ* (что).

3. В речи встречаются слова, отсутствующие в русском литературном языке: *мешень* в значении «смесь; нечто разнородное». Анна Михайловна употребила это слово отвечая на вопрос: «Дома была русская или китайская еда?» Она имела в виду, что еда была смешанная и русская, и китайская.

4. В речи Анны Михайловны частотна церковная лексика: *рукоположен, церковь, иконы, молитвы* и др.

5. Отмечено использования слов в несвойственном для них значении: *проходит на нас* в значении «переходит, оказывает влияние».

Темп речи Анны Михайловны варьируется от быстрого до медленного в зависимости от темы разговора, владения лексикой той или иной тематики, возникающих затруднений при выборе грамматических форм.

Во время беседы Анна Михайловна принимала звонки по телефону, говорила по-китайски со звонившими, а также с нашей переводчицей, студенткой-китайкой, изучающей русский язык в университете. Таким образом, при любой возможности она переходит на китайский язык, на котором говорит быстро и свободно.

Итак, анализ речи Анны Михайловны Ф., 1974 г. р., проживающей в городе Лабудлинь и представляющей 3 поколение русских переселенцев в китайское Трехречье, показал, что в настоящее время на всех уровнях языковой

системы в ее речи наблюдаются следы межъязыковой интерференции, обусловленные типологическими различиями двух контактирующих языков – русского и китайского.

Особенностью русской речи Анны Михайловны является частотное использование церковной лексики вследствие того, что Анна Михайловна училась в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в России (г. Сергиев Посад), имеет православное религиозное образование и является верующим человеком.

Русская речь Анны Михайловны имеет некоторые отличия от русской речи представителей второго поколения переселенцев и от других представителей третьего поколения:

1. На фонетическом уровне практически отсутствуют диалектные черты. Речь Анны Михайловны в фонетическом плане ближе к литературной норме.

2. Словарный состав Анны Михайловны не содержит диалектной лексики.

3. На грамматическом уровне отмечается большее количество особенностей, чем у других жителей Трехречья: прослеживается тенденция к использованию именительного падежа вместо косвенных падежей, инфинитива вместо личных глагольных форм, что указывает на расшатывание русской грамматической нормы. Присущие многим трехреченцам диалектные морфологические особенности, например, стяжение гласных в формах глаголов и прилагательных, в речи Анны Михайловны встречаются редко.

Отмеченные особенности русской речи матушки Анны можно объяснить следующим.

Во-первых, отсутствие диалектных черт обусловлено большим влиянием русского литературного языка, на котором она получала образование в России и, следовательно, довольно длительное время находилась в среде носителей литературного языка, имела возможность слышать современную русскую литературную речь. По этой причине влияние домашних

(трехреченских) диалектных образцов русской речи на русскую речь Анны было минимизировано.

Во-вторых, интерференция, выражающаяся в тенденции к аналитизму при выборе грамматических форм в русской речи, представляет собой естественное влияние китайского языка, который в настоящее время является основным средством ее социальной коммуникации.

Билингвизм Анны Ф., представляющей подтип Б3, является **субординативным, естественным и асимметричным**.

2.4.2.4 Подтип Б4. *Говорят по-китайски, плохо говорят по-русски (на диалекте)*

Для представителей этого типа свойственно плохое владение русским языком: они понимают русский язык, но плохо говорят на нем. Их русский язык представлен диалектной формой. При этом они хорошо знают китайский язык, который является их основным языком, используемым во всех ситуациях официального и неофициального общения, свободно говорят на нем. К этому подтипу относится Зоя Б.

Беседа с нами, она с трудом находила нужные русские слова, при этом с Лидией Д., своей собеседницей, переходила на китайский язык, выступающий средством их повседневной коммуникации.

Билингвизм представителей подтипа Б4, является **субординативным, естественным и асимметричным**.

2.4.3 Тип В (четвертое поколение переселенцев)

К типу В относятся представители 4 поколения переселенцев. Это правнуки русских, переселившихся в Китай из России. Они являются метисами в третьем поколении. Это поколение детей Лидии Д., Ирины Г. и др. 1960-80-х г. р.

Тип В включает 3 подтипа: В1, В2, В3. В основе разделения на подтипы – разный уровень владения русским языком у представителей 4 поколения и различный состав их языковых компетенций. При описании речи представителей типа В использовался не только метод речевого портретирования, но и метод лингвистического моделирования, при котором на основе имеющихся данных реконструировался тип языковой личности по ее языковым компетенциям.

2.4.3.1 Подтип В1 *Говорят по-русски (на диалекте) и по-китайски*

К подтипу В1 относятся информанты четвертого поколения, которые владеют диалектной формой русского языка, по-русски не умеют читать и писать. В их речи отмечается интерференция на всех уровнях языковой системы под влиянием китайского языка. Среди информантов подтипа В1: Кирилл, 1960 г.р. (с. Эньхэ), Юрий М., 1963 г.р. (с. Эньхэ), Константин – племянник Марии Ивановны Б. (с. Эньхэ).

Характерной чертой представителей данного типа является сохранение способности говорить на русском языке, при этом русский язык употребляется ими редко и ситуативно, а китайский язык является доминирующим и используется во всех ситуациях официального и неофициального общения.

Билингвизм представителей подтипа В1 можно отнести к **субордина- тивному, естественному, асимметричному**, с доминантой китайского языка.

2.4.3.2 Подтип В2 *Пассивное владение русским языком (понимают, но не говорят), говорят по-китайски*

Для описания языковых компетенций представителей подтипа В2 применялся метод лингвистического моделирования на основе информации, полученной в результате опроса других информантов.

К подтипу В2 относятся потомки русских в 4 поколении, которые не говорят на русском языке, но понимают его. Степень понимания ими русского

языка оценивается их родителями, говорящими по-русски, как низкая. Родители информантов подтипа В2 при общении с детьми используют русский язык, но дети, понимая содержание их речи, вступают в коммуникацию с родителями на китайском языке. Отсюда можно сделать вывод, что информанты воспринимают на слух русскую речь, знают бытовую русскую лексику, которую родители часто используют в повседневной речи. Доминирующим языком для этого типа потомков русских переселенцев является китайский, который используется во всех сферах официального и неофициального общения. Китайский язык они изучали в школе, знакомы с его литературной формой, читают и пишут на китайском языке. Выполнить речевое портретирование представителей рассматриваемого подтипа и оценить их степень владения русским языком оказалось невозможным.

Среди информантов подтипа В2: Надежда (1980-х г. р., с. Эньхэ), сын Ирины Г. – Алексей Я. (1970-х г. р., г. Лабудалинь), младшая дочь Лидии Д. (1980 г.р.), и сын Лидии Д. (1975 г.р.), сын Николая Ш. (1970-х г. р., с. Эньхэ).

Подтип В2 – это самая многочисленная группа среди информантов 4 поколения. Причиной значительной количественной представленности данного подтипа послужили экстралингвистические и собственно лингвистические факторы. Детство представителей данного подтипа выпало на период Культурной революции 1966-1976 гг. В это время потомки русских переселенцев в Трехречье подвергались гонениям, они скрывали свое знание русского языка, т.к. их могли обвинить в сотрудничестве с СССР. Фактором, способствующим утрате русского языка, послужила и окружающая языковая среда, в которой усиливал свои позиции и становился демографически и коммуникативно доминирующим китайский язык.

Билингвизм представителей подтипа В2 является **субординативным, естественным, асимметричным.**

2.4.3.3 Подтип В3 *Говорят по-русски (в связи с переездом в Россию) и по-китайски*

К подтипу В3 мы отнесли потомков русских переселенцев в Трехречье в 4 поколении, которые переехали на постоянное проживание в Россию. Степень владения русским языком можно оценить, как высокую, т.к. они много лет живут в России и активно используют русский язык во всех официальных и неофициальных ситуациях общения. Владеют письменной и устной формой русского литературного языка, а также его разговорной разновидностью.

Среди информантов подтипа В3 можно назвать: Любовь Леонидовну Я., 1961 г.р. (дочь Ирины Г.), Любовь Ш. (дочь Николая Ш., 1970-х г. р., сына Николая Ш., 1970-х г. р.

Так, сын Николая Ш. и дочь Ирины Г. работают переводчиками с русского и китайского языков, из этого следует, что они хорошо владеют китайским и русским языками и используют их в профессиональной деятельности.

Билингвизм представителей подтипа В3 – **координативный естественный, асимметричный.**

2.4.4 Тип Г (пятое поколение переселенцев)

К типу Г относятся представители 5 поколения русских переселенцев. Тип Г включает 4 подтипа: Г1, Г2, Г3, Г4. В основе разделения на подтипы находится состав языковых компетенций потомков русских переселенцев в 3 поколении в Трехречье и их уровень владения русским языком. Для создания социолингвистических портретов представителей данного типа также использовался метод лингвистического моделирования.

2.4.4.1 Подтип Г1 *Говорят по-китайски и по-русски (русский язык учили в семье и в учебных заведениях)*

К подтипу Г1 относятся потомки русских в 5 поколении, которые могут говорить по-русски. Они изучали русский язык в школе или университете,

поэтому владеют литературной формой русского языка. Среди информантов подтипа Г1: Ася (внучка Ирины Г.), 1993 г.р., обучалась в Улан-Удэ в Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления, работает переводчиком; Алла (внучка Маруси Д.), 1992 г.р., изучала русский язык в Маньчжурском университете во Внутренней Монголии, работает в музее, представляет экспозицию об истории русского Трехречья; внучка Лидии Д., 2000 г. р., изучает русский язык в школе в г. Лабудалинь; Нина, внучка Зои Б., 1997 г.р., изучает русский язык в совместном российско-китайском университете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Пекинского политехнического института в Шэньчжэне; Петр, внук Зои Б., изучает русский язык в школе. Основным для них является китайский язык, всеми формами которого владеют и который активно используют представители подтипа Г1.

Характерной чертой представителей подтипа Г1 является владение двумя идиомами: китайским и русским языками. В их русской речи наблюдается интерференция под влиянием китайского языка, а диалектные черты отсутствуют. Многие представители рассматриваемого подтипа используют русский язык в своей профессиональной деятельности.

Билингвизм представителей подтипа Г1 **субординативный, естественный, асимметричный.**

2.4.4.2 Подтип Г2 *Говорят по-русски (в связи с переездом в Россию) и по-китайски*

К подтипу Г2 относятся информанты, которые активно используют русский язык по причине переезда в Россию. Тип Г2 представляют Борис (внук Ирины Г.) и Мария (внучка Ирины Г.) – дети средней дочери Лины, 2000 –х г. р.

Перед отъездом в Россию Борис учился три года в китайской школе, поэтому он должен владеть устной и письменной формой китайского языка на

соответствующем уровне. Отсутствует информация об образовании Марии, известно, что она младше Бориса, возможно, не училась в китайской школе, но до отъезда, проживая в Китае, не могла не овладеть устной формой китайского языка.

Билингвизм представителей подтипа Г2, полагаем, **координативный, естественный, асимметричный.**

2.4.4.3 Подтип Г3 *Говорят только по-китайски*

К подтипу Г3 относятся информанты, которые не говорят по-русски, не учили русский язык в школе, а китайский язык изучался или изучается ими в школе. Представители данного подтипа владеют литературной и разговорной формой китайского языка. Китайский язык используется ими во всех коммуникативных ситуациях. Перечислим информантов: Владимир (внук Лидии Д.), 2009 г.р., внучка Лидии Д., 2004 г.р., Светлана (внучка Ирины Г.), Клавдия (внучка Ирины Гр.), 4 внука Марии Ивановны Б. Речевое портретирование, касающееся владения русским языком, выполнить невозможно.

Представители подтипа Г2 не являются билингвами, билингвизм представителей подтипа Г2 охарактеризовать также невозможно.

2.4.4.4 Подтип Г4 *Пассивное владение русским языком (понимают, но не говорят), говорят по-китайски*

К подтипу Г4 относим потомков переселенцев, которые не говорят на русском языке, но, по информации своих родственников и родителей, немного понимают его, следовательно, владеют русским языком пассивно. Среди этих информантов Павел, 1995 г.р. (с. Эньхэ) – учил русский язык, но не использует его. Представители этого подтипа хорошо владеют китайским языком, который изучали в школе и который используется ими во всех ситуациях.

Билингвизм представителей подтипа Г2, полагаем, **субординативный, естественный, асимметричный.**

2.4.5 Тип Д (шестое поколение переселенцев) *Говорят только по-китайски*

К типу Д относятся представители 6 поколения переселенцев. Потомки русских переселенцев в Трехречье, относящиеся к типу Д, владеют письменной и устной формой литературного китайского языка, а также его разговорной формой, а русский язык не входит в область их языковой компетенции: они не изучают русский язык и по-русски не говорят. Тип Г включает, например, трою правнуков Марии Ивановны Б., 2000-х г. р., и многих других потомков русских переселенцев в 6 поколении. Речевое портретирование, касающееся их владения русским языком, выполнить невозможно.

Представители типа Д не являются билингвами, билингвизм представителей типа Д охарактеризовать также невозможно.

Шестое поколение потомков русских переселенцев в китайское Трехречье можно рассматривать как конечную точку русскоязычной истории рода. Это типичный финал билингвальной истории русско-китайских семей, predetermined как собственно лингвистическими причинами (типологическое различие языков), так и социолингвистическими причинами (статус языка на территории проживания, история русских и их потомков в Трехречье, естественный ход истории).

2.5. Языковые компетенции потомков русских переселенцев в китайское Трехречье и динамика их билингвизма

Проанализируем динамику языковых компетенций современных потомков русских переселенцев в китайское Трехречье, а также динамику их билингвизма. Сводные данные представлены в таблице 5.

Таблица 5 - Языковые компетенции потомков русских переселенцев в китайское Трехречье и динамика их билингвизма

Тип/подтип	Поколение/характеристики языковых компетенций	Тип билингвизма	Представители
Точка отсчета	Первое поколение русских переселенцев	Билингвизм отсутствует. Одноязычие (русский язык)	Этнические русские, переселившиеся в Трехречье в 10-20-е гг XX в.
Тип А	Второе поколение русских переселенцев		МЕТИСЫ в 1 поколении потомки русских и китайцев
Подтип А1	Говорят по-русски (на диалекте) и по-китайски	Координативный, естественный, асимметричный	Александр М., 1935 г.р.; Маруся П., 1928 г.р.
Подтип А2	Говорят по-русски (на диалекте) и плохо говорят по-китайски	Субординативный, естественный, асимметричный	Елизавета Ф., 1940 г. р.; Елизавета Васильевна Ф., 1940 г. р.
Тип Б	Третье поколение русских переселенцев		МЕТИСЫ во 2 поколении, потомки русских и китайцев
Подтип Б1	Говорят по-русски (на диалекте) и по-китайски	Координативный, естественный, асимметричный	Лидия Д., 1951 г. р.; Мария Ивановна Б., 1938 г.р.; Анна Ивановна Б., 1948 г.р.; Николай Ш., 1935 г.р.
Подтип Б2	<i>(неординарный)</i> Говорят по-русски и по-китайски, владеют литературной формой русского языка	Координативный, естественный, асимметричный	Ирина Г., 1942 г. р.; Василий З., 1944 г.р.; Варвара У., 1945 г.р.
Подтип Б3	Говорят по-китайски и по-русски (русский язык учили в семье и в учебных заведениях)	Субординативный, естественный асимметричный	Анна Ф., 1974 г. р.; Павел З., 1975 г.; Лина Леонидовна Я., 1973 г.р.
Подтип Б4	Говорят по-китайски, плохо говорят по-русски	Субординативный, естественный, асимметричный	Зоя Б., 1945 г. р.;
Тип В	Четвертое поколение русских переселенцев		МЕТИСЫ в 3 поколении, потомки русских и китайцев
Подтип В1	Говорят по-русски (на диалекте) и по-китайски	Субординативный, естественный, асимметричный	Кирилл, 1960 г.р.; Юрий М., 1963 г.р. и некот. др.
Подтип В2	Пассивное владение русским языком (понимают, но не говорят), говорят по-китайски	Субординативный, естественный, асимметричный	младшая дочь Лидии Д. (1980 г.р.); сын Лидии Д. (1975 г.р.) и некот. др.

Подтип В3	Говорят по-русски (в связи с переездом в Россию) и по-китайски	Координативный, естественный, асимметричный	старшая дочь Ирины Любовь Я., 1961 г.р.; дочь Николая Ш. Любовь, 1970-х г. р. и сын (имя неизвестно) 1970-х г. р. и некот. др.
-----------	--	---	---

Продолжение таблицы 5

Тип Г	Пятое поколение русских переселенцев		МЕТИСЫ в 4 поколении, потомки русских и китайцев
Подтип Г1	Говорят по-китайски и по-русски (русский язык учили в семье и в учебных заведениях)	Субординативный, естественный, асимметричный	Ася, внучка Ирины Г., 1993 г.р.; Алла, внучка Маруси Д., 1992 г.р.; внучка Лидии Д., 2000 г. р.; Нина, внучка Зои Б., 1997 г.р., и некот. др.
Подтип Г2	Говорят по-русски (в связи с переездом в Россию) и по-китайски	Координативный, естественный, асимметричный	Борис и Мария, внуки Ирины Г., дети средней дочери Лины, 2000-х г.р.
Подтип Г3	Говорят только по-китайски	Билингвизм отсутствует. Одноязычие (китайский язык)	Владимир, внук Лидии Д., 2009 г.р.; внучка Лидии Д., 2004 г.р.; Светлана и Клавдия, внучки Ирины Г., 2000-х г. р. и др.
Подтип Г4	Пассивное владение русским языком (понимают, но не говорят), говорят по-китайски	Субординативный, естественный, асимметричный	Павел, 1995 г.р. (с. Эньхэ)
Тип Д	Шестое поколение русских переселенцев.		МЕТИСЫ в 5 поколении, потомки русских и китайцев
Конечная точка	Говорят только по-китайски	Билингвизм отсутствует. Одноязычие (китайский язык)	Правнуки Марии Ивановны Б., 2000-х г.р. (она 1938 г. р., 3 поколение переселенцев) и многие другие

Под языковой компетенцией, как было указано ранее, понимается владение языком или его идиомом (идиомами).

Анализ языковых компетенций современных потомков русских переселенцев в китайское Трехречье показал, что:

способность **говорить по-русски (на диалекте) и по-китайски** сохраняется у представителей 2 (подтип А1); 3 (подтип Б1) и 4 (подтип В1) поколений;

способность **говорить по-русски (на диалекте) и плохо по-китайски** – только у представителей 2 поколения (подтип А2);

способность **говорить по-русски и по-китайски, владея при этом литературной формой русского языка**, и в то же время владеть обоими языками в равной мере – обнаружилась только у представителей 3 поколения переселенцев (подтип Б2, который мы определяем как *неординарный*);

способность **говорить по-китайски и по-русски (при этом русский язык усваивался в семье и изучался в учебных заведениях)**, но лучше говорить все же по-китайски, имеется у представителей 3 (подтип Б3) и 5 (подтип Г1) поколений;

способность **говорить по-китайски** и при этом сохранять способность **плохо, но все же говорить по-русски** отмечается у представителей 3 поколения потомков русских (подтип Б4);

пассивное владение русским языком (понимают, но не говорят), а говорят по-китайски зафиксировано у представителей 4 (подтип В2) и 5 (подтип Г4) поколений потомков русских;

способность **говорить по-русски (в связи с переездом в Россию) и по-китайски** наблюдается также у представителей 4 (подтип В3) и 5 (подтип Г2) поколений потомков русских;

способность **говорить только по-китайски** отмечена у представителей 5 (подтип Г3) и 6 (тип Д) поколений потомков русских.

Анализ динамики языковых компетенций представителей русскоязычной диаспоры в китайском Трехречье позволяет увидеть движение от одноязычия на русском языке через равновесное русско-китайское двуязычие к одноязычию на китайском языке.

Аналогичные выводы можно сделать, рассмотрев совокупность языковых компетенций потомков русских переселенцев в китайское Трехречье по параметрам билингвизма: координативный/субординативный, естественный/искусственный, симметричный/асимметричный. По этим параметрам были охарактеризованы все типы и подтипы языковых личностей, выявленных в ходе исследования.

Дифференциальным признаком билингвизма у представителей разных поколений потомков русских переселенцев в китайское Трехречье является признак «координативный/субординативный».

Изначально, в начале XX в., языковая ситуация в русских населенных пунктах китайского Трехречья характеризовалась **русским одноязычием**. Затем, в результате метисации, у потомков русских переселенцев, проживающих на этой территории, развивался и билингвизм.

Анализ билингвизма потомков русских переселенцев в китайское Трехречье показывает **динамику от координативного билингвизма**, характеризующегося владением двумя языками – русским и китайским на рассматриваемой территории – в равной мере и сопровождающегося переключением от одного языка к другому в зависимости от ситуации общения, **к субординативному**, при котором билингв владеет лишь одним родным языком (в нашем случае как родной начинает выступать китайский язык), подчиняющим в его сознании второй, неродной язык (для наших субординативных билингвов это уже русский язык).

К недифференциальным признакам билингвизма в китайском Трехречье относятся признаки «естественный/искусственный», «симметричный / асимметричный».

Русско-китайский билингвизм в китайском Трехречье для **всех** типов носителей русского языка является **естественным**, т. к. он был приобретен непосредственно в языковой среде. У младших поколений носителей изучение русского языка подкреплялось его освоением в процессе специального

обучения русскому языку в школах и университетах, но азы русской речи они получали в своей семье, главным образом от русскоговорящих бабушек.

Также билингвизм **всех** носителей русского языка в современном китайском Трехречье – потомков русских переселенцев – является **асимметричным**, поскольку в языковой ситуации этого региона в настоящее время отсутствует функциональное равноправие русского и китайского языков: доминирующим идиомом является китайский язык – государственный, официальный и титульный на данной территории. Русский же язык используется ситуативно в обиходно-бытовом общении его носителей или в коммуникации с приезжающими в Трехречье русскими.

В конечном итоге в большинстве случаев русско-китайский билингвизм постепенно исчерпывает себя в китайском Трехречье, которое в целом в настоящее время демонстрирует **китайское одноязычие**, кроме случаев, когда русский язык поддерживается для использования в профессиональной сфере.

2.6. Языковые особенности в русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье

Исследуя русскую речь потомков русских переселенцев в китайское Трехречье с помощью метода речевого портретирования, мы обнаружили в ней наличие отклонений от норм русского литературного языка. Это можно объяснить несколькими причинами:

1) основной идиом русского языка, функционирующий в Трехречье – русский диалект, который имеет свои языковые особенности, отличающие его от литературного стандарта;

2) влияние китайского языка, которое выразилось в интерференции, проявляющейся в русской речи потомков русских переселенцев на разных уровнях языковой системы.

2.6.1 Диалектное своеобразие русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье. Идентификация типа русского говора

Особенности русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье находятся в непосредственной связи с тем, что русский язык, на котором они говорили, а затем и русский язык их потомков представлен в диалектной форме.

Диалектное сообщество в Трехречье может быть охарактеризовано как территориально ограниченный социум, который был сформирован в условиях сельской жизни, культуры. По словам К.И. Демидовой, "диалектная личность – субъект диалектного сообщества, отражающий в своей речи особенности познавательного процесса окружающего пространства, специфику его концептуализации и вербализации в языке и речи [Демидова К.И., 2011, с.7]."

Как было указано ранее, русские переселялись на территорию китайского Трехречья в силу различных причин. Переселение началось в конце XIX в. Основная часть русского населения прибыла после революции 1917 г. Эта волна переселения состояла из казаков и крестьян, живших в приграничных поселениях. В ходе бесед информанты (а это были представители 3 поколения русских переселенцев в Трехречье) сообщили нам, что их родители, а также бабушки и дедушки проживали в Восточном Забайкалье, в сельской местности: п. Борзинское (Николай Ш.), в п. Приаргуньское (Тамара Е.), в селе Булдуруй (Мария Б.), селе Бура (Лидия Д.), в селе Олочи (Елизавета Ф.), в селе Александровский завод (Варвара У.). Соответственно, они являлись носителями русских народных говоров – диалектоносителями. Исследование диалектных особенностей русского языка трехреченцев ставит перед нами задачу выявления диалектных черт в их речи и определение типа их говоров.

Среди причин сохранения диалектных особенностей в речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье можно выделить следующие:

- изолированность и отдаленность их места проживания от крупных административных центров с русскоязычным населением, исключаящие или минимизирующие влияние других форм русского языка на их диалект;

- отсутствие образования, кроме начального, на русском языке, что ограждало диалектную форму речи носителей диалекта от нивелирующего воздействия литературного языка;

- традиционный крестьянский уклад жизни в Трехречье, занятия сельскохозяйственной деятельностью, охота, рыболовство, русские народные промыслы делали востребованным диалектный словарный состав и способствовали его поддержанию.

Рассмотрим диалектные особенности в русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречья на разных уровнях языковой системы: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Наши наблюдения над русскими говорами Трехречья сопровождаются комментариями диалектологов, изучивших русские говоры Забайкалья, в первую очередь Восточного Забайкалья, поскольку именно эти говоры были вывезены в Китай русскими переселенцами, функционировали там на протяжении более 100 лет и сохранились как диалектная система.

В качестве объекта анализа диалектных особенностей речи потомков русских переселенцев в Трехречье были выбраны записи речи представителей 2 и 3 поколений потомков русских трехреченцев Николая Ш., Лидии Д., Александра М., Ирины Г., Марии Б.

2.6.1.1 Фонетические особенности

Вокализм

1. Наблюдается **аканье** – неразличение гласных неверхнего подъема в безударных слогах при совпадении их в части позиций в звуке [а] [Касаткин, 1989, с.44].: *Р[а]ссíи, п[а]тóма, б[а]юсь, с[а]гласие, [а]нэ, [а]тправить,*

б[а]льшóй, ин[а]стрáнцам, зах[а]дítь, к[а]лéчки, п[а]вéрхности, п[а]см[а]трéть, х[а]тíте, в[а]сьмóм. Отмечается у всех информантов.

2. **Оканье** т.е. наблюдается различение фонем <о> и <а> в первом и втором предупредном слогах, наблюдается наряду с аканьем в речи всех информантов: *г[о]лубíца, выг[о]вáриват, п[о]дряжáют, [о]стался, [о]склéп, [о]тцá, к[о]гдá, м[о]нгóлка, п[о]-м[о]нгóльски, м[о]я, г[о]стíници, к[о]тóрый, ук[о]чивáли, [о]стáлся, м[о]нгóльски, к[о]гó.*

Таким образом, в Трехречье мы наблюдаем акающие говоры со следами оканья. Такой вариант вокализма имеет место и в русских говорах Восточного Забайкалья [Игнатович, 2015, с. 72].

3. **Иканье** – тип безударного вокализма, про котором все гласные фонемы, кроме <у> совпадают в 1-м предупредном слоге после мягких согласных в звуке [и] [Касаткин, 1989, с. 48]: *[и]понцы, п[и]рчатках, вс[и]гда, н[и]множко, [и]шо, кр[и]шона, д[и]рэвня, [и]понкой, м[и]ня.* Отмечается у всех информантов, кроме одного – Николая Ш.

4. **Еканье** – неразличение всех гласных фонем неверхнего подъема, совпадение их в звуке [е] [Касаткин, 1989, с. 47]: *пл[е]мянник, п[е]р[е]водчик, р[е]волюция, кр[е]стíл, д[е]вятый, н[е]льзя, Санкт-П[е]т[е]рбург, [е]шо, д[е]ревни, восемнадцать, с[е]ло, п[е]р[е]вели.* Отмечается в речи Николая Ш. и Лидии Д.

5. **Яканье** – тип безударного вокализма, при котором все гласные фонемы неверхнего подъема совпадают в 1-м предупредном слоге после мягких согласных всегда или в части позиций в звуке [а] [Касаткин, 1989, с. 48]: *ч[а]рёмуха, прис[я]живáйся, изран[я]тýй, ран[я.]тý.* Представлено нечастотно на месте сильной фонемы <е>.

Обобщая данные по безударному вокализму после мягких согласных, можно сказать, что мы наблюдали иканье со следами еканья. Такой тип безударного вокализма существует и в говорах Восточного Забайкалья [Игнатович, 2015, с. 74].

6. Употребление протетического [в] перед начальным [о]: [в^о]зеро, [в^о]сенью. Отмечается у Николая Ш. и Марии Б.

7. Употребление протетического [в] перед начальным [у]: [в^у]гль. Отмечается у Александра М.

Об употреблении протетического [в] в забайкальских говорах в начале слова перед гласными [о] и [у] писала Т. Ю. Игнатович [Игнатович, 2011, с. 132].

8. Употребление протетического [j] в начале слова перед [э]: [jэ]ти, [j]етот, [j]ето. Отмечается у Марии Б. Исследователи отмечают эту особенность как широко распространенную в забайкальских говорах [Игнатович, 2011, с. 123].

9. Отмечается произношение [е] на месте [а] после мягкой согласной как лексикализованное явление: о[n`e]ть.

10. Отмечено произношение корня *сел-* с [а] как лексикализованное явление: [с`а]л, [с`а]ли, при[с`а]живайся.

Отмеченные в п. 9 и 10 явления отмечаются и в восточнозабайкальских русских говорах [Игнатович, 2011, с. 69].

Консонантизм

1. Заднеязычная звонкая фонема <г> реализуется как взрывной [г]: [г]олубица, [г]рибы, о[г]ород, сабо[г]и, дол[г]о, я[г]ода, [г]азета, про[г]нали, бо[г]реватель, [г]уси, помо[г]али. В русских говорах Восточного Забайкалья фонема <г> характеризуется взрывным образованием [Игнатович, 2015, с. 75].

2. Г-фрикативный присутствует в слове бо[γ]атый. Произношение [γ] в русских говорах Забайкалья свойственно для небольшого круга слов, в том числе для слова *богатый* [Игнатович, 2015, с. 75].

3. Отмечено произношение [х] на месте [к]: до[х]тор, [х]то. Такое произношение часто встречается в русских говорах Забайкалья [Игнатович, 2011, с. 167].

4. Фонема <в> в сильной позиции реализуется губно-зубным звуком [в]: [в]ыселили, пере[в]одчик, [в]ремя.

5. Отмечено произношение твердого губного на конце: кро[ф] (кровь). Такое же произношение характерно и для диалектоносителей старшего поколения в Восточном Забайкалье [Игнатович, 2015, с. 80].

6. Отмечено употребление [х] на месте [ф]: ва[х]ли. На такое произношение в речи диалектоносителей преклонного возраста указывали исследователи по отношению к забайкальским говорам [Игнатович, 2011, с. 132].

7. Отмечен вставной [в] в слове замуж: пошла взамуж. Это явление повсеместно распространено в забайкальских говорах в речи диалектоносителей пожилого возраста [Игнатович, 2011, с. 182; Пляскина, 1988, с. 43-49].

8. Аффриката <ч> реализуется как [тш]: [тш]улки, у[тш]ился, у[тш]еба, до[тш]ка; редко как [ч`]:[ч`]ушки. Как отмечает исследователь забайкальских говоров Т. Ю. Игнатович, произношение твердой аффрикаты встречается в русских говорах Забайкалья и отмечается в речи носителей старшего возраста, наряду с произношением мягкого звука [Игнатович, 2011, с. 138].

9. Аффриката <ц> реализуется как [тс]: китае[тс]; [с]: китае[с]ы, кури[с]ы, спе[с]иальный; [ц]: [ц]ерква; [ц`]: револю[ц`]ия. Произношение [с] на месте [ц] в забайкальских говорах отмечается до сих пор в речи архаического слов диалектоносителей в определенных словах [Игнатович, 2011, с. 135].

10. Шипящий <ш> произносится как твердо: хоро[ш]и, китаю[ш]ка, [ш]ибко, у[ш]кан, так и мягко (реже): чу[ш`]ки. Мягкость шипящих согласных, доставшаяся от севернорусских говоров, сохраняется и в говорах Забайкалья [Игнатович, 2011, с. 144].

11. Шипящий <ж> произносится твердо: ничу[ж]ить, сте[ж]анка.

12. Произношение мягкого долгого шипящего <ш':> как твердого [ш:]: [ш:]ука, [ш:]упал, е[ш:]о, и у[ш:]о, про[ш:]аются, Благове[ш:]енске,

служба[ш:]им, кре[ш:]она. Как указывает Т. Ю. Игнатович, твердый [ш:] встречается повсеместно в русских говорах Восточного Забайкалья в речи всех возрастных групп [Игнатович, 2011, с. 157].

13. Произношение твердого долгого шипящего <ж:> как [ж:] дро[ж:]и и дро[ж:н]ы. Вариант твердого произношения внутри морфемы [ж:] остается распространенным в русских говорах Забайкалья [Игнатович, 2011, с. 165].

14. В речи всех информантов отмечается утрата интервокального [j] с последующей ассимиляцией и стяжением гласных в прилагательных, глаголах, а также местоимениях-прилагательных, порядковых числительных: *кака́, русска, всяки, играт, надоедат, желта́, гра́мотны, старá, Караванна, чиста, болиá, отработат, помогам, понимает, разговариват, ухаживат, думаешь, грамотны, котóры*. Т.Ю. Игнатович пишет о широком и повсеместном распространении этого явления в русских говорах Восточного Забайкалья [Игнатович, 2011, с. 175].

15. Отмечается пропуск начального губно-зубного согласного [в]: *(в)кусны, (в)ставать, (в)сю, (в)се*. В русских говорах Забайкалья такое явление наблюдается в речи диалектоносителей старшего поколения [Игнатович, 2015, с. 80].

16. Произношение некоторых согласных звуков ([п], [т],[к]) с придыханием. Например, *лук^x, старык^xи, к^xалзох, к^xто, суп^x*. Отмечается в речи Александра М., Лидии Д., Ирины Гр., Марии Б. Придыхательность у звуков [п], [т], [к], как указывает исследователь русских говоров Забайкалья Т. Ю. Игнатович, также может встречаться в русских говорах Забайкалья [Игнатович, 2011, с. 188, 192; Игнатович, 2013, с. 132]. Произношение напряженных придыхательных согласных встречается в речи отдельных диалектоносителей как остаточное явление и не являются регулярным.

17. Произношение сочетания *чн* как [шн]. При этом аффриката утрачивает смычку и превращается в целевой звук [Касаткин, 1989, с. 77]: *пограни[шн]ики, непривы[шн]ы, привы[шн]ы, кирти[шн]а*. Отмечается у

Николая Ш., Марии Б. На широкое распространение произношения [шн] в русских говорах Забайкалья (особенно в речи диалектоносителей среднего и пожилого возраста) указывала Т. Ю. Игнатович [Игнатович, 2011, с. 177] и Пляскина Е. И. [Пляскина, 1988, с. 45].

18. Неразличение звонких и глухих согласных: *пензия, сабоги, каз (как), тога (только), бапушка, покуляли*. Отмечается в речи Лидии Д., Марии Б. Л.Л. Касаткин это явление описывает так: «Во многих севернорусских говорах основным признаком является напряженность – ненапряженность согласных, а их глухость или звонкость – признаком сопутствующим» [Касаткин, 1989, с.71].

19. Зафиксировано дзеканье: *голубид'з'а, ретуд'зы, д'з'елевизор*. Это явление, при котором щелевая фаза может слегка продлеваться и происходит появление аффрикаты <д'з'> [Касаткин, 1989, с.66].

20. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных: *Мару[с`к`а], мале[н`к`а]*. Отмечается в речи Марии Б. Как пишет Л.Л. Касаткин, «большинству южнорусских говоров и части среднерусских и севернорусских свойственно смягчение заднеязычных согласных после мягких согласных» [Касаткин, 1989, с.75]. Однако исследователи отмечают, что в некоторых говорах Забайкалья данная диалектная черта была еще в 70-е гг. XX в. регулярной [Игнатович, 2011, с.170; Пляскина, 1988, с. 47].

21. Произношение *чт* в корне местоимений как [ч`о] и [чо]: *чѐ и чо*. Встречается повсеместно в русских говорах Восточного Забайкалья [Игнатович, 2011, с. 179].

22. Отмечена утрата взрывного в сочетании [ст] в конце слова: *есь (есть), шесь (шесть)*. То явление в говорах Восточного Забайкалья широко распространено [Игнатович, 2011, с. 178].

23. Наблюдается выпадение согласных, например, [б]: *баушка (бабушка)*. Такое же явление фиксируют и в говорах Забайкалья [Игнатович, 2011, с. 181].

24. Встречается замена согласных: *чижало* (тяжело), *паишпорт* (паспорт), *кажрый* (каждый).

25. Произношение твердого [p] в некоторых словах: *T[po]хречье*, *двер*, *разговарывали*.

Как мы видим, выявленные диалектные фонетические особенности в речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье демонстрируют черты, которые также встречаются в русских говорах Восточного Забайкалья и в большинстве своем свойственны говорам на севернорусской основе.

2.6.1.2 Морфологические особенности

Имя существительное

1. Творительный падеж существительных ж. р. представлен формой с окончанием –ом, –ем: *литовком* (вместо: литовкой), *переводчицем была* (вместо: переводчицей была), *бутылком* (вместо: бутылкой). Отмечается у Лидии Д., Николая Ш., Ирины Г. Такой вариант употребления зафиксирован в русских говорах [Игнатович, 2015, с.152].

2. Творительный падеж существительных мн. числа представлен формой с окончанием –ам: *ногам под машиной*. Архаичные формы Тв. п., совпадающие с Д.п., имеют севернорусское происхождение присутствуют в русских говорах Забайкалья, но постепенно утрачиваются [Игнатович, 2015, с. 87]. См. также: *съездит за вам*.

3. Творительный падеж некоторых прилагательных ср.р. и м.р. ед.ч. совпадает с формой предложного падежа: *в каком месте* (вместо: в каком месте), *в русском ресторане* (вместо: в русском ресторане.).

4. Родительный падеж существительного м. р. ед. ч. может иметь окончание –у: *с югу*, *с Китаю*. Исследователи отмечают, что в говорах Забайкалья у существительных м. р. сохраняется конкуренция вариантов флексий –а и –у. Окончание –у имеет более широкое распространение [Игнатович, 2015, с. 83].

5. Родительный падеж существительного во мн. числе представлен формой с окончанием –*ов*: с кирпичёв (вместо: из кирпичей).

6. Родительный падеж существительного ед. числа представлен формой с окончанием –*у*: с югу (с юга), служил до Амуру (вместо: служил до Амура или служил около Амура), из Китаю (вместо: из Китая);

7. Предложный падеж существительных м. р. ед. числа представлен формой с окончанием –*у*: в первом доме (вместо: в первом доме). Известно, что в говорах Забайкалья у существительных м. р. из вариантов флексий –*а* и –*у* более широкое распространение имеет окончание –*у* [Игнатович, 2015, с. 83].

8. Винительный падеж существительных ср. р. ед. числа представлен формой с окончанием –*у*: поставь на окошку (вместо: на окошко).

9. Наблюдается колебание в родовой отнесенности – например, использование флексии мужского рода прилагательных вместо флексии среднего рода: Ну, тоже село так маленький (вместо: село маленькое).

10. При образовании множественного числа используется флексия –*ы* (вместо флексии –*а*): утяты (уята), гусяты (гусята), цыпляты (цыплята), бараняты (ягнята), стёклы (стёкла), домы. Традиционно эта черта рассматривается как черта южнорусского наречия [Русская диалектология, 1964, с. 239].

11. Отмечено образование формы И. п. множественного числа на –*ја*: *волося*. Как отмечают исследователи, такая форма унаследована из материнских севернорусских говоров и до сих пор употребляется в русских говорах Забайкалья [Игнатович, 2015, с.82].

12. Отмечается употребление существительных среднего рода как существительных женского рода: *шубу приколотила на окошку* (вместо: на окошко), *на какой собрании* (вместо: на каком собрании), *баранья, скотска, свинья мясо* (вместо: баранье, скотское, свиное мясо). Эти подвижные элементы склонения присутствуют и в диалектах [Игнатович, 2013, с.150].

13. Отмечается употребление существительного женского рода как существительного мужского рода и наоборот: *чей фамилия, одна километра*.

Имя прилагательное

1. Отмечено произношение окончаний прилагательных на -ий/-ый как [ай]: *русск[ай], высок[ай], правольн[ай], весёл[ай]*. Встречается в речи Николая Ш., Александра М., Марии Б.

2. Наблюдается использование окончания –ья вместо окончания –ые.

Например, *молодыя* (вместо: молодые).

Местоимение

1. Наблюдается употребление местоимений 3 лица в косвенных падежах с предлогами с корневым [j]: *с ём* (вместо: с ним), *за имя́* (вместо: за ними), *с имя́* (вместо: в ними), *на ём* (вместо: на нём), *у ей* (вместо: у неё), *с имя* (вместо: с ними), *у его* (вместо: у него), *с ей* (вместо: с ней). Это явление также фиксируется и в Забайкальских говорах [Игнатович, 2015, с. 89].

2. Местоимение *этом* в форме предложного падежа имеет флексию -им: *в этом лесу* (вместо: в этом).

3. Личное местоимение *Я* в Р.п. имеет форму *мине*. В говорах Забайкалья такая форма встречается в речи диалектоносителей преклонного возраста [Игнатович, 2015, с. 89].

4. Местоимения *кто* и *никто* могут использоваться как неодушевленные в форме *каво* и *никаво*: *Каво это ты сказала? Каво отдам? Никаво не ест, никаво не умею, она никого не понимает*. Такая же диалектная особенность отмечена в русских говорах Восточного Забайкалья [Игнатович, 2015, с. 89-90].

5. Отмечено употребление личного местоимения 3 лица множественного числа в форме *оне*. Данный диалектный вариант является устойчивым в русских говорах Забайкалья [Игнатович, 2015, с. 89].

Числительное

Собирательные числительные употребляются в формах *обоя, двоя, троя*.

Глагол

1. Возвратный постфикс глаголов представлен вариантами –ся (*остался, согласилась, осталось, прятался, разъелась, родилась, случилось, получил, молюсь*), –сь (*боюсь, родилась, молюсь*), –си (*укоренились*). .

2. Отмечаются случаи неразличения 1 и 2 спряжений глаголов: *садут, ходят, плотют*. Это черта южнорусского наречия [Русская диалектология, 1964, с. 240].

3. Отмечены инфинитивы с суффиксом –чи: *пекчи*. Такая форма встречается в русских говорах Восточного Забайкалья у представителей старшего поколения [Игнатович, 2015, с. 91].

4. Встречаются личные формы единственного и множественного числа глаголов 2 спряж. с ударением на окончании: *вари`шь, напакости`ли*. Это свойственно для севернорусских говоров [Русская диалектология, 1964, с. 238].

5. Отмечены следующие формы глаголов в повелительном наклонении: *напой* (вместо: *напой*), *спечи* (вместо: *испеки*).

6. Наблюдается выравнивание основ в глагольных формах: *пекёшь, пекёт, пекчи, стрегёшь*. Подобное явление отмечают исследователи в речи жителей сел Забайкальского края [Вихрова, 2017, с. 186].

Частицы

Отмечено частотное использование постпозитивных частиц –ка при глаголах и других частях речи: *прибавлю-ка, иду-ка, осталася-ка, прибавлю-ка, помню-ка, могу-ка, молюся-ка*, а также: *потомка-ка, сразу-ка, нету-ка, тамакка, ето-ка; другой раз-то разговаривали, он-то так кулак*.

2.6.1.3 Синтаксические особенности

1. Частотно используется предлог С для выражения пространственных отношений (*с Рассею*) и выражения значения материала, из которого сделаны предметы, средства (*с пуху, с кирпичёв*). Известно, что в забайкальских говорах также частотно используется предлог С для выражения указанных отношений [Игнатович, 2013, с.276].

2. Предлог ПО используется потомками русских переселенцев в Трехречье для выражения объектно-целевых отношений: ездили *по ягоду* (вместо: ездили за ягодой). Данное явление встречается и в русских говорах (Касаткин, 1999, с.88).

3. Использование двойных и повторяющихся предлогов: *со с работы, иду по дороге по маленькой*.

Представленные на морфологическом и синтаксическом уровнях языковой системы особенности речи потомков русских переселенцев в Трехречье отмечаются также и в русских говорах Восточного Забайкалья.

2.6.1.4 Лексические особенности

Н.А. Лукьянова считает, что диалектное слово — это «такое слово, которое ограничено в своем употреблении определенной территорией [Лукьянова, 1983, с. 17]. В речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье присутствует много русских диалектных слов, не имеющих повсеместного распространения и характеризующих разговорный континуум именно этой территории.

Приведём примеры диалектных слов, которые встречаются в речи русскоговорящих жителей Трехречья, распределив их по тематическим группам(ТГ):

ТГ «Человек и его свойства, действия»: *бравый «красивый», оробеть, поученый, китаюшка, китаюха, метисты, смесь, мешень «метисы»,*

докторица, пичужить, хлебосейство, учителя, кулак, чаевать «пить чай», хлебосейство, перекочевать «переехать» лызнулась (подскользнулась) и др.

ТГ «Названия ягод и грибов»: моховка (дикая смородина), брусница, голубица, сопляк (гриб маслёнок) и др.

ТГ «Одежда и обувь»: курмушка, стежанка, кушак, катанки и др.

ТГ «Продукты питания»: шаньги, капустник, картомники, тарочки, наливнушки и др.

ТГ «Рыболовные снасти»: заезок, перемётя и др.

ТГ «Названия животного»: яман, яматка, куцан, котиться (о кошке), жеребиться, оягниться, сохатый, козуля (косуля), ушкан, барануха, бараняты, гусяты, цыпляты, утяты и др.

ТГ «Орудия труда»: литóвка (коса).

ТГ «Части тела»: вертуг, костка.

ТГ «Документы»: доверенье «доверенность».

ТГ «Названия общественных институтов»: церква.

ТГ «Признаки, качества, свойства»: малко (мало), мало-малко, нарощечно (нарочно), капашны (маленький) и др.

ТГ «Дом» гобчик (пристройка к русской печи) и др.

Имена собственные: Рассея, Паска, Рожжество и др.

И другие.

Многие из приведённых слов также встречаются в русских говорах Забайкалья [Игнатович, 2013, с.135–136].

В русской речи современных жителей Трехречья также используются и слова, характерные для просторечия. Просторечные слова не ограничены территориально в употреблении, но так как бывает сложно точно установить их отнесенность к диалекту или просторечию, определим их статус как диалектно-просторечные. Это такие слова, как: *маленько, шибко, отсюдова, помаленечке, сымали, накласть, манатки, прикачать, плотют, нонче, покамест* и некот. др.

Прецедентные тексты на русском языке

Особенностью речевого поведения потомков русских переселенцев в китайское Трехречье является не утерянная ими способность вкраплять в свою русскую речь прецедентные тексты на русском языке: пословицы, поговорки, частушки, что характеризует их уровень владения русским языком.

Приведем примеры прецедентных текстов, записанных нами от наших информантов-диалектоносителей, проживающих в Трехречье. Тексты представляют собой как традиционные произведения устного народного творчества, так и новые, отражающие реалии их жизни в Китае (*пампушки; за китайца ушла; с пару манты ела*):

1) *Раньше я был повар / Стряпал я пампушки / А теперь на фронте / заряжаю пушки //*

2) *Говорят / ведь водка горька / водка сладкая как мёд // Водка силы прибавляет / водка храбрости даёт //*

3) *Не влюбляйся в чёрны глаз – чёрны глаз опасна // Влюбляйся голубой – голубой прекрасный //*

4) *Битому коню только плетку покажи – не будет оглядываться //*

5) *В одной квашне разны мяконьки //*

6) *Милка / говорит / моя / чо-то похудела // За китайца ушла / с пару манты ела //*

7) *Деревенски мужичок / говорит / вырос на морозе // Летом ходит за сохой / а зимой в обозе //*

8) *Говорят / я некрасива/ но и не красавица// Но не все красивых любят / ктои кому понравится //*

9) *Рыба не рыба / мясо не мясо.*

В таблице 6 в обобщенном виде представлены диалектные особенности речи современных представителей потомков русских переселенцев, проживающих в Трехречье, в соотнесении с диалектными особенностями

сопредельной российской территории, откуда шло переселение русских в Трехречье с целью установления общего и различного.

При описании диалектных особенностей русских говоров Забайкалья мы опирались на работы диалектологов Забайкалья Т. Ю. Игнатович [2011; 2013; 2015], А.А. Ивыгиной [2013], К.В. Вихровой [2017].

Таблица 6 - Диалектные особенности речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье

Информанты	Николай	Лидия	Александр	Ирина	Мария	Говоры Вост. Забай- калья
Аканье	+ редко	+	+	+	+	+
Оканье	+ часто	+ редко	+ редко	-	+	+
Иканье	-	+	+	+	-	+
Еканье	+	+	-	-	-	+
Яканье	+	+	+	-	+	+
Употребление протетического [в] перед начальными [о] и [у]	+	-	+	-	+	+
Произношение звонкого взрывного заднеязычного звука [г]	+	+	+	+	+	+
Произношение аффрикаты <ч> как [тш]	+	+	+	+ редко	+	+
Произношение аффрикаты <ц> как [тс]/[с] / [ц]/[ц']	[тс]/[с]	[ц]/[ц'] / [тс]	[с]	[ц]	[ц]	+
Произношение чн как [шн]	+	+	+	-	+	+
Произношение долгой шипящей [ш':] как твердой [ш:]	+	+	+	+	+	+
Утрата интервокального [j] с последующей ассимиляцией и стяжением гласных в глаголах, прилагательных, местоимениях, порядковых числительных	+	+	+	-	+	+
морфология						
Использование диалектных падежных форм	+	+	+	+	+	+
Образование существительных мн.ч. с окончанием на -ы	-	+	-	+	-	
Произношение окончаний прилагательных на -ий/-ый как [ай]: <i>русск[ай], высок[ай], правольн[ай], весёл[ай]</i> .	+	-	+	-	+	
Употребление личных местоимений 3 лица с корневым [j] после предлогов		+		+	+	+

Употребление постпозитивной частицей –ка	+	+	-	+	+	
Синтаксис						
использование предлога с вместо предлога из	+	+	+	+	+	+
Лексика						
Диалектные слова	+	+	+	+	+	+
Диалектно-просторечные слова	+	+	+	+	+	+

Сопоставительный анализ речи информантов – потомков русских переселенцев в китайское Трехречье – позволил выявить общие диалектные особенности в их русской речи. Кроме того, мы сравнили выявленные диалектные особенности трехреченцев и с особенностями диалектной речи в Восточном Забайкалье.

Анализ диалектных особенностей русской речи наших информантов позволил сделать следующие выводы об их говоре.

В русских говорах Трехречья в области безударного вокализма наблюдается **аканье со следами оканья и иканье со следами еканья**. Имеется и **яканье** в рассматриваемых говорах.

Для наших информантов характерно произношение **г-взрывного** и **в-губно-зубного**.

У Николая, Александра, Лидии, Марии в речи присутствуют **стяженные формы** прилагательных, местоимений-прилагательных и числительных. Частотны такие формы слов как: *больша, русска, красива* и т.д. Это является яркой особенностью жителей Трехречья. Ирина (а также Анна), не используя стяженные формы глаголов, прилагательных, местоимений, названия сел произносят так: Караванна, Ярнична.

В словарном запасе информантов содержатся **диалектные слова**, которые они активно используют в своей речи.

Необходимо указать на наличие диалектных особенностей **на всех** уровнях языковой системы. Выявленные диалектные особенности схожи (за редкими исключениями) с диалектными особенностями русских говоров территориально соположенного с китайским Трехречьем Восточного Забайкалья.

Освоение китайского Трехречья и заселение его русскими шло из поселений российского Восточного Забайкалья. По этой причине русские говоры Трехречья являются генетически связанными с русскими говорами Восточного Забайкалья, которые, в свою очередь, генетически связаны с севернорусскими говорами: именно «севернорусские говоры стали материнской основой для большинства говоров Забайкальского края» [Игнатович, 2015, с.280]. Диалектные особенности русских говоров китайского Трехречья позволяют отнести их к **говорам переходного типа на севернорусской основе.**

Таким образом, посредством сопоставительного анализа диалектных особенностей речи потомков русских переселенцев в современном Трехречье и особенностей русских говоров Восточного Забайкалья удалось выявить генетическую основу русских говоров в Трехречье – севернорусскую.

Диалектная речь некоторых информантов (Александр, Лидия, Николай, Мария, Елизавета) представляет собой уникальную форму «чистого, неразцованного» диалекта. На их русский диалектный язык не оказывала влияние литературная форма русского языка, т.к. они не учили русский язык в русской школе; они владеют только устной формой русского языка, усвоенной «на слух» от русской матери или бабушки. Отсутствие внешних факторов влияния на их диалектный русский язык со стороны других его форм обусловило консервацию диалектной формы русского языка в Трехречье. Сохранившийся в зарубежье диалектный идиом русского языка можно рассматривать как вариант существования русского языка в зарубежье – трехреченский вариант русского языка в зарубежье.

Говоря об устойчивости русской диалектной системы в китайском Трехречье, необходимо отметить, что большее количество диалектных особенностей сохраняется в речи 2 и 3 поколений потомков русских переселенцев. В последующих поколениях происходит их утрата.

2.6.2 Явление интерференции под влиянием китайского языка в русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье

Описание активных зон взаимодействия типологически разных китайского и русского языков, детерминирование участков интерференции в русской речи билингвов представляет большой научный интерес и дает возможность обнаружить «слабые участки» системы русского языка в ситуации русско-китайского билингвизма.

Первые работы, посвященные изучению проблемы интерференции, появились во второй половине XIX в., тогда же были изучены те явления, которые возникают в результате контактов с другими языками. В то время они обозначались термином «смешение языков». Л.В. Щерба ввел термин «взаимное влияние языков» [Щерба, 1947, с. 62]. В дальнейшем получил распространение термин «интерференция», который был заимствован из психологии.

Исследователь языковых контактов У. Вайнрайх называет явлениями интерференции «случаи отклонения от норм любого из языков, происходящие в речи двуязычных людей в результате того, что они могут использовать больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта» [Вайнрайх, 1979, с. 22]. Он также выделяет типы билингвизма: составной билингвизм, координативный и субординативный [Вайнрайх, 1979, с.36].

Вслед за В.Ю. Розенцвейгом мы будем определять интерференцию как «нарушение билингвом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [Розенцвейг, 1972, с. 4].

Проблема интерференции в условиях билингвизма – одна из центральных проблем различных направлений лингвистики: психолингвистики, социолингвистики, методики преподавания языков, лингводидактики, миграционной лингвистики, лингвистической конактологии и некот. др.

Многие ученые исследовали межъязыковую интерференцию. Среди них В.А. Аврорин, Л. Блумфильд, У. Вайнрайх, Е.М. Верещагин, Ю.Д. Дешериев

Ю.А. Жлуктенко, А.Е. Карлинский, В.Ю. Розенцвейг, Л.В. Щерба и др. Свидетельством большого научного интереса к этой проблеме является множество статей, монографий и диссертационных исследований, посвященных исследованию названного языкового явления [Абрамова, 2007; Николаев, 2017; Чжао Чжэ, 2017; Ильина, 2018; Черепко, 2018] .

Рассмотрим случаи межъязыковой интерференции, возникшие в результате влияния на русскую языковую систему китайского языка, в окружении которого функционировал русский язык в китайском Трехречье.

Материалом для анализа выступили записи русской речи проживающих в настоящее время Трехречье потомков русских переселенцев во 2 и 3 поколениях Лидии Д., Николая Ш., Александра М., Марии Б., Анны Ф., Ирины Г. Все они рождены в смешанных русско-китайских браках, являются билингвами, в их языковую компетенцию входит два языка: китайский и русский.

Принято различать фонетическую, морфологическую, синтаксическую и лексическую интерференцию.

2.6.2.1 Фонетическая интерференция

На фонетическом уровне отмечаются следующие случаи интерференции:

1. Тоническое произношение имен собственных, в частности, имен и топонимических названий отмечается в речи Лидии Д. и Анны Ф. Лидия произносит названия сел Эньхэ 恩和(ēnhé), Саньхэ 三河(sānhé) используя тоническое ударение, а Анна таким же образом произносит название городского уезда Якэши 牙克石(yákèshí). Николай Ш. при чтении визитной карточки начало отчества (которое было записано иероглифами) произнес по-китайски, а закончил по-русски. Он произнес как 亚历(yàlì) [Яли]сандровна.

2. Произношение [л'] как твердого [л]. Например, *поболше, началник, в Забайкалэ.*

3. Произношение звука [л] на месте [р] и наоборот. Например, *все готовила // где лыбу* (вместо: рыбу), *в Хайраре* (вместо: в Хайларе), *в Хайлале* (вместо: в Хайларе), *культульна* (вместо: культурная), *куртурну* (вместо: культурную).

4. Озвончение глухих согласных. Например, *позмотреть* (вместо: посмотреть), *кубишь* (вместо: купишь), *пензия* (вместо: пенсия), *сабоги* (вместо: сапоги), *каг* (вместо: как).

5. Оглушение звонких согласных. Например, *[т]очка* (вместо: дочка), *бапушка* (вместо: бабушка), *покуляли* (вместо: погуляли).

6. Произношение звука [к] с придыханием, как это происходит в китайском языке при произношении звука [к]. Например, *лук^х*, *старык^х*, *к^халзох*, *к^хто*.

7. Произношение звука [п] с придыханием. Например, *суп^х*.

8. Произношение аффрикаты [ц] с придыханием. Например, *соиц^хе*, *япониц^хы*, *пшениц^ха*, *револютс^хии*, *китаецс^х*.

9. Произношение аффрикаты <ч> как твердого как твердого [тш]. Например, *сэ[тш]ас* (вместо: сейчас), *у[тш]ился* (вместо: учился), *до[тш]ка* (вместо: дочка), *до[тш]* (вместо: дочь), *у[тш]оны* (вместо: учёный), *на[тш]нёт* (вместо: начнёт), *Шу[тш]э* (вместо: Щучье), *у[тш]ился* (вместо: учился), *нын[тш]е* (вместо: нынче), *дево[тш]ка* (вместо: девочка), *уло[тш]ка* (вместо: улочка), *перево[тш]ик* (вместо: переводчик), *перэвод[тш]эца* (вместо: переводчица), *вну[тш]ка* (вместо: внучка), *ленто[тш]ки* (вместо: ленточки), *плато[тш]ки* (вместо: платочки), *рань[тш]э* (вместо: раньше), *пе[тш]ки* (вместо: печки), *лу[тш]э* (вместо: лучше), *[тш]улки* (вместо: чулки), *но[тш]у* (вместо: ночью). Такое произношение совпадает и с диалектным, т.к. в русских говорах, а именно русских говорах восточного Забайкалья, генетически связанных с русскими говорами Трехречья, широко распространен такой вариант реализации аффрикаты <ч>. Но в то же время на этом участке фонетической системы русского говора, функционирующего в Китае,

мы не можем исключить поддержки данного явления системой китайского языка, для которого свойственно такое произношение рассматриваемого звука, тем более что наши информанты владеют китайским языком в разной степени.

10. Произношение [ш] как [с']. Например, *вне[с]ностью*.

Фонетическая интерференция предполагает «взаимовлияние фонетических систем двух языков, при котором одна из систем по ряду признаков уподобляется другой, доминирующей, отступая от своих собственных норм» [Оглезнева, 2009, с. 245].

Мы предполагаем, что все отклонения от произносительной нормы, представленные выше, являются примерами фонетической интерференции. Это можно объяснить следующими фактами фонетики китайского языка:

1. Слоги в китайском языке отличаются не только своим звуковым составом (согласными и гласными), но и тоном [Задоевко, 1963., с. 191]. По этой причине информанты произносят некоторые слова, обычно собственные наименования с тоническим ударением.

2. В китайском языке нет противопоставления по глухости-звонкости [Спешнев, 1980, с.30]. По этой причине не происходит противопоставления согласных по этим признакам и происходят озвончение глухих и оглушение звонких согласных, представленные в пунктах 4 и 5, как следствие неразличения звонких и глухих согласных и восприятия этого противопоставления как неактуального.

3. Произношение согласных с придыханием (пункты 6, 7, 8) может быть объяснено наличием придыхания в китайском языке при произношении согласных [p], [t], [k], которые противопоставлены по признаку «придыхательный/непридыхательный» согласным [b], [d], [g] [Спешнев, 1980, с.30], и, как следствие этого, возможное произношение согласных звуков [д], [б], [г], [т], [п], [к] в русском языке потомков русских переселенцев с придыханием.

4. Русский [ч], как известно, всегда мягкий, а китайский соответствующий ему звук [ch] наоборот – всегда твердый (пункт 9) [Спешнев, 1980, с.48]. Вследствие того возможно твердое произношение аффрикаты <ч> в речи потомков русских переселенцев в Трехречье.

5. Мягкие согласные в китайском языке отсутствуют [Дэн Цзе, 2012, с.15], поэтому в речи некоторых потомков русских переселенцев можно услышать, например, твердый звук [л] на месте мягкого (пункты 2). Кроме того, имеется артикуляционная специфика: в китайском языке при произношении согласного [л] кончик языка прижат к десенной части альвеол, т. е. отодвинут несколько дальше, чем при русском, а также несколько ниже опущена спинка языка [Спешнев, 1980, с. 41], потому и в русском языке билингвы начинают артикулировать [л] по типу ближайшего в артикуляционном отношении китайского звука.

6. Описывая опыт работы с китайскими студентами, которые изучают русский язык, Р.С. Панова пишет, что частотны ошибки в произношении [ш']: «в русском языке разница между звуками [с'] и [ш'] заключается в том, что первый согласный является зубным, а последний – небно-зубным, поэтому китайцы легко заменяют его звуком [с'], что приводит к нарушениям» [Панова, 2009]. Подобное явление отмечается в русской речи некоторых представителей потомков переселенцев (см. пункт 12).

7. Звук [р], отсутствующий в китайском языке, заменяется на звук [л]. Описанное явление представлено в пункте 3. Это происходит по причине отсутствия [р] в китайском языке, вследствие чего происходит неразличение [р] и [л] [Панова, 2009, с. 85; Дэн Цзе, 2012, с.15].

8. Реализация аффрикаты <ц> как свистящего [с] приближается к звуку [tsʰ] китайской фонетической системы, в пиньинь обозначаемому 'с', в котором [т] ослаблен и даже отсутствует, [с] является более свистящим, как в примере из пункта 11.

Многие из представленных случаев интерференции встречаются в речи потомков русских переселенцев в Харбин [Оглезнева, 2009, с. 239-242] и в приграничные села Китая [Гордеева, 2014, с. 183].

2.6.2.2 Морфологическая интерференция

На уровне морфологии наиболее типичные нарушения нормы в речи наших информантов наблюдаются в следующих случаях:

1. Одним из наиболее частотных примеров интерференции является использование одной падежной формы вместо другой.

Например, отмечается использование

Им.п. вместо Р.п.: *татары много* (вместо: *татар много*), *мало было колечки, браслеты* (вместо: *колечек, браслетов*), *у меня бабушка нет* (вместо: *у меня бабушки нет*), *из Астралюрия* (вместо: *из Австралии*), *два куля морковка* (вместо *два куля морковки*);

Им.п. вместо В.п.: *мой муж уехал на учёба* (вместо: *на учебу*), *мы поставили икона* (вместо: *мы поставили икону*);

Им.п. вместо Д.п.: *все* (вместо: *всем*);

Им.п. вместо П.п.: *русска школа не учились* (вместо *в русской школе не учились*), *он сейчас в Санкт-Петербург* (вместо: *в Санкт-Петербурге*), *он тоже учился в Санкт-Петербург три года* (вместо: *в Санкт-Петербурге*), *на кассеты* (вместо: *на кассетах*), *правительство раньше был (в) Драгоценка* (вместо: *правительство раньше было в Драгоценке*), *на хозяйство надо работать* (вместо: *на хозяйстве*);

Р.п. вместо В.п.: *когда я ездила в Иркутска* (вместо: *в Иркутск*);

Р.п. вместо П.п.: *(в) средней школы* (вместо: *школе*), *я была отличницей пятого класса* (вместо: *отличницей в пятом классе*);

В.п. вместо П.п.: *китайский язык он учил начальную школу* (вместо: *в начальной школе*), *я в русску печку хлеб стряпала* (вместо: *в русской печке*);

Тв.п. вместо Р.п.: *огурцом накупим*;

П.п. вместо В.п.: *наняли в ресторане* (вместо: наняли в ресторан).

2. Отмечается использование одних глагольных форм вместо других или использование глагольных форм, не соответствующих норме. Приведем примеры.

Форма глагола прошедшего времени среднего рода единственного числа используется вместо формы глагола множественного числа: *Русские школы было* (вместо: *русские школы были*).

Зафиксировано использование инфинитива вместо надлежащих глагольных форм: *У меня сын в школе // Надо его отправить // Потом приезжать //* (вместо: *потом я приеду*).

Использование формы глагола повелительного наклонения вместо формы глагола 1 лица: *Я не знаю / просто смолоду уже говори* (вместо: *говорю*).

Использование формы глагола мужского рода прошедшего времени вместо формы глагола среднего рода прошедшего времени: *Правительство раньше был (в) Драгоценка* (вместо: *правительство раньше было в Драгоценке*).

Употребление возвратной формы глагола вместо невозвратной: *Мама с деревни родила* (вместо: *родилась*); *А папа – Якеши // я тут родила* (вместо: *родилась*).

3. Наблюдается использование одной родовой флексии вместо другой. Приведем примеры.

Использование флексии мужского рода существительных вместо флексии женского рода: так, Анна Ф. говорит, что она *дежурный* (вместо: *дежурная*);

Использование флексии женского рода местоимений вместо флексии мужского рода: *наша секрет* (вместо: *наш секрет*); использование флексии

единственного числа местоимения вместо флексии множественного числа: *мой братья* (вместо: мои братья).

4. Отмечено использование грамматических показателей китайского языка, в частности служебного слова *了* [le], которое употребляется в постпозиции и среди множества значений имеет значение завершенности действия, изменения состояния: *Тожэ их / стары нетула // Одни дети остались //*

5. В некоторых случаях можно отметить явление, когда китайская и русская грамматические модели накладываются друг на друга. *У меня мужина сестра* (по-китайски 我丈夫的姐妹 wǒzhàngfudejiěmèi), в этом словосочетании 我(wǒ) значит мой, 丈夫(zhàngfu)муж, 的(de) – служебная частица для обозначения притяжательности, 姐妹(jiěmèi) – сестра, синтетическая модель в русском языке: мотивирующая основа + суффикс притяжательности (ср. папина, дядина, сестрина); а также аналитическая модель русского языка – сестра моего мужа. Подобное явление встречается также в речи потомков переселенцев, проживающих на приграничных территориях [Гордеева, 2014, с. 186].

Интерференция при выражении грамматических значений обусловлена множеством причин. В грамматике китайского языка, который является изолирующим по типу, отсутствует словоизменение, поэтому в русской речи информантов возникают нарушения при использовании падежных форм существительных и прилагательных, ошибки в употреблении глагольных форм.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что многочисленные нарушения грамматических норм в русской речи потомков переселенцев в Трехречье обусловлены влиянием китайского языка.

Кроме того, как указывает в своей работе о языковых процессах в метрополии и эмиграции М.Я. Гловинская, грамматические ошибки могут быть идентифицированы как «ошибки на развивающихся участках языка» и как «ошибки на универсально слабых участках языка» [Гловинская, 2001, с. 476].

Отступления от нормы в употреблении глаголов встречаются и в речи потомков русских, переселявшихся в XX в. в Харбин [Оглезнева, 2009, с. 243] и в приграничные села Китая [Гордеева, 2014, с. 184].

2.6.2.3 Синтаксическая интерференция

Отмечаются следующие случаи интерференции на уровне синтаксиса:

1. Употребление предлогов нарушением норм русского языка. Например, *от юга* (вместо: с юга), *от Рассеи* (вместо: из Рассеи), *, так мама с деревни родила(сь)* (вместо: в деревне).

2. Пропуск предлога. В некоторых случаях опускается предлог «в» с пространственно-временным значением. Например: *А сейчас уехала Улан-Удэ; эти деревни татары много; дочерину квартиру она привезла* (вместо: в дочерину квартиру она привезла); *правительство раньше был Драгоценка* (вместо: раньше было в Драгоценке), *а папа – Якеши родился* (вместо: в Якеши); *Улан-Удэ у меня тоже племянница тоже живёт* (вместо: в Улан-Удэ).

3. При построении предложений можно отметить синтаксические конструкции, представляющие собой кальки с китайского языка. Приведем примеры:

Сто лет больше, две сутки больше, сорок лет боле, дак тридцать боле. В китайском языке для выражения русской конструкции «больше n лет, суток» используется обратный порядок слов: 一百年多, 两天多, где 多(duō), где наречие со значением «больше» ставится в конце;

Три года он уже поженился. Это предложение является дословным переводом предложения 他已经结婚了三年了, где после глагола в прошедшей форме используется словосочетание «три года». Однако по-русски правильнее будет сказать: *Он женился три года назад* или *Он женат уже три года;*

А вот сейчас в Трёхречьё-то русский язык меньше и меньше стало// (вместо: русского языка становится всё меньше и меньше); *Мне так жалко //*

Я же учительница // Так жалко терять русский язык // Тут всё меньше и меньше //. В китайском языке выделенным конструкциям (*меньше и меньше + стало*) соответствует конструкция 越来越(yuèláiyuè)+ *прилагательное* для выражения постепенного уменьшения или увеличения интенсивности какого-то признака;

Раньше всё русские были, всё суп и кашу, всё каши, ешо борщ, всё веруем. В указанных примерах конструкция *всё + существительное (глагол)* соответствует конструкции в китайском языке 都(dōu) + *существительное (глагол)*, данная конструкция используется для обобщения.

Всё можно. Газету можно (читать). В китайском языке используется модальный глагол 可以(kěyǐ), который переводится на русский язык разными способами. Например: *можно* (в значении «есть возможность, разрешается») или *мочь* (в значении «обладать способностью что-то сделать»). Александр М. в своей речи говорит, *всё можно*. Но грамматически правильнее будет: *Всё могу читать*.

Приведенные случаи интерференции демонстрируют нарушение синтаксических правил русского языка под влиянием синтаксиса китайского языка в речи информантов-билингвов. В частности, указанные в пунктах 1 и 2 пропуск предлогов или выбор предлогов, не соответствующих норме употребления в русском языке, обусловлен тем, что в китайском языке в подобных предложениях предлоги не используются. Например, *а сейчас уехала Улан-Удэ*, по-китайски будет звучать как 她去了乌兰乌德, где после глагола *уехать* 去 отсутствует предлог.

2.6.2.4 Лексическая интерференция

На лексическом уровне в русской речи потомков переселенцев из России в Трехречье отмечаются следующие особенности, обусловленные интерференцией под влиянием китайского языка:

1. Лексическая калька «*паскадзе*» или Паскајіе(节). В китайском языке 节(jié) является лексической единицей со значением «праздник». При помощи словообразовательного способа появилось новое слово в речи потомков переселенцев со значением праздника Пасхи – *паскадзе* (Паска 节).

2. Лексическая калька в словосочетании *сердцу неловко* (вместо: сердце болит). В Китае, когда говорят о болезни или о недомогании используют выражение 不舒服(bùshūfu), что дословно значит «некомфортно, неудобно».

3. Интерференция наблюдается в названии месяцев. В китайском языке названиям месяцев соответствуют порядковые числительные, т.е. у месяцев нет специальных названий, как в русском языке. Так, вместо слова январь используется словосочетание – первый месяц, февраль – второй месяц и т.д. Это находит свое отражение в речи Николая Ш.: *Потом / говорит летом в шестом месяце* // (вместо: в июне).

4. Калька «язык твердый» происходит от дословного перевода выражения в китайском языке. Николай Ш. употребил данное словосочетание, говоря о том, что сейчас по-русски говорит намного хуже, чем раньше, когда он часто использовал русский язык в своей речи. Подобный эпитет для слова «язык» встречается в китайской загадке 硬舌头尖嘴巴不吃饭光喝茶, что в переводе значит «твердый язык, острый рот, ничего не ест, только чай пьет».

5. При обращении в китайском языке используют слова 小(xiǎo) (произносится как *сяо*), дословно – «маленький» к младшему по возрасту, и 大(dà) (произносится как *да*) – к старшему по возрасту, эти слова добавляют к фамилии. Информанты дословно переводят эти слова: *он большой Володя, а я маленький Володя*. Хотя обычно в литературе с китайского языка эти обращения переводят при помощи транскрипции: *Сяо* или *Да*.

6. Еще один случай лексической кальки. Информантка использует слово «комната» имея ввиду «дом». Это происходит потому, что в китайском языке слово 屋子(wūzi) имеет два значения: «комната» и «дом».

7. Другой случай кальки отмечается в следующем примере. Но *тоже* медленно. В китайском языке 也(yě) имеет значение «тоже» и «все равно», «все-таки». Правильнее было бы сказать: Но все же медленно.

8. Информанты используют слова *девка*, *девушка* в значении «дочка». Это происходит потому, что в китайском языке слово 女孩(nǚhái) имеет два значения: «девушка», «дочь».

9. В речи некоторых информантов (чаще всех у Лидии Д.) отмечается использование словосочетаний: *больша девка*, *младша девушка* в значении «старшая дочь», «младшая дочь». У слова 大(dà) в китайском языке есть значения «большой» и «старший», а у слова 小(xiǎo) «маленький» и «младший».

Лексико-семантическая интерференция заключается в нарушении норм словоупотребления, а также она происходит в результате переноса значений слов китайского языка и законов их сочетаемости на русский, что зафиксировано в представленных выше примерах.

Описанные случаи интерференции возникли в контексте современной языковой ситуации в китайском Трехречье, сложившейся в результате длительного периода межъязыкового взаимодействия китайского и русского языков. Таким образом, можно констатировать, что взаимодействие этих языков сопровождается интерференционными процессами.

Исследование русской речи потомков переселенцев подтвердило наличие интерференции на всех уровнях языковой системы, а также выявило наиболее активные зоны интерференции, которые представлены в речи всех наших информантов.

Обобщенная информация по интерференции представлена в таблице 7. Среди типичных проявлений интерференции были выделены следующие: 1)

тенденция к замещению русских элементов в произношении китайскими; 2) тенденция к замене падежных и глагольных форм (неактуальность словоизменения); 3) тенденция к использованию лексических калек.

Таблица 7. Типичные случаи интерференции

информанты	Николай	Лидия	Александр	Ирина	Анна	Мария
особенности	фонетика					
Произношение звука [л] на месте [р] и наоборот	-	+	-	-	+	+
Озвончение глухих согласных звуков	+	+	-	+	-	+
Оглушение звонкого согласного звука	-	-	-	+	-	-
Произношение согласных [б],[д],[г]с придыханием	-	+	+	+	-	-
Произношение мягкой аффрикаты <ч> как твердой	+	+	+	+	-	+
морфология						
Наблюдается использование одной падежной формы вместо другой	+	+	+	+	+	+
Использование одних глагольных форм вместо других	+	+	+	+	+	+
синтаксис						
Выбор предлога, не соответствующего норме русского языка	+	+	+	+	+	+
Пропуск предлога	-	+	+	+	+	+
Синтаксические калки	-	+	-	+	+	+
лексика						
Лексические калки	+	+	+	+	+	+
Нарушение лексической сочетаемости	+	-	-	+	+	-

Важным фактором сохранности языка является естественная языковая среда. На сегодняшний день китайцы составляют большую часть населения Трехречья. Китайский язык является доминирующим, используется информантами во всех речевых ситуациях, что влечет за собой появление интерференции в русском языке под влиянием китайского языка.

Другой причиной интерференции может являться то, что большинство информантов – носители устной диалектно-просторечной формы русского языка. Александр М., Николай Ш., Лидия Д. по-русски читать и писать не умеют. По сравнению с литературной формой, устная диалектно-

просторечная форма русского языка менее устойчива и потому легко подвергается влиянию другого языка.

Следующим фактором сохранности русского языка является профессиональная деятельность. Потомки русских переселенцев во втором и третьем поколениях в основном занимались сельскохозяйственным трудом, русский язык не использовали в своей профессиональной деятельности, что было бы дополнительным стимулом к его сохранению.

Кроме того, во время Культурной революции жители Трехречья не говорили по-русски, т.к. русский язык был под запретом. По словам информантов, местные власти считали, что потомки русско-китайских браков могут быть иностранными шпионами, поэтому многие скрывали свое русское происхождение. В Харбине в этот период была такая же ситуация, как и в Трехречье. Е.А. Оглезнева приводит слова потомка переселенцев в Харбин В.А. Зинченко, который характеризует сложившуюся обстановку так: «оставшимся в Харбине русским было желательно забыть и свой русский язык, и то, что они русские» [Оглезнева, 2009, с. 43].

Все эти обстоятельства указывают на объективные трудности в сохранении русского языка потомками русских переселенцев, проживающими в китайском Трехречье, и на возникновение интерференции в их русской речи.

Выводы по главе 2

Анализ языковой личности в ситуации взаимодействия китайского и русского языков позволил сделать выводы о различном уровне сохранения русского языка у потомков русских переселенцев в китайское Трёхречье, что обусловлено различными факторами: социально-историческими и лингвистическими.

В речи потомков русских трёхреченцев имеются общие и индивидуальные черты. Индивидуальные черты определяются лингвистическими и

экстралингвистическими факторами: отнесенностью к определённому поколению, образованием, темпераментом, профессией, полом и др.

На территории китайского Трёхречья можно выделить следующие типы и подтипы языкового существования:

Тип А (второе поколение переселенцев)

Подтип А1. Говорят по-русски (на диалекте) и по-китайски

Подтип А2. Говорят по-русски (на диалекте), плохо говорят по-китайски

Тип Б (третье поколение переселенцев)

Подтип Б1. Говорят по-русски (на диалекте) и по-китайски

Подтип Б2 (неординарный). Говорят по-русски и по-китайски; владеют литературной формой русского языка

Подтип Б3. Говорят по-русски и по-китайски, русский язык учили в семье и в учебных заведениях

Подтип Б4. Говорят по-китайски, плохо говорят по-русски (на диалекте)

Тип В (четвертое поколение переселенцев).

Подтип В1. Говорят по-русски (на диалекте) и по-китайски

Подтип В2. Пассивное владение русским языком: понимают, но не говорят

Подтип В3. Активное использование русского языка в связи с переездом на постоянное проживание в Россию

Тип Г (пятое поколение переселенцев)

Подтип Г1. Говорят на китайском и русском языках. Русский язык выучен сознательно в учебных заведениях

Подтип Г2. Активное использование русского языка в связи с переездом на постоянное проживание в Россию

Подтип Г3. Владение только китайским языком

Подтип Г4. Пассивное владение русским языком: понимают, но не говорят

Тип Д (шестое поколение переселенцев)

Внутри каждого из представленных типов и подтипов существуют определенные общие черты, свойственные для его членов.

Анализируя языковую компетенцию потомков переселенцев, мы приходим к выводу о постепенной утрате русского языка, которая начинается в 4 поколении т.к. 44% находящихся в поле изучения представителей четвертого поколения владеют русским языком пассивно, практически не говорят по-русски используя в общении китайский язык. Заметна утрата и в пятом поколении, где из 28 информантов, только 4 (17%) говорят по-русски (половина из них владеют языком по причине использования в профессиональной деятельности), а 20 человек не владеют русским языком (70%), в шестом поколении русским языком не владеет никто из родственников опрошенных информантов проживающих в Китае.

Состав языковых компетенций индивида может быть обусловлен различными факторами. Факторы, которые повлияли на языковую компетенцию потомков переселенцев в китайское Трёхречье: уровень образования, профессия, владение устной формой речи или письменной формой речи, политическая ситуация.

Метод речевого портретирования является эффективным методом для анализа языковой личности. Применение данного метода для изучения речи потомков русских переселенцев в Китай обеспечило возможность выявить индивидуальные особенности речи информантов.

Русский язык представителей второго поколения переселенцев в Трёхречье, который до настоящего времени сохраняется в компетенции представителей типа А – это язык с диалектной основой. При рассмотрении данной формы русского языка потомков переселенцев, с одной стороны, была отмечена тенденция к сохранению диалектных особенностей, с другой стороны, зафиксированы изменения под влиянием китайского языка – интерференция. Диалектные особенности проявляются на всех уровнях языка: на фонетическом – оканье наряду с аканьем, на морфологическом – стяжение окончаний

прилагательных, на лексическом – употребление диалектных слов, например, *тарочки, наливнушки* и др.

При взаимодействии китайского и русского языков в русской речи потомков русских переселенцев в Трёхречье проявляются типичные зоны интерференции, которые связаны с особенностями вступления в контакт типологически разных языков: изолирующего китайского и флективного русского.

Так, у всех представителей типа А (второе поколение переселенцев) отмечаются такие случаи интерференции: на фонетическом уровне – произношение твёрдого [тш] вместо мягкого [ч]: *у[тш]ился, нын[тш]е, дево[тш]ка*; на морфологическом – использование грамматических показателей китайского языка: *нетуле*; на лексическом – использование лексических калек: *девка* вместо *дочка*, *этажи* вместо *дом*. У представительниц третьего поколения переселенцев Анны Ф. и Нины П. интерференция проявляется на морфологическом уровне в виде большого числа грамматических ошибок.

Некоторые особенности произношения наших информантов, которые можно интерпретировать как обусловленные интерференцией (например, неразличение звонких и глухих согласных: *пензия, сабоги, козули*; произношение согласных [б], [д], [г] с придыханием: *банушка*; твердое произношение аффрикаты <ч>), совпадают с диалектными особенностями, характерными для русских говоров Забайкалья, и в этом случае системы разных языков пересекаются и начинают поддерживать друг друга в речи языкового коллектива.

Заключение

В диссертационной работе представлено социолингвистическое и собственно лингвистическое описание одного из вариантов русского национального языка – русского языка в восточном зарубежье на примере русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье в XX в.

В исследовании получило развитие понятие «русский язык зарубежья», которым Ю.Н. Караулов назвал одну из форм существования современного русского языка и предположил, что данная форма обладает специфическими чертами [Караулов, 1991, 1992]. Гипотеза Ю.Н. Караулова, а также возможность наблюдения и изучения русского языка за рубежом послужили основой для развития целого направления исследований русского языка, бытующего вне метрополии.

Проанализировав труды учёных по языку русского зарубежья конца 90-х гг. XX в. и 10-х гг. XXI в. (Грановская Л. М., Земская Е.А., Красильникова Е. В. и др.), мы получили информацию об основных центрах русской эмиграции на запад и восток, времени и волнах миграции, процессах, характерных для эмиграции того или иного времени или той или иной волны, методах, используемых для изучения русского языка зарубежья.

Особый интерес для нашего исследования представляли данные о восточном зарубежье. Были изучены статьи и монографии, посвящённые истории русской эмиграции на восток и русскому языку в восточном зарубежье, в Харбине – центре русской восточной эмиграции, и в Австралии как продолжении восточной ветви (работы Райан Н. В., Ацыповой А. Н., Старыгиной Г. М., Оглезневой Е. А.), а также в приграничном Китае (Гордеева С. В.) и в Синцзян-Уйгурском автономном районе Китая (Гордеев С. В.).

Район Трёхречья в Китае, наряду с Харбином и приграничными селами Китая, располагающимися на правом берегу Амура, был одним из мест массового переселения русских в конце XIX и начале XX в. Русский язык

переселенцев из России в китайское Трехречье выступил объектом проведенного исследования. В настоящее время на этой территории располагается Русская национальная волость – Эньхэ, единственная национальная волость КНР, титульной национальностью которой являются русские.

Проведенное исследование показало, что в начале XX в. в китайском Трехречье вследствие событий 1917 г. в России и последовавшим за ними массовым переселением русских из приграничного с Китаем Забайкалья сформировался русский анклав, характеризующийся достаточно автономным положением на китайской территории. Численность русских и их потомков, по некоторым данным, достигала 20 000 чел. к середине 50-х гг. XX в. – времени массовой реэмиграции и репатриации русских из Трехречья. Однако до сих пор на территории китайского Трехречья проживает 2 631 потомок русских переселенцев – метисы, причисляющие себя к национальному меньшинству русских в Китае – элосыцзу.

В районе китайского Трехречья, характеризующегося многонациональностью и многоязычием, с конца XIX в. сформировалась уникальная языковая ситуация с участием русского языка. Кроме китайского и русского языков и их идиомов компонентами языковой ситуации выступали языки многочисленных коренных народов региона: эвенков, чипчинов, дауров, забайкальских бурят, маньчжуров и др., поэтому по числу идиомов языковая ситуация Трехречья является поликомпонентной.

Языковая ситуация на протяжении всего XX в. динамично развивалась под влиянием исторических и политических обстоятельств, менялось и положение русского языка как одного из компонентов языковой ситуации в этом регионе. В первой половине XX в. русский язык был доминирующим идиомом на территории Трехречья из-за преобладания численности русского населения был представлен разными идиомами: литературной формой (письменной и устной) и народно-разговорной – диалектной, которая была основной формой бытования русского языка в китайском Трехречье. В этот период

времени русский язык – язык эмигрантов – обладал большей демографической мощностью, чем китайский язык – язык страны проживания (показатель демографической мощности русского языка 0,55 к 0,35 у китайского языка). Кроме того, в первой половине XX в. русский язык обладал и большей, чем у китайского языка, коммуникативной мощностью, обслуживая максимальное число коммуникативных сфер: быт, торговля, хозяйственно-производственная сфера, образование, административное управление, религия. Заслуживают внимания и оценочные признаки языковой ситуации, включающие отношение к языку собственно носителей. Для русских и их потомков в Трехречье русский язык обладал высокой степенью значимости, престижности и коммуникативной пригодности.

В работе была создана типология языковых личностей потомков русских переселенцев в китайское Трехречье, включающая 6 типов, в рамках которых обнаружилось от 2 до 4 подтипов. Разнообразие типов, представленных в типологии, основано на принципе “поколение”, к которому относится языковая личность, а также на таких дифференциальных признаках, как уровень владения русским языком у языковой личности (говорит/пишет/читает/понимает – не говорит/не пишет/не читает/не понимает), основной язык и основной идиом языка, используемый языковой личностью.

Типология языковых личностей потомков русских переселенцев в китайское Трехречье была составлена на основе речевого портретирования представителей разных типов носителей русского языка из числа потомков.

Представленная модель типов языковых личностей показывает, что в разных типах встречаются схожие подтипы. Например, представители подтипа Г3 и типа Д не говорят по-русски; подтипы В3 и Г2 активно используют русский язык по причине отъезда в Россию на постоянное проживание; представители подтипов Б3 и Г1 изучали русский язык в семье и в учебных заведениях и используют его в профессиональной сфере; представители подтипов Г4 и В2 владеют китайским языком, при этом понимают на слух некоторые слова

и выражения своих более старших родственников, говоривших в семье по-русски.

Анализ показывает, что русский язык в китайском Трёхречье сохраняется в речи большого числа представителей второго и третьего поколений потомков переселенцев, которые унаследовали диалектную форму русского языка от своих русских матерей или бабушек. Также русский язык сохраняется в речи части представителей четвёртого и пятого поколений потомков переселенцев, которые усваивали его в семье от говорящих по-русски старших родственников, а также специально изучали его и используют в профессиональной деятельности либо переехали в Россию, где русский язык стал для них основным языком.

Представители второго и третьего поколений сохраняют в своей речи русские диалектные черты на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Молодое поколение трёхреченцев, изучавших русский язык в учебных заведениях, использует выученную литературную форму русского языка.

В ходе анализа речи потомков переселенцев второго и третьего поколения было выявлено, что диалектные черты их речи соотносятся с говорами переходного типа на севернорусской основе. Некоторые информанты второго и третьего поколений обладают уникальной формой «чистого» диалекта, они усвоили его «на слух» от своих родителей, говорящих на диалекте. Эти факторы обусловили особое состояние русского языка в восточном зарубежье, а именно в Трёхречье, которое можно назвать **трёхреченским вариантом русского языка в восточном зарубежье**.

К числу специфических характеристик русского языка в китайском Трёхречье, бытовавшем там в XX в. и продолжающем бытовать по настоящее время, в речи потомков русских переселенцев в этот регион, относятся: диалектная форма у носителей старшего поколения, большое количество носителей (особенно в третьем поколении потомков русских переселенцев),

длительная сохранность – до 5 поколения у потомков русских переселенцев, наличие интерференции под влиянием китайского языка.

В числе значимых особенностей современных русских говоров в китайском Трехречье следует отнести их интерферируемый характер.

Демонстрируя длительную сохранность, русский язык в китайском Трехречье вместе с тем демонстрирует и тенденцию к угасанию. Это можно проследить на примере регрессивного характера билингвизма у молодого поколения потомков переселенцев. Утрата русского языка отмечается уже в четвертом поколении, в пятом поколении только 6 человек из 24 говорят по-русски, в шестом поколении никто не говорит по-русски.

Анализ билингвизма потомков русских переселенцев в китайское Трехречье показывает **динамику от координативного билингвизма**, характеризующегося владением двумя языками – русским и китайским на рассматриваемой территории – в равной мере и сопровождающегося переключением от одного языка к другому в зависимости от ситуации общения, **к субординативному**, при котором билингв владеет лишь одним родным языком (в нашем случае в качестве родного начинает выступать китайский язык), подчиняющим в его сознании второй, неродной язык (для наших субординативных билингвов это уже русский язык).

Русский язык в китайском Трехречье утрачивается по следующим причинам: доминирование китайского языка во всех сферах общения, оторванность от среды функционирования русского литературного языка, постоянное общение с китайским населением, преобладающим в регионе, смешанные браки, которые способствуют одновременному использованию русского и китайского языков в семье.

Выдвинутая гипотеза о сохранении русского языка переселенцев в китайское Трехречье во втором, третьем, четвертом и пятом поколениях вследствие воздействия языкового, этнического и культурного факторов была

подтверждена. Языковой, этнический и культурный факторы имели важное значение для продолжительной консервации русского языка.

Русский язык потомков переселенцев в Трёхречье обладает рядом отличий от русского языка, функционировавшего в китайском городе Харбине – центре русской восточной эмиграции, и в приграничном Китае.

По сравнению с русским языком в китайском Приамурье [Гордеева, 2014], трёхреченский вариант демонстрирует более длительную сохранность, число носителей русского языка в китайском Трёхречье больше, словарный запас шире. Потомки русских переселенцев в Трёхречье второго и третьего поколений, а также некоторые представители четвёртого (подтип В1) и пятого поколений (подтип В1) способны поддерживать длительную беседу на русском языке, в редких случаях переходя на китайский язык.

В сравнении с русским языком в Харбине [Оглезнева, 2009], трёхреченский вариант русского языка функционировал преимущественно в устной диалектной форме, в Харбине – преимущественно в устной и письменной литературной форме.

Проведенное исследование русского языка в китайском Трёхречье на протяжении более 100 лет позволило дополнить науку о языке новыми знаниями о функционировании русского языка в зарубежье.

Список литературы

1. Аблажей Н.Н. Миграционный обмен России (СССР) и Китая: основные этапы и тенденции развития в XX веке / Н.Н. Аблажей // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. 3. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002. – С. 300 – 308.
2. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Сибирское отделение Российской академии наук, 2007. – 300 с.
3. Аблажей Н.Н. Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в.: автореф. дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02 / Наталья Николаевна Аблажей. – Новосибирск, 2008. – 47 с.
4. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2004. – 432 с.
5. Абрамова Е.В. Фонетическая интерференция в русской речи голландцев и фламандцев : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Абрамова Евгения Викторовна; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2007. – 160 с.
6. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. – М., 1949. – 163 с.
7. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин; АН СССР, Ин-т языкознания. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 276 с.
8. Аниськина Н.В. Языковая личность современного старшеклассника: Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2001. 288 с.
9. Анучин В.А. Географические очерки Маньчжурии. – М., 1948. – 300 с.
10. Анцыпова А.Н. «Харбинская эмиграция» в Австралии / А.Н. Анцыпова // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы

научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. – Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 21 – 26.

11. Анцыпова А.Н. Лексика в русском языке эмигрантов Австралии / А.Н. Анцыпова // Лингвистический ежегодник Сибири: сб. статей. Вып. 6. – Красноярск: Изд-во КГУ, 2004. – С. 98–105.

12. Анцыпова А.Н. Некоторые особенности письменной речи русских эмигрантов в Австралии / А.Н. Анцыпова // Язык и культура в Евразийском пространстве: сб. научн. статей. XVI междунар. науч.-практ. конф. (16-20 апреля 2003 г.). – Томск: Изд-во ТГУ. 2003. Раздел I. – С. 58–64.

13. Анцыпова А.Н. Русский язык в Австралии. Проблема сочетаемости / А.Н. Анцыпова // Лингвистический ежегодник Сибири: сб. статей. Вып. 7. – Красноярск: Изд-во КГУ, 2005а. – С. 163–168.

14. Анцыпова А.Н. Язык русского зарубежья Австралии. Лексико-грамматический аспект (на материале письменных текстов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Антонина Николаевна Анцыпова. – Барнаул, 2005б. – 19 с.

15. Аргудяева Ю.В. Православное восточнославянское население в Маньчжурии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. Благовещенск: АмГУ, 2002. С. 563 –569.

16. Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.) Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2016. 480 с.

17. Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., Старыгина Г.М. Современные амурские говоры и фольклор: из опыта полевых наблюдений / Е.А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора. / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С.9–19.

18. Афанасьева Е.Ф. Эвенки Китая // Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 11–21.

19. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж. 1998. 41 с.
20. Батурина Ю.П. Потомки русских на правом берегу Аргуни (на примере пос. Эньхэ) // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки: Материалы Международ. науч. конф. 22–27 нояб. 2012 г. (г. Чита Забайкальского края Российской Федерации – г. Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики) / отв. ред. М. В. Константинов; Чита, 2012. С. 150–152.
21. Башаров И.П. Русские Внутренней Монголии: краткая характеристика группы // Азиатская Россия: миграция, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск, 2010. С. 301–308.
22. Белоглазов Г.П. Русская земледельческая культура в Маньчжурии в конце XIX – 20-х годах XX в. // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2007. № 5. С. 108–115.
23. Берестнев Г.И. Самосознание личности в зеркале языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 50 с.
24. Блохинская А.В. Явление интерференции в речи представителей русской диаспоры в Харбине (на материале записей речи В.П. Хан) / А.В. Блохинская. // Вестник Амурского государственного университета. – 2010. – № 50. – С. 127–133.
25. Бобрик М.А. Очерк языка семьи // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. С. 278–348.
26. Богин Г.И. Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1982. 36 с.
27. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 31 с.

28. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1980. 61 с.
29. Богин Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека: Учеб, пособие. Калинин, 1975. 106 с.
30. Большой толковый словарь русского языка [Текст]: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с.
31. Ваахтера Й. М. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области: дис. ... д-ра филолог. наук. – Хельсинки, 2009. – 324 с.
32. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев: Изд-во при Киевском гос. ун-те «Вища школа», 1979. 264 с.
33. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа: Пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
34. Василюк И.П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности (на материале афористики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 21 с.
35. Васянина Е.Ю. наброски к лингвистическому портрету русских американцев / Е.Ю. Васянина // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 95 – 102.
36. Васянина Е.Ю. Русская звучащая речь в США: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Елена Юрьевна Васянина. – М, 1998. – 172 с.
37. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб: ИЦ «Гуманитарная академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
38. Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 197 с.

39. Виноградов В.А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл.ред. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 616–617 с.
40. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
41. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 361–370.
42. Вихрова К.В. Морфологические особенности в речи жителей села Аргунск Нерчинско-заводского района Забайкальского края // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. материалы X Международной научной конференции. 2017. С. 184–186.
43. Волкова Н.А., Праведников С.П. Курские говоры: Звучащая хрестоматия. – Курск – Бохум: издатели Christian Sappok, Лия В.Бондарко – 4.1. – 1999.–100с.
44. Волкова Т.Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 237 с.
45. Волконский С.М., Волконский А.М. В защиту русского языка: Сб. статей / С. Волконский, А. Волконский. – Берлин: Медный всадник, 1928. 102 с.
46. Волошина С.В., Шевчик А.В. Фрагмент речевого портрета жителя современного российского села // Экология языка и коммуникативная практика. Институт филологии и языковой коммуникации. 2018. № 3. С. 20–32
47. Ворожцова И.Б. Речевой субъект или языковая личность? II Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Ижевск, 2006. С. 80–90.
48. Галстян С.С. Роль языковой личности в телевизионной речевой культуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.
49. Гафарова А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 19 с.

50. Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е. А. Земская. М.; Вена, 2001а. 492 с.
51. Гловинская М.Я. Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии (на материале русского языка) / М.Я. Гловинская // Жизнь языка: Сб. статей. М., 2001б. С. 42 – 59.
52. Годунова С.Ю. Педагогические условия развития языковой личности студента технического вуза: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 24 с.
53. Голубева-Монаткина Н.И. Грамматические особенности русской речи эмигрантов «первой волны» во Франции / Н.И. Голубева-Монаткина // Филологические науки, 1994а. № 4., С.104–111.
54. Голубева-Монаткина Н.И. Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции / Н.И. Голубева-Монаткина // Русистика сегодня. 1995. №1. С. 70–92.
55. Голубева-Монаткина Н.И. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции / Н.И. Голубева-Монаткина // Русский язык за рубежом. 1993. № 2. С. 100–105.
56. Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX в. Тексты и комментарии / Н.И. Голубева-Монаткина. – М.: Едиториал УРСС, 2004а. 380 с.
57. Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX в. Тексты и комментарии / Н.И. Голубева-Монаткина. –М.: Едиториал УРСС, 2004б. 480 с.
58. Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмиграция о русском языке / Н.И. Голубева-Монаткина // Русская словесность. 1994б. № 3. С.73–77.
59. Голубева-Монаткина Н.И. Эмигрантская русская речь / Н.И. Голубева-Монаткина // Русский язык зарубежья. М., 2001. С. 8–68.

60. Голубева-Монаткина Н.И. Язык и культура. О русской «эмигрантской» речи в Канаде / Н.И. Голубева-Монаткина // «Облик слова»: Сб. статей РАН. М., 1997. С. 321–332.

61. Гомбоева М.И., Замошникова Н.Н., Сундуева Д.Б. // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2014. № 4 (57). С. 85–94.

62. Гордеев С.В. Русскоязычное население и сферы использования русского языка в Синьцзян-уйгурском автономном районе Китая (середина XIX - начало XXI века) // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4(48) с. 80–92

63. Гордеев С.В. Сферы использования русского языка в современном Синьцзяне (на материале текстов воспоминаний потомков русских переселенцев) / С.В. Гордеев // Вестник Бурятского Государственного университета. Язык. Литература. Культура: Бурятский Государственный университет им. Доржи Банзарова Улан-Удэ: Бурятский Государственный университет, 2019. – 3. – С.49–53

64. Гордеева С.В. К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китаеязычной среде (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай) / С.В. Гордеева // Вестн. Томского государственного университета. – 2012. – № 363. – С. 16–19.

65. Гордеева С.В. К вопросу о языковой ситуации в китайском приграничье / С.В. Гордеева // Вестник Южно-Уральского государственного университета, 2014в. Т11. № 1 – С. 125 – 129.

66. Гордеева С.В. Потомки русских эмигрантов китайского приграничья: типология языковых личностей / С.В. Гордеева // И Международный научно-исследовательский журнал, Екатеринбург, 2014б № 1-2(20). С. 105–108.

67. Гордеева С.В. Речевой портрет потомка русских переселенцев в Китай (на материале русской речи Цю Цзиньсю, село Бяньцзян, провинция

Хэйлунцзян, КНР) / С.В. Гордеева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 10. / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: АмГУ, 2013а. – С. 82–94.

68. Гордеева С.В. Русские в Китае: о языковой компетенции эмигрантов во втором поколении / С.В. Гордеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014в. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 67–70.

69. Гордеева С.В. Русские как национальное меньшинство в современном Китае и их языковая компетенция / С.В. Гордеева // Вестник Амурского государственного университета. – 2011. – № 54. – С. 121–126.

70. Гордеева С.В. Русский язык в приграничном Китае, его роль в формировании языковой ситуации / С.В. Гордеева // Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале российского Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / под. ред. Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014д. С. 98–125.

71. Гордеева С.В. Явление интерференции в речи потомков русских эмигрантов китайского приграничья / С.В. Гордеева // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А.П. Майоров. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2013б. – С. 52–55.

72. Гордеева С.В. Языковая компетенция потомков русских эмигрантов в приграничном Китае во втором поколении / С.В. Гордеева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014г. № 3. С. 76–78.

73. Гордеева С.В. Русский язык в приграничном Китае: на материале речи русских переселенцев в Китай 20-40-х гг. XX в. и их потомков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Гордеева С.В. [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. – Благовещенск, 2014а. – 238 с.

74. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны / Л.М. Грановская; отв. ред. М.В. Ляпон. М.: ИРЯЗ, 1995.

75. Григорян Э.А. Свой чужой / Э.А. Григорян // Русская речь. 1994. № 3. С. 62 – 69.

76. Гурулева Т.Л. Речевой портрет этнической языковой личности (сопоставительная характеристика китайской, русской и английской языковых личностей) // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 3А. С. 196–205.

77. Гутин И.Ю. Динамика численности русского населения автономного района Внутренняя Монголия КНР (1949-2000-е гг.) Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2011. Т. 13. № 2. С. 72–85.

78. Дашдорж. Придерживаться научного развития, стимулировать строительство русской национальной волости // Нэймэнгу элосы миньцзу яньцзюхуэй хуэйкань [Официальный бюллетень Общества по исследованию русской национальности в АРВМ] / Город Эргуна (Аргунь): Печатно-издательский центр «Ежедневной газеты Хулунбуира», ноябрь 2009. № 2. С. 16–17.

79. Декрет Президента Китайской Республики от 23-го сентября 1920 г. // Весь Харбинь на 1923 г. Адресная и справочная книга гор. Харбина. Под ред. С.Т. Тернавского. Харбин, 1923. С. 88–89

80. Дин Шицин. Исчезновение языка и его сохранение. Анализ распространения русского языка среди русской национальности в АРВМ // Нэймэнгу элосы миньцзу яньцзюхуэй хуэйкань [Официальный бюллетень Общества по исследованию русской национальности в АРВМ] / Город Эргуна (Аргунь): Печатно-издательский центр «Ежедневной газеты Хулунбуира», ноябрь 2009. № 2. С. 18–21.

81. Дружинина В. В., Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев). Сочи: РИО СГУ ТиКД, 2005. 152 с.

82. Ду Дяньвэнь. Эвенки деревни Аолугуя – последние оленеводы Китая. Пекин: Культура, 2001. № 1. С. 88–95. (на кит. яз.) 杜殿文.敖鲁古雅 鄂温克–中国最后的驯鹿人 // 《文明》

83. Ермакова Е.В. Лингвориторические основы формирования языковой личности в системе дошкольного образования: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2007. 25 с.

84. Ерофеева Т.И. Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск: УрГУ, 1990. С. 90–91.

85. Ерофеева Т. И. Речевой портрет провинциального города: учеб. пособие по спецкурсу/ Т.Н. Ерофеева. – 3-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2017. – 192 с.

86. Жернаков В.Н. Трёхречье / В. Н. Жернаков. Окланд (Калифорния), 1975. – 46 с.

87. Жуковская Н.Л. Хамниганы. Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998. С. 593.

88. Журинская М.А. Типологическая классификация языков / М.А. Журинская // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 511–512.

89. Жэньминь жибао онлайн. Национальные меньшинства Китая: русские // URL: <http://russian.people.com.cn/31516/4298977.html> (дата обращения: 09.02.2021)

90. Забияко А.А. Маргинальные письменные тексты русских Трёхречья: частные истории формирования маргинальной этничности // Cuadernos de rusística Española. Гранада: Editorial Universidad de Granada. № 13. 2017. С. 229–242.

91. *Забияко А.А., Забияко А.П.* Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде // Проблемы Дальнего Востока, №2. – 2016. – С. 160–171.

92. Забияко А.П., Аниховский С.Э., Воронкова Е.А., Забияко А.А., Кобызов Р.А. Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры. Благовещенск, 2012. 384 с.

93. Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2017.

94. Задоев Т.П. Краткий очерк системы тонов современного китайского языка // Вопросы китайской филологии. М., 1963. С. 191–219

95. Зеленин А.В. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб.: Златоуст, 2007. 380 с.

96. Земская Е.А. Еще раз о языке русского зарубежья // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. Сб. статей. М., 1995. С. 233–241.

97. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты / Е.А. Земская // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. / Отв. ред. Е.А. Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001в. С.19–340.

98. Земская Е.А. Особенности русской речи эмигрантов четвертой волны // Справочно-информационный портал Грамота.ру. 2005 URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_520 (дата обращения: 09.02.2017).

99. Земская Е.А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) / Е.А. Земская // Русский язык сегодня. Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000а. С.100–121.

100. Земская Е.А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (третье поколение) / Е.А. Земская // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 196–207.

101. Земская Е.А. Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в современном русском языке / Е.А. Земская // Жизнь языка. Сб. статей к 80-

летию М.В. Панова / Сост. Л.А. Капанадзе. Отв. ред. С.М. Кузьмина. М., 2001г. С.68–76.

102. Земская Е.А. Умирает ли язык русского зарубежья? // Вопросы языкознания, 2001б. № 6. С. 14–30

103. Земская Е.А. Функции американизмов в речи русских эмигрантов / Е.А. Земская // Слово в тексте и словаре. Сб. статей к 70-летию Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 2000б. С. 91–101

104. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема, слово, речь / Е.А. Земская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 410 с.

105. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: Итоги и перспективы исследования / Е.А. Земская // Русский язык в научном освещении. 2001д. № 1. С. 114 – 131.

106. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Под ред. Е.А. Земской. М.: Языки славянской культуры, 2001а.

107. Зенкова Т.М. К вопросу о традиционной культуре Трёхречья // История, этнография, антропология и социология трансграничья. Экология, природа, география, охрана окружающей среды трансграничья: Материалы международной научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18-20 октября 2006 г.). Чита, 2006. С. 34–36.

108. *Зиненко Я.В.* Культурная и религиозная жизнь русского Трёхречья (по материалам журнала "Рубеж" 1926-1945 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы V международной научно-практической конференции. Благовещенск: Изд.-во БГПУ, Вып.5. – 2015. – С.147–149.

109. Иванова Е.Н. Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка (первая половина XVIII века): На материале писем и распоряжений А.Н. Демидова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 18 с.

110. Иванцова Е.В. Идиолектология // Томская диалектологическая школа: Историографический очерк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 157–164.
111. Иванцова Е.В. Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе // Вести. Том. гос. ун-та. 2006. № 291. С. 5–11.
112. Иванцова Е.В. Опыт исследования региональной языковой личности старожила Сибири // Вопросы лингвоперсонологии. Барнаул, 2007. Ч. I. С. 121–126.
113. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2002. 395 с.
114. Ивыгина А.А. Наименование лиц женского пола в русских говорах Волжско-Свияжского междуречья: структурно-семантический аспект / А.А. Ивыгина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. № 6. Ч. 2. – С. 93–97.
115. Игнатович Т. Ю. Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в истории и современном состоянии (на материале фонетики и морфологии). М.: Флинта: Наука, 2013. 312 с.
116. Игнатович Т.Ю. Восточнозабайкальские говоры в русском диалектном пространстве // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Чита: Забайкальский Государственный университет. 2009а. № 6. С. 183–187.
117. Игнатович Т. Ю. Забайкальские диалекты в условиях современных интеграционных процессов / Т. Ю. Игнатович // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009б. – № 6. – С. 232–238
118. Игнатович Т. Ю. Забайкальская русская народно-разговорная речь: учеб. пособие. Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2015. – 176 с.
119. Игнатович Т.Ю. Современное состояние русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья:

фонетические особенности: монография. Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 240 с.

120. Ильина К.А. Фонетическая интерференция как часть произносительных тенденций в современном английском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Ильина Кристина Александровна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2018. – 215 с.

121. Иссерс О.С. Коммуникативный портрет языковой личности (на примере писем Сергея Довлатова) // Русистика сегодня. 2000. № 1–4. С. 63–75.

122. Ишкова Т.Н. Концепт языковой личности в английском языке в сопоставлении с русским языком (на примере анализа вариантов переводов пьесы Б. Шоу «Пигмалион»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 14 с.

123. Каверина В. В. Обучение русскому произношению лиц, говорящих на китайском языке (на основе сопоставительного анализа китайской и русской фонетических систем) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / отв.ред. Л. П. Клобукова М.: Диалог-МГУ, 1998. – Вып. 6. – С.78–92

124. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007. 200 с.

125. Казакова О.А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 247 с.

126. Кайгородов А.М. Дерсу Узала из дебрей Трехречья (воспоминания о старом эвенке) II Сов. этнография. 1970. №6. Ноябрь-декабрь. с.128–133.

127. Кайгородов А.М. Потерянная земля (Историко-этнографический очерк). Рукопись. М., 1990–1994. 27 с.

128. Кайгородов А.М. Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) II Сов. этнография. 1970. № 2. С. 140–149

129. Кайгородов А.М. Русские заимки в Трехречье (по личным наблюдениям) II Сов. Приаргунье. 1993. № 56, с.3

130. Кайгородов А.М. Харбин: взгляд из Трехречья II Годы, люди, судьбы. История российской эмиграции в Китае. М., 1998. С. 34–37
131. Кайгородов А.М. Эвенки в Трехречье (по личным наблюдениям) // Сов. этнография. 1970. № 4. Июль-август. с.123–131
132. Калина Н.Д. Организация и исследование структуры конструктивно-процессуальных механизмов визуальной культуры личности дизайнера // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 1А. С. 128–141. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.017
133. Каракуц-Бородина Л.А. Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста: лексический аспект (на материале русскоязычной прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000. 20 с.
134. Карасик В.И. Аспекты языковой личности // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. С. 96–105.
135. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
136. Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С.5–18
137. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности: Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М.: Институт русского языка, 1991. С.4–11.
138. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
139. Карпухина Н.М. Языковая личность современного экономиста в научных текстах // Знание. Понимание. Умение. 2007. №4. с. 70–74
140. Карцевский С.И. Язык, война и революция / С.И. Карцевский. – Берлин: Русское универсальное изд-во, 1923. 72 с.
141. Касаткин Л.Л. Русская диалектология: Учеб. для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1989. – 224 с.

142. Касаткин Л.Л. Русские диалекты. Диалектный язык // Русские. Монография Института этнологии и антропологии РАН. – М.: Наука, 1999.
143. Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф., Никитина С.Е. Русский язык орегонских старообрядцев: языковые портреты // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / Под ред. Л.П. Крысина. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 134–152.
144. Китай – Национальность Русские // Китайский информационный интернет-центр. [Электронный ресурс] URL: <http://china.kulichki.net/figures/nationality/034.shtml> (дата обращения: 23.04.2013)
145. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: фонохрестоматия. М.: Наука, 1995. – 128 с.
146. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура, 1995–1996. М.: Восточная литература, 1997. 493 с.
147. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 1. С. 25–31.
148. Кляус В. Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. – М.: 2015. – 384 с.
149. Кляус В.Л., Махова Л.П., Острогская А.А. Частушки и припевки китайских русских северной Маньчжурии // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 9–35.
150. Кляус В.Л., Острогская А.А. Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трехречье // Традиционная культура. 2014. № 4 (56). С. 41–50.
151. Князев С.В. Русская диалектная фонетика: учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 42с.
152. Кокухин П.Е. Православный крест – крест благословения рода Кокухиных // Русская Атлантида. 2008. № 29. С. 19–22
153. Колобова Э.А. Диалектная речь русского населения Читинской области. // лингвистическое краеведение Забайалья. – Чита, 1998. –С. 18–19.

154. Кормазов В.А. Барга. Экономический очерк. Харбин, 1928. 281 с.
155. Кормазов В.А. Трехречье (за период 1924-1933 гг.) II Вести. Маньчжурии. 1934а. № 5, май. с. 58–77.
156. Кормазов В.А. Хинганская провинция II Вестник Маньчжурии. 1934б. № 1, январь С. 31–74.
157. Котов А.В. Новый китайско-русский словарь. – М.: Русский язык – Медиа, 2000 – 612 с.
158. Кочеткова Т.В. Русская языковая личность как объект изучения современной лингвистики // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Сочи, 2002. Вып. 1. С. 95–100.
159. Красильникова Е.В. Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
160. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. С. 90–106.
161. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994. С. 262–282.
162. Кудинова Т.А. Просторечие и диалект в языке А.П. Чехова (к характеристике языковой личности писателя): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 24 с.
163. Куликова Н.В. О политико-правовом положении русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае (1918-1924) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 164–168
164. Куницына Е.Ю. Языковая личность переводчика как сущность и ипостась // Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета. 2008. № 10 (34). с.103–106.
165. Курбатова С.А. Образы и представления мира природы в сознании русской языковой личности: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 2000. 21 с.

166. Курова Д.Д. Семейно-брачные отношения русских и китайцев в Приаргунье // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. Вып. 6. М., 2011. С. 71–75.
167. Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Часть 2. Учебно-методическое пособие / Отв. ред. Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, 1999. 152 с.
168. Лебедева С.В. Психолингвистическое исследование близости слов в индивидуальном сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991. 16 с.
169. Леденева В.В. Особенности идиолекта Н С. Лескова. М.: Изд-во Моск. пед. ун-та, 2000. 185 с.
170. Леонтьев В.В. «Похвала», «Лесть» и «Комплимент» в структуре английской языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
171. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 20 с.
172. Летова А.Д. Лингвокультурологический концепт «Английская национальная личность» в сопоставительно-контрастивном описании афористики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 19 с.
173. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / Под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул; Кемерово, 2006. 435 с.
174. Лопушанская С.П. Языковая личность древних русичей (по материалам деловых документов) // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995. С. 10–11.
175. Лопушанская С.П. Языковая личность казака (по скорописным документам XVII века) // Вопросы краеведения: Материалы краеведческих чтений. Волгоград, 1993. Вып. 2. С. 164–167.

176. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. 188 с.
177. Лян Чжэ Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949-2015). – М.: 2016. – 252 с.
178. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 46 с.
179. Малышева В.А. Глаголы зрительного восприятия как фрагмент языковой картины мира идиолекта // Проблемы межкультурной коммуникации. Пермь, 1999. С. 182–189.
180. Малышева В.А. Идиолект как лингвистическая реальность // Антропоцентрический подход к языку. Пермь, 1998. Ч. 1. С. 66–79.
181. Малышева В.А. Языковая личность как воплощение национального характера // Национальный менталитет и языковая личность. Пермь, 2002. С. 31–37.
182. Малышева В.А., Скитова Ф.Л. Общее и индивидуальное в речи носителя диалекта // Материалы междунар. съезда русистов в Красноярске, 1-4 октября 1997 г. Красноярск, 1997. Т. 1. С. 138–140.
183. Малышева В.А., Скитова Ф.Л. Повтор в обиходной диалектной речи // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 239–244.
184. Матвеева Р.П. Русский фольклор в национально-смешанном культурном контексте // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 131–140.
185. Менькова Н.Н. Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей (на материале Б. Акунина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 16 с.
186. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: Москва : Флинта : Наука, 2001. – 312 с.

187. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 206 с.
188. Милёхина Т.А. Речевой портрет бизнесмена // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. – Москва: РАН, Языки славянской культуры, 2003. С. 515–527.
189. Михайлов М.Л. По своей воле : Уфа, Башк. кн. изд-во, 1989, с.237–295.
190. Недоступова Л.В. Особенности самобытного воронежского говора (фонетической и морфологический аспекты) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 244–252.
191. Недосугова А.Б. Понятие «японская национальная личность» в лингво-культурологическом аспекте // Вести. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. рус. яз. нефилологам. Теория и практика. 2002. № 3. С. 84–89.
192. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. трудов. – М, 1996.
193. Никитина С.Е. Орегонские старообрядцы как лингвокультурные личности // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1998. С. 200–202.
194. Никитина С.Е. Русские конфессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика / С.Е. Никитина // Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 69 – 112.
195. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989. С. 34–40.
196. Никиша В.В., Борисова О.Г. Речевой портрет жителей станицы Батуринской. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018
197. Николаев, А. И. Интонационная интерференция якутского языка в ситуации искусственного многоязычия: экспериментально-фонетическое исследование: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.02 /

Николаев Анатолий Иванович; [Место защиты: Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисленных народов Севера СО РАН]. – Якутск, 2017. – 221 с.

198. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т. М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция / отв. ред. О. Л. Дмитриева; Институт русского языка Академии наук СССР. – М.: ИРЯЗ. – 1991. – С.69–74.

199. Ничипорович Е.А. Кооперативная языковая личность в открытом коммуникативном эпизоде: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 22 с.

200. Оглезнева Е.А. Владимир Алексеевич Зинченко. Лингвистические беседы / Е.А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2008а. С.88 – 99.

201. Оглезнева Е.А. Речевой портрет Михаила Михайловича Мятова, представителя русской диаспоры в Харбине / Е.А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2008б. С.54 – 74.

202. Оглезнева Е.А. Речевой портрет эмигранта (на материале речи представительницы русской диаспоры в Харбине В.П. Хан) / Е.А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С.101 – 108.

203. Оглезнева Е.А. Русская диаспора в Харбине: опыт социолингвистического анализа / Е.А. Оглезнева // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Вып. 4. Этнические контакты. – Благовещенск: АмГУ, 2001а. – С.258 – 263.

204. Оглезнева Е.А. Русская диаспора в Харбине: уровни лингвистической адаптации / Е.А. Оглезнева // Восточная Азия – Санкт-Петербург – Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества. Санкт-Петербургский университет Восточный и специальный восточный факультеты. – СПб: Фонд восточных культур, 2000. – С.250 – 254.

205. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине) / Е.А. Оглезнева. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009а. – 352 с.

206. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье: о причинах высокого уровня сохранности / Е.А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2008в. С.6 – 21.

207. Оглезнева Е.А. Русский язык зарубежья: восточная ветвь / Е.А. Оглезнева // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 63. № 2. 2004. С. 42 – 52.

208. Оглезнева Е.А. Славянские анклав в Китае: этническое и языковое сохранение / Русин. 2018. № 2 (52). С. 77–88.

209. Оглезнева Е.А. Человек в диалектной картине мира (на материале производных имен существительных русских говоров Приамурья) Вестник Амурского государственного университета. Вып. 12. Благовещенск: АмГУ, 20016. С.75–79.

210. Оглезнева Е.А. Явление интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей русской диаспоры в Харбине) / Е.А. Оглезнева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. – Благовещенск: АмГУ, 2003а. – С.252 – 256.

211. Оглезнева Е.А. Язык русского зарубежья в Китае: к проблеме взаимодействия языков и культур/ Е.А. Оглезнева // Международная научная

конференция «Язык и культура», Москва, 14-17 сентября 2001г. – Тезисы докладов. – М., 2001в. – С.109 – 110.

212. Оглезнева Е.А. Язык русского зарубежья как одна из форм существования национального языка (на материале языка восточной ветви русского эмиграции) // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2014. № 4. С. 14–18.

213. Оглезнева Е.А. Языки в условиях многонационального Харбина: к проблеме языкового взаимодействия / Е.А. Оглезнева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. – Благовещенск: АмГУ, 2002. – С.445 – 451.

214. Оглезнева Е.А. Языковая история семьи: Забайкалье-Трёхречье-Харбин (на материале записей речи потомков забайкальских переселенцев в Китай) регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.[в 2 ч.] / Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2016 – 142с.

215. Оглезнева Е.А. Языковая ситуация в русском Харбине: динамический аспект/ Е.А. Оглезнева // Актуальные проблемы русистики. Материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию Томского государственного университета (Томск, 21-23 октября 2003 г.) / Отв. ред. Т.А. Демешкина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003б. – Вып.2. – Ч.1. – С.228 – 236.

216. Оглезнева, Е. А. Русский язык в восточном зарубежье: орфографический аспект / Е. А. Оглезнева/ Е. А. Оглезнева // Вестник Томского государственного университета, 2006 – № 293. – С. 16–22.

217. Оленёв С.В. Динамическое моделирование русской языковой личности: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2006. 270 с.

218. Осипова М.А. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование / М.А. Осипова // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 2002. С. 448–464.

219. Осовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. – М.: Наука, 1982. – 198 с.
220. Павлова А.В. О речи выходцев из России, проживающих в Германии / А.В. Павлова // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999. С. 270 – 275.
221. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв./ М. В. Панов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 456 с.
222. Панова Р.С. Фонетическая интерференция в русской речи китайцев / Р.С. Панова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22. С. 83–86.
223. Панченко О.Н. Виктор Шкловский: текст – миф – реальность (к проблеме литературной и языковой личности): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 41 с.
224. Певнов А.М. Эвенкийский язык // Большая российская энциклопедия. Том 35. Москва, 2017, с. 203–204
225. Перминов В.В. Начало и конец русского Трехречья // Региональный портал «Бабр.ру», 2007 [Электронный ресурс] URL: <http://babr24.com/?IDE=37457> (дата обращения: 30.05.2021)
226. Перминов В.В. Русское Трехречье//Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки: матер. междунар. науч. конф. 22-27 нояб. 2012/отв. ред. М.В. Константинов. Чита: ЗабГГПУ, 2012. С. 145–149.
227. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 276 с.
228. Пешков И.О. Граница на замке постсоветской памяти. Мифологизация фронтальных сообществ на примере русских из Трёхречья // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков. Иркутск, 2010. С. 601–616.

229. Полищук Д.С., Дарбанова Н.А. Фонетические и морфологические черты как фрагменты речевого портрета диалектоносителя // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2017. Вып. 3. С. 22–29.
230. Пляскина Е. И. Система консонантизма говоров сел Борзинского района Читинской области // Сибирские говоры: функционирование и взаимовлияние диалектной речи и литературного языка. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ин –та, 1988, С. 43–49.
231. Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 1: А-З. 358 с.; 2007. Т. 2: И-О. 338 с.; 2009. Т. 3: П-Р. 324 с.
232. Полякова В.Н. Экстралингвистические и интралингвистические факторы формирования русской языковой личности (на материале произведений художественной литературы). Ростов н/Д, 2002. 19 с.
233. Попова М.Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 32 с.
234. Потапова А.С., Оглезнева Е.А. Речевой портрет представителя русской восточной эмиграции в Австралии (на материале речи А.П. Лапардина) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (201). С. 121–128.
235. Протасова Е.Ю. Особенности русского языка у живущих в Германии / Е.Ю. Протасова // Русистика сегодня. Сб. статей / Ин-т рус. яз. РАН. № 1. М., 1996. С. 51 – 70.
236. Протасова Е.Ю. Особенности русской речи билингвов / Е.Ю. Протасова // Русский язык за рубежом. 2000. № 3/4. С. 42–48.
237. Протасова Е.Ю. Русско-финское двуязычие и русский язык: опыт Финляндии (к вопросу о бытовании русского языка как родного за пределами России) / Е.Ю. Протасова // Славяноведение. № 4. 1994. С. 44 – 52.

238. Пузырев А.В. Многослойность языковой личности // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Волгоград, 1997. С. 113–114.
239. Пузырев А.В. Общество, язык, текст и языковая личность в аспекте субстратного подхода к языку // Общество, язык, личность. М., 1996. Вып. 1. С. 20–23.
240. Пустовалов О. В. История русского Трехречья в рассказах переселенцев из России// Забайкальское казачество: История и современность: Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции; отв. ред. Е. В. Дроботушенко; Забайкальский государственный университет. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. – С. 57–59
241. Пустовалов О.В. Особенности сохранения русского языка у потомков русских переселенцев в китайском Трехречье в XX – начале XXI века// Смоленский государственный университет: Известия Смоленского государственного университета. 2020а. № 1 (49). С. 113–121.
242. Пустовалов О.В. Речевой портрет потомка русских переселенцев в китайское Трехречье в XX в. (на материале записей устной речи одной из представительниц русской восточной эмиграции в Китае) // Амурский государственный университет: Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020б. № 6 (2). С. 119–130.
243. Пфандль Х. Отношение к приметам и бытовым обычаям как индикатор культурного поведения русскоязычного эмигранта «третьей» и «четвертой волны» / Х. Пфандль // Славяноведение. 1997. № 2. С. 31–45.
244. Пфандль Х. Русский язык в современной эмиграции / Х. Пфандль // Русская речь. 1994а. № 3. С. 70 – 74.
245. Пфандль Х. Русскоязычный эмигрант «третьей» и «четвертой» волны: несколько размышлений / Х. Пфандль // Русский язык за рубежом. 1994б. №5/6. С. 101–108.

246. Райан Н.В. К вопросу о языковой ассимиляции (на примере русских иммигрантов из Китая в Австралию) / Н.В. Райан // Русский язык за рубежом. 2004. № 4. С. 48–50.
247. Райан Н.В. Россия-Харбин-Австралия: сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России / Н.В. Райан. – М.: Русский путь, 2005. 208 с.
248. Раппопорт И.А., Гохлернер М.М., Ейгер Г.В. и др. Языковая личность: проблемы изучения и формирования // Вопросы лингводидактики. Таллин, 1990. С. 54–90.
249. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты, лингвистическая проблематика / В.Ю. Розенцвейг. – Л.: Наука, 1972. 81 с.
250. Романенко А.П. Образ риторика в советской словесной культуре: Учеб, пособие. М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.
251. Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. 308 с.
252. Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
253. Саурбаев Р.Ж., Саурбаева О.Г. К вопросу о национальном типе личности в русской и английской языковой картине мира // Проблемы межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве. Тобольск, 2003. С. 107–108.
254. Седов К.С. Становление устного дискурса и становление языковой личности: грамматический и прагмалингвистический аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 112 с.
255. Сергеев О.И. Казачье Трёхречье в Китае: исторический ракурс // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки: Материалы Междунар. науч. конф. 22-27 нояб. 2012 г. (г. Чита Забайкальского края Российской Федерации – г.

Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики) / отв. ред. М. В. Константинов. Чита, 2012. С. 136–143.

256. Серкова А.А. Русские Приаргунья (по материалам экспедиций 2008 и 2010 гг.) // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение». Вып. 6. М., 2011. С. 61–71.

257. Сиротинина О. Б. Человек и его язык // Вопросы стилистики. Саратов, 1996. Вып. 26. С. 3–7.

258. Сиротинина О. Б., Кормилицына М.А. Национальные языковые и индивидуальные речевые картины мира // Дом бытия: Альманах по антропологической лингвистике. Саратов, 1995. Вып. 2. С. 15–18.

259. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань: Изд-во "Пилигрим". Т.В. Жеребило. 2010. 486 с.

260. Словарь социолингвистических терминов. – М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. Ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. 2006. 315 с.

261. Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с. (Studia Philologica).

262. Солнцев В.М. Китайский язык // В.М. Солнцев. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 225–226.

263. Соломеина Ю. Н. Трехречье – русская национальная волость в приграничном Китае/ Ю. Н. Соломеина // Общество и государство в Китае. – 2013. – Том 43. – №2. – С. 223–227.

264. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1980. – 141 с.

265. Ставров И.В. Элосыцзу – осколок русского мира в Китае (о положении русского этнического меньшинства в КНР) / И.В. Ставров // Россия и АТР. 2016. № 4 (94). С. 116–133.

266. Старыгина Г.М. Лингво-исторические портреты харбинцев (на материале речи русских эмигрантов) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2001. №.4. Этнические контакты. С. 263–269.

267. Статистический ежегодник территорий Китая за 2019 год (информация о деревнях) департамента государственного статистического управления социально-экономического исследования сельских районов Китая. 2019. Пекин: Национальное бюро статистики КНР. 2020. 461 с. (электронное издание на кит. языке)国家统计局农村社会经济调查司编.中国县域统计年鉴·2019(乡镇卷)[M].北京:中国统计出版社, 2020.05: 461.

268. Сундуева Д.Б. Лингвокультура Трёхречья как результат межкультурного взаимодействия // Вестник Забайкальского государственного университета. Чита, 2013. № 3 (94). С. 104–110.

269. Суран Т.И. Языковая личность автора и персонажа художественной прозы (на материале прозы М.А. Булгакова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1994. 17 с.

270. Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 30 с.

271. Тарасов А.П. Забайкалье и Китай. Опыт анализа международных связей. Чита, 2003. 432 с.

272. Тарасов А.П. Противостояние красных и белых в китайском Дамысово (28 сентября 1929 г.) // IV Петряевские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 360-летию города Нерчинска и 100-летию со дня рождения краеведа Е. Д. Петряева (Чита, 13-15 февраля 2013 г.). Чита, 2013а. С. 126–134.

273. Тарасов А.П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. М., 2014а. Т. XLIV. Ч. 2. С. 187–208.
274. Тарасов А.П. Русские в Барге: история и поиск национальной идентичности в приграничном Китае // Традиционная культура. М., 2014б. № 4. С. 3–14.
275. Тарасов А.П. Русские в Китае // Эксперт Сибирь. Новосибирск, 2007. № 31 (173). с. 34–36
276. Тарасов А.П. Эньхэ-русская национальная волость в приграничном Китае, 2013б. с.1–10
277. Тарасов А.П., Янков А.Г. Русские Трёхречья: история и идентичность. Чита: Экспресс-издательство, 2012. 72 с.
278. Тупикова Н.А. О выражении славянской языковой личности в деловых текстах начала XVII века // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. Вып. 6. Волгоград, 2007. С. 168–173.
279. Тэффи Н.А. О русском языке / Н.А. Тэффи // Русская речь. 1988. № 5. С. 65 – 68.
280. Урбански С. Русские казаки в Трёхречье // Восточная коллекция. 2014. № 3. С. 120–133.
281. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935. (4 т.)
282. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. Москва; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. 236 с.
283. Фоноархив «Русское Трёхречье». Записи: 2017 –2018
284. Хисамутдинов А.А. Следующая остановка – Китай: из истории русской эмиграции. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. 244 с.
285. Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия» «Седмица.ru», <http://www.sedmitza.ru/text/779398.html> [20.01.2018]

286. Цин Цзюе. Исследование деревни Эньхэ. – Пекин: Китайск. экономическ. изд-во, 2011. - 359 с. (на кит. языке) 恩和村调查/青觉主编.-北京: 中国经济出版社, 359页.2010年.10月.

287. Цин Цзюэ. Описание Эньхэ. Пекин: Изд-во Китайская экономика 2010. – 395 с. (на кит. языке) 恩和村调查/青觉主编. – 北京: 中国经济出版社, 2010.10

288. Чапыгин И.В. Трёхречье – район казачьего расселения русской эмиграции на севере-востоке Китая (1920–1945 гг.) // Сибирь в контексте российских перемен: исторический опыт, традиции и проблемы современности. Кн. 2. Иркутск, 2005. С. 169–171.

289. Черепко В.В. Сопоставительно-типологическое описание сегментной фонетики русского и японского языков в целях выявления звуковой интерференции в русской речи японцев: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Черепко Виктория Владимировна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2018. – 332 с.

290. Черняк В.Д. Речевой портрет носителя просторечия / Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 497–513.

291. Чжан Сяобинь. Русские как народность в Автономном районе Внутренней Монголии / кол. авт.; ред. Чжан Сяобинь. – Хулуьбуэр: Лит. изд-во Внутр. Монголии, 2015. – 354 с. на кит. языке. 内蒙古俄罗斯族 张晓兵主编.-呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2015年.354页.

292. Чжао Чжэ Звуковая интерференция в русском языке под влиянием языка-субстрата в условиях русско-китайских языковых контактов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Чжао Чжэ; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2017. – 189 с.

293. Чэн Даохун, Сюй Чжаныцзян. Справочник Хулуьбуэрского аймака.– Хух-Хото: Лит. изд-во Внутр. Монголии, 1999. – 2536 с. (на кит. языке)

程道宏, 徐占江. 呼伦贝尔盟志. – 呼和浩特: 内蒙古文化出版社, 1999. 2536 页

294. Шахматов П.В. Трехречье. Воспоминания. Томск: Красное знамя, 2014. – 344с.

295. Швейцер А.Д. Современная социалингвистика: Теория, проблемы, методы М. Наука, 1976. 176 с.

296. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социалингвистику. М.: Высшая школа, 1978, 216 с.

297. Шевнин И.Л. Страна Беловодье где-то в Маньчжурии // Словесница искусств. Хабаровск, 2009. № 2 (24). С. 126–131.

298. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса Волгоград: Перемена, 2003. 311 с.

299. Ши Чуньли. Исследование национальной идентичности этнических русских: на примере Шивэй-Русской национальной волости: дис...канд. этносоц. наук. – Пекин, 2009. 35 с. (на кит. языке) 时春丽. 俄罗斯族民族认同研究. 以室韦俄罗斯族民族乡为例. 北京 2009. 35 页

300. Шипановская Л.М. М. Щербаков «Шанхайские наброски» (опыт культурологического и лингвистического анализа) / Л.М. Шипановская // Язык и литература русского восточного зарубежья: материалы обл. науч.-метод. семинара "Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы" (27 ноября 2003 г.). – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2003. – С. 33–56

301. Шипановская Л.М. Элементы традиционной китайской культуры в поэтическом языке русского восточного зарубежья / Л.М. Шипановская // Русский Харбин, запечатленный в слове. Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. Вып. 1. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. С. 136–157.

302. Шкуропацкая М.Г., Даваа У. Национальная языковая картина мира как компонент речемыслительной деятельности монгольской и русской

языковой личности в сопоставительном аспекте // Перевод и сопоставительная лингвистика: Периодический научный журнал / отв. ред. М.С. Пестова; Урал. гум. ин-т. Екатеринбург: УрГИ, 2015. С. 84– 89.

303. Шляховой Д.А. Моделирование обобщенного речевого портрета блогера (на материале немецкой военной блогосферы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 879–892. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-879-892

304. Шойсоронова Е С. Языковая личность: этнический аспект (на материале бурятской языковой личности). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006. 21 с.

305. Щерба Л.В. О понятии смешения языков / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. Изд 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004в. С. 60–74.

306. Эндрюс Д. Пять подходов к лингвистическому анализу языка русских эмигрантов в США / Д. Эндрюс // Славяноведение. 1997. № 2. С. 18–30.

307. Энциклопедия Байду. Эньхэ [Электронный ресурс] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%89%E6%B3%E9%95%87/4479038?fr=aladdin#1> (дата обращения: 03.05.2021) 三河镇 (на кит. языке)

308. Энциклопедия Байду. Сучин [Электронный ресурс] <https://baike.baidu.com/item/%E8%8B%8F%E6%B2%81%E7%AE%A1%E7%90%86%E5%A7%94%E5%91%98%E4%BC%9A/22864166?fr=aladdin#4> (дата обращения: 30.11.2021) (на кит. языке)

309. Энциклопедия Байду. Эньхэ-Русская национальная волость. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/恩和俄罗斯族民族乡/4113499?fr=aladdin> (дата обращения: 21.07.2020)

310. Юй Цзяньчжун, Цзян Юн. Русская народность. – Юньнан: Изд-во Юньнан. ун-та, 2004. 360 с. (на кит. языке) 余建忠, 姜勇. 俄罗斯民族. 云南: 云南大学出版社. 2004年. 360页.

311. Юй Чуныцзян Исследование вопроса этнических русских в Китае (Внутренняя Монголия, Аргунь, Шивэй). Магистерская диссертация. – Центральный университет национальностей, 2009., 60 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.doc88.com/p-007207262362.html> (дата обращения: 14.02.2013) 于春江 中国俄罗斯族民族过程研究–以内蒙古额尔古纳市室韦 硕士学位论文 (на кит. языке)

312. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Под ред. Е.А. Земской. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001.

313. Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории [Текст]: (на материале российского Приамурья и провинции Хэйлуцзян, Китай): монография / А. В. Блохинская [и др.]; М-во образования и науки Российской Федерации, Амурский гос. ун-т. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. – 153 с.

314. Янь Гуанцин, Дун Сянчжуй. Русская народность в Аргуни. – Хайлар: Комитет книж. сер. «Романтический город», 2013. 286 с. (на кит. языке) 闫广庆, 董宪瑞. 额尔古纳俄罗斯族.–内蒙古: 浪漫之城系列丛书编委会 出版.2013年.286页.

315. Яхонтов С.Е. Китайско-тибетские языки / С.Е. Яхонтов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 226–227.

316. Chambers J.K., Trudgill P. Dialectology. Cambridge University Press. 1998. – 216 pages.

317. Dialects Across Borders: Selected Papers from the 11th International Conference on Methods in Dialectology methods XI-Joensuu, August 2002 (Amsterdam ... Theory and History of Linguistic Science), John Benjamins Publishing Co (December 30, 2005), 291 pages

318. Hymes D.H. (1972). On communicative competence. In J.B. Pride & J. Holmes (Eds.), Sociolinguistics (pp. 269–293). London: Penguin

319. Johannes Bernardus Berns, Jaap van Marle. Present-day dialectology: problems and findings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. – 357 pages.

320. Pobie V. Некоторые наблюдения над речью русских, живущих в Австралии / V. Pobie // Melburne Slavonic studies. № 7. 1972. pp. 90 – 95.

Приложение 1.
Родословные русских переселенцев в Трехречье

Город Лабудалинь, Ирина Г., 1942 г.р.								
Родство	ФИО, национальность	Г.р.	Место рождения	Основной язык	Степень владения	Второй язык	Степень владения	Примечания
Дед по отчиму	Китаец Ван Хундзи	?	Китай	Кит.	+			Провинция Шаньдун.
1 поколение бабушка по отчиму	Русская Мария Громова	?	Россия?	Рус.	+	?	?	
дед по матери	Китаец	?	Китай	Кит.	+	Рус.	+	
бабушка	Русская	?	Россия	Рус.	++			

по матери	Анна Меновщикова							
2 поколение мать	Надежда Ивановна Громова (в девичестве Меновщикова)	1918	Китай	Рус.	++	Кит.	+	
отчим	Метис Ван Цзя, русское имя – Николай Иванович Громов	?	?	Кит.	++?	Рус.	+	
отец	кореец	?	?	Кор.	+?	Рус.	+?	Возможно, владел японским языком, так как служил в японской армии.
3 поколение дочь	Ирина Николаевна Ван Сючжи 王秀枝	1942	Китай	Кит.	++	Рус.	++	
дочь	Валентина Николаевна Громова	1949	Китай	Кит.	+	Англ. Рус.	++ +	Проживает в Австралии, где говорит на английском. Порусски говорит мало.
4 поколение	Любовь	1961	Китай	Рус.	++	Кит.	++	окончила Харбинский

внучка								институт русского языка, в настоящее время живет и работает в г. Иркутске
внучка	Лина	1964	Китай	Кит.	++	Рус.	++	Окончила факультет русского языка Хайларского института
внучка	Наталья	1973	Китай	Кит.	++	Рус.	++	Училась русскому языку в г. Шанхае
внук	Алексей	?	Китай	Кит.	++	Рус.	++	Сейчас редко говорит на русском языке. Окончил среднюю школу в г. Лабудалинь
5 поколение пра-внучка	Клавдия	?	Китай	Кит.	++			
пра-внучка	Светлана	?	Китай	Кит.	++			Дочь Любви
пра-внучка	Ася	1993	Китай	Кит.	++	Рус.	++	Училась в Улан-Удэ в Восточно-Сибирском государственном университете

								технологий и управления, работает переводчиком
пра-внук	Борис	?	Рос-сия?	Рус.	++	Кит.	++	Живёт в России
пра-внучка	Мария	?	Рос-сия?	Рус.	++	Кит.	0+	Живёт в России
Муж Ирины	Метис Леонид Иванович Якимов	1941	?	Рус.	+	Кит.	++	Мать русская, Улита Якимова, отец - китаец.

Условные обозначения языковой компетенции информантов

0+ - понимает, но не говорит

+ - понимает и говорит

++ - понимает, говорит, пишет/читает

* приблизительное значение

Елизавета Ф. мать Анны

Город Лабудалинь, Анна Ф., 1974 г.р.								
Род-ство	ФИО, национальность	Г.р.	Ме-сто рож-де-ния	Ос-нов-ной язык	Сте-пень вла-де-ния	Вто-рой язык	Сте-пень вла-де-ния	Примеча-ния

дед по отцу	метис	?	Китай	Кит.?	+	Рус.	+?	
бабушка по отцу	русская	?	Россия	Рус.	+	?	?	
дед по матери	Китаец Русское имя - Василий	?	Китай	Кит.	+	Рус.	+	
1 поколение бабушка по матери	русская Акулина	?	Россия	Рус.	+	?	?	
2 поколение мать	метиска Елизавета Васильевна Ф.	1940	Китай	Рус.	++	Кит.	+	Родилась в Попирае, закончила 5 классов в русской школе в Китае.
отец	метис	?	Китай	Кит.	+	Рус.	+	
3 поколение дочь	Анна	1974	Китай	Кит.	++	Рус.	++	Крещёная, училась 8 лет в Троице Сергиевой Лавры, работает в храме.
дочь	Таисия		Китай	Кит.	++	Рус.	++	Живёт в Иркутске, уехала из Китая в девятнадцатилетнем возрасте,
сын	Михаил		Китай	Рус.	++	Кит.	++	Живёт в Улан-Удэ

сын	Андрей	?	Ки-тай	Рус.	++	Кит.	++	Живёт в Улан-Удэ
сын	Иван	?	Ки-тай	Кит.?	++	Рус.?	0+	Живёт в Лабудалине, не крещён
4 поколение внук	Виктор	?	Ки-тай	Кит.?	++	Рус.?	0+	Сын Анны
внук		?	Ки-тай	Кит.?	++	Рус.?	0+	Сын Анны
внучка	Наталья		Ки-тай	Кит.?	++	Рус.?	0+	Дочь Ивана
внук	Роман	?	Россия?	Рус.	++			Сын Андрея, живёт в России
внучка	Дарья	?	Россия?	Рус.	++			Дочь Андрея, живёт в России
внук	Игорь	?	Россия?	Рус.	++			Сын Михаила, живёт в России
внук	Оля	1987	Россия?	Рус.	++			Дочь Михаила, живёт в России
Муж Анны	Метис Павел	?	Ки-тай	Кит?	+	Рус.	++	Оба его дедушки – китайцы, обе бабушки – русские, его мать по паспорту была китаянка, но так же, как и отец, была рождена в смешанном браке. Павел ожидает поставления в

								священ- ники.
--	--	--	--	--	--	--	--	------------------

Условные обозначения языковой компетенции информантов

0+ - понимает, но не говорит

+ - понимает и говорит

++ - понимает, говорит, пишет/читает

* приблизительное значение

Приложение 2.

**Русская речь в китайском Трехречье
(фрагмент беседы с Лидией Д. и Зоей Б.)**

г. Лабудалинь,

уезд Аргунь-Юци,
автономный район Внутренняя Монголия,
КНР.

Беседовали Е.А. Оглезнева, О.В. Пустовалов, 2017 г.

Обработал О.В. Пустовалов, 2017 г.

Е.А. Оглезнева указана как интервьюер,

Лидия Д. указана как Л.Д.,

Зоя Б. указана как З.Б.

Интервьюер - А вообще здесь много таких у кого мать и отец – русские?

Л.Д. - Здесь полно их // А мы их тоже шибко не знам // В Караванна / тама-ка / много же можно вам туда съездить //

Интервьюер - Но мы съездим, а может вы скажете к кому обратиться?

Л.Д. - Да // там много их шас //

Интервьюер - Мы сейчас вам дадим визитку.

Л.Д. - Учительша //

Интервьюер - У вас родители здесь родились?

Л.Д. - Бабушка здесь // у меня мама здесь родилась // отец тама-ка в Китае //

Потом ка приехали сюда / поженилися // нас доносили //

Интервьюер - Кто здесь ещё есть, кто говорит по-русски?

Л.Д. - Ещё есть така полукровка // она очень по-русски хорошо говорит //

Она тама-ка в Манджурии переводчыцэм была //

Интервьюер - Кто это?

Л.Д. - Как её / Марианна // Маша / Маша // Её все Маша // Она там в Манджурии //

Интервьюер - Она здесь?

Л.Д. - Шас здесь //

Интервьюер - А Караванная далеко от сюда?

Л.Д. - Не шибко далеко //

Вы умеете читать и писать?

Л.Д. - Мы не грамотны //

Интервьюер - А до Улан Удэ далеко?

Л.Д. - Близко // они говорят два часа чоли //

Интервьюер - Вот деревянные дома. Они старые?

Л.Д. - Это не шибко старые //

Интервьюер - Это что?

Л.Д. - Нарошечно // (нрзбр) Садитесь // Садитесь //

Интервьюер - Лида, у Вас бабушка и дедушка где родились?

Л.Д. - Бабушка в Союзе // тама ка // Деда тоже китаец //

Интервьюер - Бабушка русская была?

Л.Д. - Русска //

Интервьюер - А дедушка?

Л.Д. - Китаец // (нрзбр) джес китаец //

Интервьюер - А как они встретились?

Л.Д. - Ну это то мы уж не знам-то как //

Интервьюер - Это давно было?

Л.Д. - Ну / дамно // Они у нас / Деда с бабой / они давно уж умерли // Меня то ешо не было // Они ешо молодые были / заболели / умерли //

Интервьюер - А родители родились здесь?

Л.Д. - Мама /здесь родилась //

Интервьюер - Мама когда родилась?

Л.Д. - Мама если жива шас будет так jiushiliu 九十六 //

Интервьюер - А папа когда родился?

Л.Д. - А папа если живой так ему уж сто //

Интервьюер - А звали их как?

Л.Д. - Мама Дьячкова //

Л.Д. - А у меня мама-то Бугаева //

-Маму звали Груня //

Интервьюер - А папу как звали?

Л.Д. - Папу всё по-китайски //

Интервьюер - А как они разговаривали?

Л.Д. - По-китайски // Мама же у меня полукровка // Деда же у меня чиста китаецс hebeiren [河北人] //

Интервьюер - А бабушка – русская?

Л.Д. - Бабушка – русская // её как зовут я не знаю //

Интервьюер - У вас есть братья или сёстры?

Л.Д. - У меня брат старше меня //

Интервьюер - Брат старше?

Л.Д. - На шесть лет //

Интервьюер - Вы родились в каком году?

Л.Д. - wuyinian[五一年] //

Интервьюер - Брат 1945 ?

Л.Д. - Во //

Интервьюер - А в семье говорили по-китайски?

Л.Д. - Мы вот с мужем всё // У меня муж так-то он хорошо говорит по-русски // Мы другой раз-то разговариваем / всё по-русски // Он если говорит я с ём //

Интервьюер - А у мужа свекровь – русская?

Л.Д. - Да // чиста русска //

Интервьюер - А отец у него – китаец?

Л.Д. - Китаецс // Шандун //

Интервьюер - Брат тоже говорил по-русски и по-китайски?

Л.Д. - Тоже / по-русски и по-китайски //

Интервьюер - Лида, у вас сколько детей?

Л.Д. - У меня / троя //

Интервьюер - Девочки или мальчики?

Л.Д. - Девочки / Девочки / двоя // Мальчик – один //

Интервьюер - А что делает дочка?

Л.Д. - Дочка-то дома // работы нету-ка //

Интервьюер - А кто самый старший?

Л.Д. - Девушка //мальчик – второй // третья – тоже девочка //

Интервьюер - А когда родилась дочка?

Л.Д. - qisannian[七三年]。 В семьдесят третьем году // Перва //

Интервьюер - А сын?

Л.Д. - В семьдесят пятом году //

Интервьюер - А вторая дочь?

Л.Д. - Потома-ка восемьдесят / в восемьдесятом году //

Интервьюер - А дети по-русски говорят?

Л.Д. - Не // не говорят // Вот это у меня большая девушка говорит // понимает // Говорит мало-малко // Ну / училас // Мало-малко-то поучилас на русском языке /

Интервьюер - А как она научилась?

Л.Д. - Дак // она училась в школе в Хайларе // Учителша учила //

Интервьюер - А дома вас как называли?

Л.Д. - Где Лида // где Сяо Жун / всяко //

Интервьюер - А в документах, в паспорте?

-Л.Д. - Меня это / в церкви / крестили когда / тоже Анна // Родилась / вот дали имя // Лида / Лида / Лида // А в церкви/ крестили когда // батюшка крестил // Анна //

Интервьюер - А в церкви все крестились?

Л.Д. - Крешонные //

Интервьюер - А дети?

Л.Д. - Дети- нет // Здесь тока церкву года эти поставили // Ну // а батюшка/ шас не может уже крестить // Ешо надо у кого-то учиться // Он же не кончил это /

З.Б. - Meiyouzheng[没有证] // Батюшка meiyouzheng[没有证] //

Интервьюер - А мы думали здесь старая церковь есть /

Л.Д. - Нет / счас / Раньше была / Раньше здесь / ешо в Тулунтуе церковь была / на Шучьэ церква и в Драгоценки церква / а шчас в эти года / чо революция была / всё же преломали // Вот по эти года тут поставили церкву //

Интервьюер - Этой церкви сколько лет?

Л.Д. - Десять лет наверно //

Интервьюер - А сколько русских сёл здесь всего было?

Л.Д. - Ну / чо то много // Много было здесь русских // А потома ка все же уехали // В Австралию // В пятьдесят пятом году так-то всё же туды / в Союзь // эта / переехали/ а из Китая сюды перевели / а русских всех туды / в Россию перевели // А потом после етого осталось тут скока-та // До революции / до революции-то / все потом русские-то уехали // Тока однако же в Тулунтуе остались одни / после революции они // (нрзбр) Но тоже / в Австралию уехали мало / а в Россию много / Всё всё туды //

Интервьюер - Они писали оттуда?

Л.Д. - Всё писали пока до вот потом это письма не стали // У нас тоже / у меня тоже дядя был // Он тоже переехал он в Иркутске / туды // Но и шчас он уж тоже давно уж умер / дети остались у него не стали / тоже у нас не письма / никого не знам они где // И это у мужа тоже тётки уехали туды / Скока // Троя / навроди ли // Скока // Тоже их стары нетула // Одни дети остались // Вот не знать / где они шчас тоже // Дубовая, есть // Покровка есть // Романовка / Дуи / Староверы // Тама-ка // Хычова / Тулунтуй / Попирай / Яр-нишна(нрзбр) / Энхэ/ Караванна//

Интервьюер - А сейчас другие названия сёл?

Л.Д. - Ну, шчас у кого старые люди // Пошти что не ту-ка // Как мы вот эти // Вот тока // Попирай/ Кардана / Раньше деревни были //

Интервьюер - Трёхречье – это потому что три реки? Это какие?

Л.Д. - Дербул, это / Кан / Это вот этот вот Ган / Хаул, во //

Интервьюер - А куда уезжали отсюда в Россию?

Л.Д. - Сперва-то говорили, чтоли-ка много. У нас Красноярск / Тётя // Дядя-то Иркутск //

Интервьюер - Они сюда не приезжали?

Л.Д. - Приезжали //

Интервьюер - А они по-китайски говорят?

Л.Д. - Много уезжали в Сибирь / в Сибирску / в Сибирск //

Интервьюер - Новосибирск?

Л.Д. - Однако же то туда // Но чо та говорили так // Но раньше эти старики / старухи разговариват / а мы маленькие же слушали // Шибко много не знам // А потом после этого тоже уехали тут где-то недалёка //

Интервьюер - В Забайкалье, может быть?

Л.Д. - Можит быть и вот так // Ага // Тута-ка попирайские уехали много суды // Ричи / Как? Переедешь / эту / сразу / Вот / Вот с нами поразговаривайте, побеседуйте //

Интервьюер - Зоя, у вас две дочери, да? Первая в каком году родилась? Как её зовут?

Л.Д. - Мы детей не зовём по-русски / всё по-китайски //

Интервьюер - И у вас у детей китайские имена, русских нет имён? Они крещёные?

Л.Д. - Не крещоны //

Интервьюер - Сколько лет вашей дочке? Когда она родилась?

З.Б. - Si shi sui (42岁) // Qishiernian (72年) // Sishiqi(四十七) // Sishiba(四十四吧) // sishiwu (四十五) //

Интервьюер - А младшей сколько лет?

З.Б. - tabitaliannian. (她比她两年)

Интервьюер - 43. Два года разница? Значит 43 и 45. А где работают они?

Л.Д. - В школе / младшая – докторица.

Интервьюер - Внуки есть у вас?

Л.Д. - Есть / есть / внучка / внучка / одна / Ешо внук от второй дочери внук.

Интервьюер - Сколько лет внучке?

Л.Д. - Внучку Нина зовут // Она учится на русском языке // Ershileba (二十了吧?)

Интервьюер - Зоя, а вашему внуку сколько лет?

З.Б.- shiqi.

Интервьюер - А он по-русски говорит?

Л.Д. - Нет.

Интервьюер - Он в школе учится?

З.Б. - Петя, tajiaoНина. Внучка jiao Нина. Ниной зовут xianzaі по-русски учатся.

Л.Д. - Так у меня у большой девки, ребятишек нет. Вот тока от сына эта внучка. Ей скока 15 лет.

Интервьюер - Она тоже по-русски не говорит?

Л.Д. - Я ей говорю это надо учитса. Она по-русски поёт, а не говорит.

Внучка поёт хорошо. А не говорит.

Интервьюер - Лида, а у вас всего сколько внуков?

Л.Д. - У меня у маленькой девушки тоже внучка и внук.

Интервьюер - И у сына внук? То есть трое всего? И они тоже не говорят по-русски?

Л.Д. - Не, не говорят.

Интервьюер - А сколько лет им?

Л.Д. - Neige. Jinnianshisishisan. Самый маленький Володя зовут восим.

Интервьюер - А в документах он не Володя?

Л.Д. - Так ето мы же не крестили // Вон бабушка китаянка тоже // Она там это в Китае // Вот обязательно чтобы дедушка имя дал по-русски // Деда говорит так вы китаецсы вам што русское имя // Нет // Дай да и всё // Вот // Он потом говорит // Видно дедушка ему Володя // Теперь же не зовите меня здесь

русских-то нету так а вы почём меня зовёте-то Володя? Потом спросит тебя Володя папа как? Ну, вон большой Володя, а я маленький Володя //

Интервьюер - А погода здесь какая? Температура высокая?

Л.Д. - Дак 30 боле где 40 боле тоже бывает. Пурга бывает.

Интервьюер - А летом жарко?

Л.Д. - Ну, не так жарко. Дня два три с неделю будет наверно и так будет пройдёт и не жарко. Никого нету как. Нынче засуха была. А потома-ка по-следь дожди пошли.

Интервьюер - А русские праздники вы отмечаете?

Л.Д. - Тоже отмечаем. В церкву ходим. Богу молимся. Паски тоже здесь ето. Видешь. Я ети года тоже не ходила. Я в прошлом году тама-ка у дочери была в Шандун.

Интервьюер - А кроме Пасхи какие праздники отмечаете? Рождество?

Л.Д. - Рожжество-тама. Нам тоже вот скажут какие праздники.

Интервьюер - А у вас иконы есть? А какие? Можно посмотреть?

Л.Д. - Пожалста.

Интервьюер - А кто это вышивал //

Л.Д. - Я сама // Вот посмотрите правильно не мы поставили икона // Где не-правильно покажите нам // У меня вот эта мне мама оставила //

Интервьюер - Которая большая?

Л.Д. - Ага // Больша-та эта из Австралии // А эта племянница выслала // А от-суда вот эта стара-то вот это мама мне оставила //

Интервьюер - Ну, вы молитесь?

Л.Д. - Молимся, я каждую неделю // Вот в воскресенья // Сёдня // Сёдня вос-кресенья я вот свечи зажигаю и Богу молюся-ка вот // Каждую неделю, ну вот, утром встаю моюсь // Ничё не делаю вперёд Богу молюсь //

Интервьюер - Вот видите вы продолжаете русские традиции //

Л.Д. - Как матери раньше наказывала как чо помним и чо там помним что там можем сделать, сделам //

Интервьюер - Ну и дети должны знать //

Л.Д. - У меня болша девка тоже иной раз приедет комнаты нету-ка // Но я тоже отес тагды живой был // Всё предет // У тебя пошто иконы нету-ка, оставь икону // Она у них // Они же китаецы – китаесы // Вот это тоже китайские // Другое (нрзбр)

Интервьюер - А Зоя тоже в церковь ходит?

Л.Д. - Тоже иконы есть, тоже мама оставила //

Интервьюер - А вот родители, они в церкви уже не венчались?

Л.Д. - Не //

З.Б. - Wo baba jiao qi ji min //

Л.Д. - Видишь, гврит // Поняла? Отец, деда в церкви крестились имя дали //

З.Б. – Wo baba jiao Василий //

Интервьюер - В Харбине церковь есть?

Л.Д. - Там церква, да, там церква //

Интервьюер - Раньше много крестились?

Л.Д. - Здесь счас тоже китайцы, которы крестя́тся // Тоже есть Но шчас здесь батюшки нету-ка // Вот эти наши дети / их крестить-как их и батюшки нету // Он здесь этот батюшка / но пока он не может крестить//

Интервьюер - Кто хочет крестить в другое место едут?

Л.Д. - Когда ну ешо может// Скока лет? Лет шесть-семь было// Тама-ка когда это из Астрали на / вроде приездеали батюшка// Вот крестил раз тока// На дому у кого-то крестились они так а//

Интервьюер - А у вас остались какие-то ещё вещи кроме икон?

Интервьюер - Брат / я /э как замуж вышла так и ушла всё там у их осталось чо-чо//

Интервьюер - А жили они в каком доме?

Л.Д. - Тоже это у их / и с э / и с этим шас(твёрдое ша) я то // У меня уот голова-то тоже как? Mutouduo (голова не работает)// Мы шас шли эти / деревянные дома ставили //

Интервьюер - А дома они сами строили?

Л.Д. - Сами-сами раньше всё сами строили-же//

Интервьюер - В дома сколько было комнат?

Л.Д. - Кого? Раньше не было комнат / Вот это этот во што-то больша дом
стоит тут п[э]чка (твёрдый звук ч) / тут обогр[э]ватель / тут русска печка //
Тама-ка потома-ка плита стоит вот вот так и всё//

Интервьюер - В русской печке что делали?

Л.Д. - Дак тама-как ч[о] хлеб пекли где суп сваря́т всё вот //

Интервьюер - А суп какой варили?

Л.Д. - Дак э / суп какой / где с мясом / где капуста / где кости ставили варили
всяко же тоже //

Интервьюер - А что ещё варили? Мама что готовила? Холодец?

Л.Д. - Ну / всё готовила // где рыбу (произносит почти как лыбу) / мы ишо –
та маленьки были // Ну у нас мама печенье пекла / всяко тоже / всё запекала
где вот мясо / поросят тама-ка запекала всё //

Интервьюер - А печенье какое?

Л.Д. - Где пряники тама-ка где вот эта / калачики / да чо да вот всякие //

Интервьюер - А шанишки?

Л.Д. - Шанги пекли из этих//

Интервьюер - С творогом наверное?

Л.Д. - Да / с творогом тоже пекли // Картомники всё всяко // У нас мама
хорошо пекла //

Интервьюер - Дрожжи были?

Л.Д. - Дрожжи сами делали//

Интервьюер - А из чего делали?

Л.Д. - Дак раньше всё же на стебе(нрзбр), хмель вот такой вот // Цветочки их
раньше нарвут приташат сами нас мама дрожжи хорошие варила //

Интервьюер - Вы тоже умеете?

Л.Д. - Мало-малко //

Интервьюер - Зоя, а вы?

Л.Д. - У меня мама //

Интервьюер - Мама тоже и тарочки, и шаньги делала?

З.Б. - я никого не умею // Shenme wo ye bu hui //

Интервьюер - С черёмухой?

Л.Д. - Черёмуху намелишь иной раз // Насеешь эту муку / заваришь // Где это тама-ка ягода всё это есть // Варенье навариш / заваришь потом тарочки пекёшь //

Интервьюер - А варенье с какой ягоды варили?

Л.Д. - Дак голубица есть // Брусница / это всё // (тут слышно оканье)

Интервьюер - Вот вы говорите голубика, брусника из леса ягоды // А что здесь есть лес?

Л.Д. - Дак у нас здесь есть лес в етим лесу никого нету-ка там далёка в Тулунтуе // В Тулунтуе там есть лес [Шапто],[Чешуя] туды ездили по ягоду // Тама-ка брусница есть и эта / всё / смородина всё есть //

Интервьюер - А в саду у вас не было?

Л.Д. - Но в саду тоже тут дома никого // У меня там маленечко ета хто малина вот / да чёрёмуха // Вот и всё // Другого ничё нет //

Интервьюер - Мама с папой держали скотину, корову?

Л.Д. - Ну вот / держали // бараны / коровы //

Интервьюер - А лошадь?

Л.Д. - Нет //

Интервьюер - Что делали с молоком?

Л.Д. - Дак с молоком сперва сами вот где пропускали // Тама-ка у кого может сепаратор есть // Таскали там пропускали вот сметану // всё а потома-ка во всё забрали же коров всё забрали и всё сдали //

Интервьюер - Почему забрали? Это когда было?

Л.Д. - Ну когда это всё же [ушли] всё собирали всё русские уехали // Из Китая всё приехали //

Интервьюер - Это 53 год? Культурная революция?

Л.Д. - Не-не до этого // Вот //

Интервьюер - Я имела ввиду, что у мамы с папой здесь уже была корова //

Или там?

Л.Д. - Там // Ешо мы маленькие были //

Интервьюер - Но вы родились здесь?

Л.Д. - Мы родились в Тулунтуе / в Трохречье // Там я в Тулунтуе родилась //

Потома-ка я на Шучью замуж вышла //

З.Б. – К нам приехала (смеётся)

Л.Д. - Потома-ка суды перекочевали // Ну суды перекочевали уже 10 лет //

01:11:57:384

Интервьюер - 10 лет назад?

Л.Д. - Тута живём!

Интервьюер - Т .е. вы с Тулунтуя?

Л.Д. - С Тулунтуя // В Шучу я в замуж вышла, а потома-как детей наносила

пока да чо да и вот сняла со с работы и суды потом приехали / мы суды

перекочевали // Тут уже десять лет / живём //

Интервьюер - А вы с Зоей подруги?

Л.Д. - Подруги мы с ней там на Шучэ жили суседи она там суды приехали

вместе работали / подружки //

Интервьюер - Это хорошо, что так долго вместе // А вот скажите ещё, мама с папой никогда не хотели вернуться в Россию?

Л.Д. - Не //

Интервьюер – Т.е. остались уже и остались?

-Вот вот ага //

Интервьюер - Наверное, потому что папа – китаец?

Л.Д. - Вот вот //

З.Б. - А у неё паспорт есть? Она ещё никуда не ездила // Никуда не ехала //

Я в Иркутск поехала // У меня там дядя / не знаю где там они живут //

Интервьюер - Нашли? Надо было написать //

Л.Д. - Написали // Da Beijing re shi jiao eyu ta gei xie shangle // You zhe ge weixin zenme zhao //

Интервьюер - Посмотрели? Понравилось?

З. Б. – ganjing Чиста! Там ещё huan – серёжки купила//

Л.Д. - Там холодно дорого сейчас //

Интервьюер - Вам тоже надо съездить!

Л.Д. - Думаем / что съездить //

Интервьюер - Мы можем договоримся и вы нас к Марии сводите?

Л.Д. - Они туть вплоть живут //

Интервьюер - Рядом?

Л.Д. - Если хотите дак мы шас сводим //

Интервьюер - Пойдёмте. Вы наверное устали? Вы не переживайте это никуда не пойдёт! Это нужно для исследования.

Л.Д. - Мы никого не боимся это нас уже скоко раз спрашивали / приедут расспрашивают нас // У меня муж когда живой был // Он всё с имя ходил / он туды переводчиком сколь лет // Они же по-русски не говорят // Ты почему это эдак по-русски хорошо говоришь? Он с русскими так и жил // Ты чо-то шибко хорошо говоришь //

Зоя - Ещё мало-мало грамотный (смеётся) //

Интервьюер - Это же хорошо, что ходят люди, хотят узнать //

Л.Д. - У него подруга – тама-ка в России там много //

Интервьюер - У нас же раньше тоже раньше нельзя было. И мы не ездили никуда. А сейчас можно?

-Щас можно, щас всё наотркыто наотркыто же //

Интервьюер - И учителей много, которые в Китае работают русские, и у нас там работают в Китае //

Л.Д. - Дружба youhao // Мы без чаю / без всего что-та // Надо бы чаю вам наладить //

Интервьюер - Ну, может в другой раз?

Л.Д. - Ну / может // Теперь ча / знаете где // Ага // Приходите //

Приложение 3.

**Фоноархив «Русские в китайском Трехречье»
КНР
2017-2018**

№ звуков ого файла/ =№эле ктр.	Дата записи	Место записи	ФИО и год рож- дения инфор- манта	Беседу вели	Продол- житель- ность беседы	Автор электрон- ного дневника	Основные темы	Приме- чания
--	----------------	-----------------	---	----------------	---------------------------------------	--	---------------	-----------------

днев-ника								
01	24.09.2017	Лабудалинь	Лидия Д. 1951 г.р., Зоя Б., 1945 г.р.	Оглезнева Е. А., Пустовалов О. В.	78 минут	Пустовалов О. В.	Семья, жизнь в Китае, работа, образование, Культурная революция 1966–1976 гг., быт, рыбалка.	
02	24.09.2017	Лабудалинь	Мария Б. 1938 г.р	Оглезнева Е. А., Пустовалов О. В.	75 минут	Пустовалов О. В.	Семья, быт, работа, Японо-китайская война, травма.	
03	24.09.2017	Лабудалинь	Лидия Д. 1951 г.р., Зоя Б., 1945 г.р.	Оглезнева Е. А., Пустовалов О. В.	93 минуты	Пустовалов О. В.	Китайские блюда, Трехречье.	Разговор проходил во время обеда в ресторане.
04	24.09.2017	Лабудалинь	Лидия Д. 1951 г.р., Зоя Б., 1945 г.р.	Оглезнева Е. А., Пустовалов О. В.	10 минут	Пустовалов О. В.	Прощание с Лидией и Зоей.	
05	24.09.2017	Лабудалинь	Ася Гр., 1993 г.р.	Оглезнева Е. А., Пустовалов О. В.	2 минуты 24 секунды	Пустовалов О. В.	Знакомство. Семья, образование.	
06	25.09.2017	Лабудалинь	Анна Ф. 1974 г.р.	Оглезнева Е. А., Пустовалов О. В.	55 минут	Пустовалов О. В.	Традиции русских переселенцев, быт, семья, русские блюда, церковь.	
07	25.09.2017	Эньхэ	Зоя	Оглезнева Е. А., Пустовалов О. В.	3 минуты 40 секунд	Пустовалов О. В.	Гостиницы в Эньхэ, ресторан, блюда.	Говорили на китайском языке. Хозяйка гостиницы в Эньхэ. Разговаривали с ней, когда искали гостиницу.
08	25.09.2017	Эньхэ	Николай Ш. 1935 г.р.	Оглезнева Е. А., Пустовалов О. В.	4 минуты	Пустовалов О. В.	Первая встреча, знакомство.	

09	25.09.2 017	Эньхэ	Николай Ш. 1935 г.р.	Оглез- нева Е. А., Пустова- лов О. В.	75 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Семья, Японо- китайская война, отъезд русских из Трехречья в 1955 г., Россия.	
10	25.09.2 017	Эньхэ	Алек- сандр М. 1935 г.р.	Оглез- нева Е. А., Пустова- лов О. В.	85 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Семья, жизнь в Китае, Культур- ная революция 1966–1976 гг., строительство домов в селе, русские блюда, работа, русские праздники в Трехречье, жи- вотные, рыбалка и охота.	
11	25.09.2 017	Эньхэ	Кирилл, 1960 г.р.	Оглез- нева Е. А., Пустова- лов О. В.	1 ми- нута	Пустова- лов О. В.	Семья.	Встре- тили в су- пер- мар- кете. Обще- ние дли- лось около 5 минут.
12	26.09.2 017	Эньхэ	Алек- сандр М. 1935 г.р.	Оглез- нева Е. А., Пустова- лов О. В.	11 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Кан в доме Алек- сандра, русское кладбище в Трехречье, бин- тование ног в Ки- тае девушкам, одежда русских переселенцев.	
13	26.09.2 017	Лабуда- линь	Елиза- вета Ф. 1940 г.р.	Оглез- нева Е. А., Пустова- лов О. В.	112 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Семья, еда, Куль- турная револю- ция, здоровье.	
14	27.09.2 017	Лабуда- линь	Ирина Гр. 1942 г.р.	Оглез- нева Е. А., Пустова- лов О. В.	180 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Семья, жизнь и быт потомков русских пересе- ленцев в Трехре- чье, их традиции и обычаи, исто- рия России и Ки- тая, русский язык, работа учи- телем русского языка в школе.	
15	13.07.2 018	Лабуда- линь	Елиза- вета Ф. 1940 г.р.	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	80 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Социальный со- став русских пе- реселенцев в Трехречье, се- мья, образова- ние, самое хоро- ший период в жизни, рыбалка.	

16	13.07.2 018	с. Сучин (Щучье)	Лидия Д. 1951 г.р.	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	76 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Русское телеви- дение в Китае, образование, ра- бота, животные, одежда, которую носили русские переселенцы в Трехречье, игры, русские празд- ники в Трехре- чье.	
17	14.07.2 018	с. Сучин (Щучье)	Татьяна Влади- мировна П., 1942 г.р., Гав- риил Ф., 1943 г.р., Нина Никифо- ровна П., 1936 г.р., Ли- дия Д. 1951 г.р.	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	127 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Семья, детство, болезни, китай- ские продукты, посуда, народная медицина рус- ских переселен- цев, свадебные обряды, тради- ции русских пе- реселенцев, одежда пересе- ленцев, право- славные тради- ции переселен- цев, отъезд из Трехречья, дома в Трехречье.	
18	14.07.2 018	с. Сучин (Щучье)	Лидия Д. 1951 г.р.	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	10 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Сын.	
19	14.07.2 018	с. Сучин (Щучье)	Лидия Д. 1951 г.р.	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	66 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Русские про- дукты в Китае, внучка, изучение внучкой русского языка, блюда, ко- торые готовили русские пересе- ленцы.	Во время обеда в ресто- ране.
20	14.07.2 018	Лабуда- линь	Надежда , Павел	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	14 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Семья.	Беседа велась на ки- тай- ском языке. Неко- торые во- просы зада- вали на рус- ском, ответы были на

								китайском и на русском.
21	14.07.2018	Эньхэ	Нина Никифоровна П., 1965 г.р.	Пустовалов О. В., Гордеева С.В., Гордеев С.В.	7 минут	Пустовалов О. В.	Гостиница Нины.	Заселение в гостиницу к Нине.
22	14.07.2018	Эньхэ	Нина Никифоровна П., 1965 г.р.	Пустовалов О. В., Гордеева С.В., Гордеев С.В.	4 минуты	Пустовалов О. В.	Поиск информантов в Эньхэ.	
23	14.07.2018	Эньхэ	Николай Ш. 1935 г.р.	Пустовалов О. В., Гордеева С.В., Гордеев С.В.	9 минут	Пустовалов О. В.	Туризм в Эньхэ, семья. Николай спросил нас как мы доехали из России в Китай, о нашем маршруте.	
24	14.07.2018	Эньхэ	Анна Никифоровна П., 1953 г.р., Иван Д., 1945 г.р.	Пустовалов О. В., Гордеева С.В., Гордеев С.В.	102 минуты	Пустовалов О. В.	Семья, работа, русские блюда, цветы в саду, животные, грибы, домашнее хозяйство, одежда, транспорт, туризм в Эньхэ, рыба, которая водилась в реках Трехречья, отъезд русских из Китая.	
25	14.07.2018	Эньхэ	Василий З., 1944 г.р.,	Пустовалов О. В., Гордеева С.В., Гордеев С.В.	82 минуты	Пустовалов О. В.	История Трехречья, жизнь трехреченцев, работа, семья, отъезд русских из Китая, хозяйство, русские праздники в Китае, русские блюда, поддержание русских традиций, свадьбы русских в Трехречье.	
26	15.07.2018	Эньхэ	Нина Никифоровна П., 1965 г.р.	Пустовалов О. В., Гордеева С.В., Гордеев С.В.	6 минут	Пустовалов О. В.	Сколько потомков русских переселенцев пишут по-русски, туристы в Эньхэ.	

27	15.07.2 018	Эньхэ	Маруся Д., 1940 г.р.	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	83 ми- нуты	Пустова- лов О. В.	Семья, русские праздники, дет- ство, работа.	
28	15.07.2 018	Эньхэ	Юрий М., 1963 г.р.	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	13 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Русский харак- тер, семья, юность Юрия, строительство русских печей.	
29	15.07.2 018	Эньхэ	Михаил В.	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	10 ми- нут	Пустова- лов О. В.	Семья, работа, изучение рус- ского языка, Эньхе, в каких китайских горо- дах проживают потомки русских переселенцев,	
30	15.07.2 018	Эньхэ	Алек- сандр М. 1935 г.р.	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	2 ми- нуты	Пустова- лов О. В.	Казачи в Трехре- чье.	
31	15.07.2 018	Лабуда- линь	Варвара У., 1945 г.р.	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	44 ми- нуты	Пустова- лов О. В.	Семья, хозяй- ство, русские блюда, посуда.	
32	15.07.2 018	Лабуда- линь	Варвара У., 1945 г.р.	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	43 ми- нуты	Пустова- лов О. В.	Потомки русских переселенцев в Синь-Цзяне.	
33	15.07.2 018	Лабуда- линь	Варвара У., 1945 г.р.	Пустова- лов О. В., Гор- деева С.В., Гордеев С.В.	8 минут	Пустова- лов О. В.	Таможня в Мань- чжурии, такси в Лабудалине.	Проща- ние с Варва- рой.

